ОЛЕГ АЙРАПЕТОВ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

СОВЕТСКОЙ РОССИИ И СССР В 1920-1939 ГОДАХ

И ИСТОКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Олег Рудольфович Айрапетов
Внешняя политика Советской России и СССР в 1920-1939 годах и истоки Второй Мировой войны

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62681716
Внешняя политика Советской России и СССР в 1920-1939 годах и истоки Второй мировой войны / О.Р. Айрапетов: Родина; Москва; 2020
ISBN 978-5-907351-07-3

Аннотация

Книга посвящена анализу внешней политики нашей страны в период между двумя мировыми войнами и рассказывает о стремлении Москвы не допустить вооруженного конфликта в Европе и на Дальнем Востоке.

Внешняя политика СССР в период с 1920 по 1939 годы прошла путь от завершения Гражданской войны и интервенции, от военно-политического бессилия страны во враждебном окружении, до резкого усиления Советского Союза и превращения его в важнейшего игрока на политическом поле Европы. При этом советская дипломатия должна была

ликвидировать если не угрозу войны вообще, то в любом случае – угрозу войны на два фронта – в Европе и Азии.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Вступление 10
Глава 1 35
Глава 2 148
Глава 3 159
Глава 4 210
Конец ознакомительного фрагмента. 219

Олег Айрапетов
Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй мировой войны

© Айрапетов О. Р., 2020
© Российское военно-историческое общество, 2020
© ООО «Издательство Родина», 2020

Дорогие читатели!

Вы держите в руках уникальную монографию известного отечественного историка Олега Рудольфовича Айрапетова,

в которой он шаг за шагом распутывает клубок международных противоречий, проложивших дорогу ко Второй мировой войне.

Международные отношения – один из наиболее сложных предметов исторических исследований, поскольку требует учета множественных контекстов, различения дипломатических игр и подлинных целей, глубочайшего анализа документов внешнеполитических ведомств разных стран. Обилие документов, материалов, а иногда и мифов создают, вместе с тем, возможность недобросовестным «исследователям» (осознанно и специально) манипулировать фактами, выдергивать их из исторических реалий и приправлять ими откровенную ложь. Так рождаются политические спекуляции – обвинения Советского Союза в сговоре с гитлеровской Германией и в развязывании войны, в тайных и явных претензиях Сталина на мировое господство, и так далее.

Президент России В.В. Путин в своей статье «75 лет Великой Победе – ответственность перед историей и будущим» предостерегает о тяжелой расплате за забвение уроков истории. «Мы будем твердо защищать правду, основанную на документально подтвержденных исторических фактах. Продолжим честно и непредвзято рассказывать о событиях Второй мировой войны», – подчеркивает глава государства.

Именно в таком ключе и следует рассматривать выход в свет книги Айрапетова О.Р. «Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах». На более чем тыся-

че страниц монографии изложены многолетние исследования автора, опирающегося на многочисленные архивные документы и сотни работ российских и зарубежных историков. Это своеобразный итог развития отечественной историографии в этой области, и теперь каждый желающий может углубленно, во всей комплексности и противоречивости вникнуть в международную политику предвоенных десятилетий, в те предпосылки, которые привели ко Второй мировой войне.

Уверен, что книга станет серьезной научной основой для дальнейшего изучения проблематики и в деле отстаивания исторической правды.

Помощник Президента
Российской Федерации
В. Р. Мединский

Вступление

Внешняя политика СССР в период с 1920 по 1939 год прошла через несколько этапов. Это был путь от завершения Гражданской войны и интервенции, от военно-политического бессилия страны во враждебном окружении до резкого усиления СССР и превращения его в важнейшего игрока на политическом поле Европы. После выхода Советской России из кольца фронтов в 1918–1920 гг. довольно быстро наступило время внешнеполитической нестабильности. Первой проверкой стал 1923 год, когда резко ухудшились советско-английские отношения. Кризисы 1927–1929 годов, 1931–1933 годов, 1938 и 1939 годов несли угрозу большой войны на два фронта в Европе и Азии. Первый раз советское руководство столкнулось с ней еще на завершающем этапе Гражданской войны во время борьбы с польским нашествием в 1920 г., когда реальной стала перспектива столкновения с Японией. Естественно, что Москва пыталась избежать опасности одновременного конфликта на Западе и Востоке. Она была чрезвычайно велика, что определяло задачу оборонительной стратегии СССР. И после 1925 г., когда японские интервенты последними покинули территорию РСФСР, угроза со стороны Токио была гораздо более серьезной, чем угроза на европейских границах, хотя и там у Советского Союза были крайне недружелюбные соседи.

Вплоть до осени 1939 года СССР не был решающей силой для политических процессов, которые шли в мире, созданном после окончания Первой мировой войны в Версале. Политическое влияние Советской России, а затем и СССР в эти годы было отнюдь не сравнимо с авторитетом, приобретенным Москвой после победы над гитлеровской Германией и ее союзниками в Европе и Азии. В 1917–1918 годах обрушились сразу несколько традиционных Великих Держав. Первая Мировая война закончилась крушением Российской, Германской, Австро-Венгерской и Оттоманской империй и перестройкой политического пространства Центральной и Восточной Европы, Малой Азии и Ближнего Востока. Новый мир возник на руинах старого, который рухнул неожиданно для многих и быстро.

28 октября 1918 года Австро-Венгрия обратилась к союзникам с просьбой о перемирии, 30 октября капитулировала Османская империя. В конце октября 1918 г. на кораблях германского флота начались волнения, 4 ноября на военно-морской базе в Киле вспыхнуло восстание – в Германии началась революция. 9 ноября кайзер Вильгельм II бежал в Голландию. 11 ноября 1918 года было подписано Компьенское перемирие, фактически это была капитуляция Германии. Первая Мировая война закончилась. Париж ликовал. Все правительственные учреждения были закрыты, по улицам разъезжали украшенные флагами беспрерывно сигналящие машины, забитые ликующими людьми, обнимавшими

всякого человека в военной форме[1]. Казалось, закончилась последняя война. Вскоре это стало почти всеобщим убеждением. На самом деле делалось все для того, чтобы это было не так. Началась подготовка к мирной конференции, заседания которой открылись 18 января 1919 года в Версале, в том самом дворце, где 18 января 1871 года было провозглашено создание Германской империи[2].

В Версале большая тройка победителей – Жорж Клемансо, Дэвид Ллойд Джордж и Вудро Вильсон – перестраивала мир по новым лекалам. При этом никто не собирался следовать знаменитым 14 пунктами американского президента. Во всяком случае, по отношению к проигравшим. Как отмечал один из современников – «Кончилась «Защита демократии и свободы малых народов», во имя которых собирался вести войну Вильсон, – начались оргии триумфа»[3]. По словам участвовавшего в работе конференции Джона Кейнса, там царила атмосфера хаоса и интриг[4]. При подписании Версальского мира Клемансо, глядя на внезапно появившееся на покрытом тучами небе солнце, сказал вполголоса: «О солнце, спутник победителей! Солнце Аустерлица… Солнце Марны, останься нам верным! Согревай всегда наши сердца и древнюю землю Франции!»[5] Условием такого благоденствия было закрепление поражения ее врагов. Они были низвергнуты в состояние ничтожной политической величины. Берлин перестал быть центром военного могущества.

Он превратился в пария Европы. И это демонстративно подчеркивалось. Даже после подписания договора Клемансо демонстративно отказался пожать руку немецкому представителю барону Курту фон Лерснеру[6]. Премьер-министр Франции ни в чем не расходился с ее президентом. Раймонд Пуанкаре прежде всего думал о сохранении результатов победы. Его британский коллега отмечал: «Он не признавал ни компромисса, ни уступок, ни примирения. Он был склонен считать, что поверженная Германия всегда должна оставаться такой»[7].

По требованиям победителей армия Германии – рейхсвер – ограничивалась 100 тыс. чел, в том числе 4 тыс. офицеров (из них 400 – санитарных и ветеринарной службы). Срок службы рядовых равнялся 12 годам, офицеров – 25. Армия состояла из 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизий. Ликвидировались воинская повинность, подготовка офицеров запаса в гражданских учебных заведениях, мобилизационная подготовка любого рода (Часть V. Военные, морские и воздушные положения; Глава III. Комплектование и военное обучение. Ст. 173–179)[8]. Германия лишалась права иметь танковые и химические войска, ограничения касались и тяжелой артиллерии, и мобилизационных запасов боеприпасов к имеющемуся оружию – не более 1,5 тыс. снарядов к орудиям полевой артиллерии и т. п. (Часть V. Военные, морские и воздушные положения; Глава II. Вооружение,

снаряжение и материальная часть. Ст. 164–172)[9]. Укрепления и крепости на западных границах Германии подлежали разоружению и уничтожению (Часть V. Военные, морские и воздушные положения; Глава IV. Укрепления. Ст. 180)[10].

С января 1920 по январь 1923 года в Германии работала миссия союзников. Она проинспектировала 6 935 фабрик и заводов, 6 743 из которых вынуждены были сменить производство. Немцы сдали 33 550 орудий разных видов (33 516 уничтожено), 11 616 траншейных минометов (11 615 уничтожено), 87 950 пулеметов (87 946 уничтожено), 4 560 861 единицу ручного стрелкового оружия (4 553 907 уничтожено), 459 903 800 патронов (456 078 800 уничтожено), также было сдано 59 танков, 31 бронепоезд, 1072 огнемета – все были уничтожены[11]. Что касается флота, то союзники оставили немцам только несколько устаревших броненосцев и крейсеров (Часть V. Военные, морские и воздушные положения; Отдел III. Морские положения. Ст. 181–187)[12]. «Все эти корабли, – вспоминал гросс-адмирал Эрих Редер, – представляли собой нестоящий антиквариат, и было непохоже на то, что найдутся деньги на строительство нового флота»[13]. Германия теряла право иметь военную и военно-морскую авиацию (Часть V. Военные, морские и воздушные положения; Отдел III. Положения, касающиеся военного и морского воздухоплавания. Ст. 198–202)[14].

По словам Ллойд Джорджа, в Версале был достигнут

огромный успех и создан договор, «который держит в своих руках судьбы Европы на многие поколения»[15]. Британский премьер ошибся. Судьба континента оказалась в совсем других руках. «Нет более грубой ошибки в политике, – отмечал сотрудник бывшей русской Ставки генерал В.Е. Борисов, – как оскорбление национального чувства. А Версальский договор совершил этот акт над четырьмя народами»[16]. Версальская система была построена на исключении влияния Германии и России в Европе и Турции на Ближнем Востоке. На руинах Австро-Венгрии, Российской, Германской и Оттоманской империй возникли новые государства.

На смену старым, традиционным империям приходили новые национальные республики и королевства. Каждая из этих стран стремилась реализовать собственную национальную мечту вопреки желаниям своих соседей, а иногда и за счет их существования. Часто декларации о национальном принципе формирования политических новообразований оставались только словами. Ни Чехословакия, ни Румыния, ни Королевство Сербов, Словенцев и Хорватов не были этнически однородными государствами. Не была национальным государством и Польская республика. После разгрома Польши в сентябре 1939 года Председатель Совета Народных Комиссаров В.М. Молотов, выступая на Внеочередной 5-й сессии Верховного Совета СССР, назвал это государство «уродливым детищем Версальского договора, жившим

за счет угнетения непольских национальностей»[17]. В этих словах было немало правды. Как довольно остроумно и верно заметил еще в 1920 г. Ллойд Джордж, Польша – это страна, у которой пять своих Эльзасов с Лотарингией: Восточная Галиция, Белоруссия, Вильно, Силезия и Данцигский «коридор»[18].

Таких уродливых детищ было немало и в Восточной Европе, и на Ближнем Востоке. Большая их часть находилась к тому же в недружественных или прямо враждебных отношениях друг с другом. Между тем на этих уродцах лежала непосильная задача хранителей созданного в Версале нового порядка. В Европе было обеспечено союзами не более 13,5 % границ, 70 % границ были враждебными или недружественными[19]. Гарантом невозможности германского, венгерского и болгарского реванша, а также непроникновения влияния СССР в Европу была сложная система союзов, установленная Францией при помощи созданных Версалем государств. Основу «санитарного кордона» против СССР составил польско-румынский союз, против Венгрии и Болгарии были объединены государства Малой Антанты – Румыния, Югославия и Чехословакия. Франко-чехословацкий и франко-польский союзы были направлены против Германии.

Но, как оказалось, новому политическому порядку угрожали сами новые «национальные» государства со значительным чужеродным элементом (от 26 % до 51 %), к тому же

часто имевшим родственные страны по соседству. Ситуация ухудшалась и тем, что меньшинства зачастую не были связаны экономическими интересами со своими новыми отечествами[20]. Национальная проблема становилась краеугольным камнем будущего Восточной и Южной Европы. Журнал НКИД весьма верно заметил еще в начале 1925 года: «Для целого ряда стран (Польша, Чехо-Словакия, Югославия, Румыния) она является основным вопросом, от разрешения которого зависит вся их государственная, общественная и культурная жизнь, вся их будущность»[21]. Из этих стран в созданной французской дипломатией системе именно Польше придавалось особое значение. Польская армия должна была заменить на восточных границах Германии армию исчезнувшей Российской Империи. Мегаломания была естественным спутником польского политического мышления периода борьбы за восстановление независимости. Создатели новой Речи Посполитой получили шанс реализовать свои великодержавные идеи. Кроме того, та роль, которую Польша должна была играть в планах Парижа, переполняла Варшаву чувством особой значительности. Оно легко совмещалось с негативными качествами национального характера.

Дипломатия Польской республики в межвоенный период продемонстрировала все слабые стороны традиционной польской фанаберии. Даже к своим союзникам румынам она относилась без особого доверия и несколько пренебрежительно. Пилсудский давал это понять при встречах с коро-

левской семьей[22]. В отношении к Германии и СССР польский МИД вел себя просто безумно. «Поляки, – писал один из первых британских исследователей Второй Мировой войны, – были в безопасности только пока Германия и Россия были слабыми париями»[23]. Это положение не могло продолжаться вечно, но столь очевидная истина упорно отрицалась в столицах и старых Великих Держав, и политических новообразований. Коррекция Версаля была неизбежной – но упорство в удержании того, чего нельзя было сохранить, привело к полному крушению системы. Шесть разновеликих сил были заинтересованы, хоть и по-разному, в пересмотре послеверсальских реалий – Германия, СССР, Турция, Венгрия, Болгария и Литва. И если с последними тремя не особенно считались, то возрождение первых трех в качестве мировых или региональных лидеров было неизбежностью. То, что происходило, по меткому замечанию американского историка и современника событий, было «фантомом безопасности»[24].

Нельзя не учитывать, что политические процессы в Европе и Азии развивались не только под влиянием военно-политических факторов, но и под спудом идеологической борьбы. Противостояние Советского Союза как альтернативной формы организации общества западным демократиям проходило в период, когда эти последние явно переживали период кризиса. Попытки экспорта британской политической

системы на континент в качестве универсального механизма решения социальных и политических проблем закончились крахом. Одним из способов преодоления кризиса либерализма была борьба с его внешним врагом. Советская Россия идеально подходила для этой роли и по причине своей слабости, и потому, что привносила идеологическую остроту в традиционное русско-британское противостояние на Проливах, в Персии и Афганистане. Резкое усиление левых сил после окончания Мировой войны, поддержка Коминтерном рабочего движения и внезапно образовавшийся фактор солидарности рабочего движения – все это не могло не волновать Лондон и Париж. В 1923 году это привело к знаменитому ультиматуму Керзона, в 1927 г. Лондон пошел дальше и разорвал отношения с Москвой. Во Франции, Польше и Литве были организованы террористические акты против советских полпредств. Угроза войны против СССР показалась реальной, что очень вдохновило «белую эмиграцию», мечтавшую вернуться домой вместе с интервентами или даже в их обозе.

Малая Азия, Ближний Восток и Египет в начале 1920-х годов стали региональными центрами борьбы против европейского нового порядка. Это рано или поздно должно было сказаться и в Индии и на британской системе управления ею. Мировая и даже европейская революция не состоялись, но слабым звеном империалистических держав постепенно становились колонии. Движение турецких нацио-

налистов и их сторонников в Афганистане создавало надежду, что революционный кризис на Западе будет подстегнут кризисом европейского империализма на Востоке. Это стало причиной поддержки эмира Аманулы в Афганистане и советско-турецкого сотрудничества. РСФСР оказала поддержку Мустафе Кемаль-паше во время греко-турецкой войны и тем обеспечила сочувствие со стороны руководства Турции при советизации Закавказья. Надежды на турецкую революцию в борьбе с Англией и Францией не оправдались, но советско-турецкое сотрудничество оставалось в межвоенный период фактором, стабилизирующим регион. Между тем здесь хватало проблем, угрожавших серьезными потрясениями. Сирия, Ливан, Ирак, Трансиордания не были монолитными государствами и проведенные между ними границы не были стабильными. Кроме того, на коррекцию границ с Ираком и Сирией в свою пользу претендовала Турция.

Как показали дальнейшие события, более всего интересы Анкары и Москвы совпадали в вопросе о режиме Проливов. Это совпадение было во многом парадоксальным и неожиданным. Дореволюционная Россия в войне 1914–1917 гг. претендовала на контроль над Проливами, а в какой-то момент и на их захват. Советская Россия с ее слабым флотом хотела лишь закрыть Босфор и Дарданеллы для возможного нового вторжения через Черное море. В 1923 году во время проведения Лозаннской конференции турецкая делегация пошла на уступки, и в результате Проливы остались без

укреплений, а каждая из держав, подписавших соглашение, получила право ввода в Черное море в мирное время флота, равного сильнейшему из тех, которые имелись здесь. Это означало, что Англия, Франция и Италия могли послать сюда эскадры, вместе втрое превосходившие по силе советский Черноморский флот.

Если очаги будущей войны были созданы Версальской системой как в Центральной, Восточной и Южной Европе, так и на Ближнем Востоке, то на Дальнем Востоке творцом политики, приведшей к тем же результатам, стал Токио. Ослабевший Китай превратился в жертву захватнической политики Японии. Здесь, разумеется, никто не собирался копировать британскую парламентскую систему. После свержения маньчжурской династии в стране шла гражданская война. Республика как единое государство не существовала, из противоборствующих лагерей наиболее близким к СССР был тот, который возглавил доктор Сунь Ят-сен. На начальном этапе государственного строительства Гоминьдана Москва попыталась повлиять на партийное, государственное и военное строительство китайских националистов, одновременно укрепляя положение формирующейся Коммунистической партии Китая. Военная помощь – оружием и консультантами – была очень эффективной. Правительство Сунь Ят-сена, которое контролировало только часть юга страны в районе Кантона, в короткое время достигло целого ряда военных успехов и де-факто превратилось в

правительство Китайской республики с центром в Нанкине.

В 1925 году Сунь Ят-сен умер. Его преемник Чан Кай-ши в 1927 году взял курс на политическую ориентацию на Великобританию и США и начал борьбу с коммунистами. Этот крутой поворот в китайской политике в отношении своего единственного в 1923–1927 гг. союзника совпал и с резким ухудшением советско-британских отношений. В результате новой политики Нанкина советско-китайские отношения были разорваны. Политические противоречия между Китайской республикой и СССР вскоре переросли в военный конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) в 1929 году. Вопреки надеждам эмигрантов и расчетам многочисленных стратегов война была кратковременной, а успех Красной Армии – решительным. Конфликт на КВЖД завершил кризис, начавшийся с разрывом советско-британских отношений в 1927 году, но советско-китайские отношения не были восстановлены. Китай остался наедине с Японией. Чан Кай-ши развивал свои армию и флот, опираясь на сотрудничество с Германией, Италией и Англией.

Для советской внешней политики предвоенного периода решающим стал период между 1931–1932 и 1939 годами. Этот этап начался с захвата Японией Северо-Восточного Китая и создания там марионеточной империи Маньчжоу-го. Очаг военной напряженности на Дальнем Востоке стал очевидным. Неспокойно было и в Европе. С 1930 года рейхсвер приступил к подготовке развертывания на случай войны 21

дивизии. В 1933 году к власти в Берлине пришли нацисты. Теперь Версальская система была обречена, но неизвестностью оставалось то, каким станет мир после ревизии послевоенного устройства Европы. Германия боролась за отмену явно несправедливых по отношению к германскому народу условий Версаля, но в Москве понимали, что для гитлеровской дипломатии это исправление являлось не целью, а лишь промежуточным средством на пути к борьбе за мировое господство. В марте 1935 года Берлин заявил о восстановлении всеобщей воинской повинности – началось возрождение германской армии.

В 1937 г. американские исследователи провидчески заметили: «Немцы просили военного равенства; они безусловно на пути к превосходству. Европейские страны снова охвачены военным психозом, поскольку прилагают усилия, чтобы избежать войны, к которой сами же лихорадочно готовятся. Послевоенный период определенно подошел к концу. Европа смотрит вперед, а не назад»[25]. Странно, но столь очевидная истина не была очевидной для Парижа и Лондона. Последующие события показали, что Англия и Франция склонялись к сотрудничеству с Германией, которая к тому же так явно демонстрировала свою готовность к борьбе с коммунизмом и Советской Россией.

Первой жертвой процесса передела мира стала Абиссиния, в которую в октябре 1935 года вторглась Италия. В мае 1936 года страна была завоевана. Лига Наций ограничилась

протестами и экономической блокадой, средством достаточно чувствительным для итальянской экономики, но все же недостаточным для того, чтобы заставить режим Муссолини остановить агрессию. Рост итальянских флота, армии и авиации и агрессивная политика Рима вызвали опасения Анкары. В 1936 г. на конференции в Монтрё Турция и СССР выступили вместе и новый режим Проливов в гораздо большей степени соответствовал интересам обеих стран. Успехи итальянского фашизма и германского национал-социализма привели к желанию следовать этим примерам во многих странах. В 1930-е годы практически по всей Европе мирным или насильственным путем происходит фашизация правящих режимов.

Самым известным и наиболее важным звеном этих превращений стала Гражданская война в Испании. Образовавшаяся в 1931 году республика не смогла решить ни одной из стоявших перед страной проблем. Их было немало, с начала XIX века королевство находилось в постоянном кризисе. Быстрый экономический рост периода Первой Мировой войны сменился стагнацией, из которой попытались выйти, опираясь на диктатуру. Испанские военные ориентировались на использование опыта фашистской Италии. Определенные успехи были достигнуты, но они оказались временными. Мировой экономический кризис снес все достижения, а последовавшая революция привела лишь к созданию парламентской республики. Её ценности разделяло мень-

шинство населения. Кризис управления привел к радикализации общества, противостояние правых и левых нарастало, раскол затронул даже армию и флот.

Конфликт стал неизбежен, и его начали кадровая армия и Иностранный легион. Центром мятежа стало испанское Марокко и наиболее отсталые районы севера страны, мятежников поддержала католическая церковь. Переворот провалился, но в начавшейся Гражданской войне Республика оказалась изолированной. Самую активную и разностороннюю помощь националистам оказали Германия, Италия и Португалия при молчаливой, но весьма существенной поддержке со стороны США. Англия и Франция проводили политику «невмешательства», которая на практике оказалась политикой блокады Республики. СССР после недолгих колебаний установил с Испанской республикой дипломатические отношения и оказал ей помощь, направив оружие и военных специалистов. Разобщенность лагеря республиканцев, явная неспособность социалистического руководства правительства Республики к организации армии и тыла ослабили её. Помощь СССР и Коминтерна, огромные усилия Коммунистической партии Испании не могли преодолеть этих недостатков. Внутренняя слабость Республики в конечном итоге стала одной из важнейших причин того, что победу в войне весной 1939 года одержали националисты. Парламентская республика рухнула, левые силы потерпели поражение, фашисты праздновали успех, либеральный лагерь считал,

что не дал распространиться войне по континенту.

Это преображение Европы совпало с изменениями в Азии, и прежде всего на Дальнем Востоке. Захватывая одну область бывшей империи Цинов за другой, японцы создавали основу уже своей будущей континентальной империи, готовя армию к решающим столкновениям с СССР. Режим Чан Кай-ши в это время делал все возможное для того, чтобы разбить коммунистов, но его усилия не приносили успеха. Перед угрозой войны с внешним врагом силы Китая были разделены и истощались в войне гражданской. Начавшаяся в 1937 году японо-китайская война привела к колоссальным потерям китайского народа, но ни успехи императорской армии, ни развязанный ею террор против китайцев не принесли победы Японии. Чан Кай-ши не получил поддержки от тех, на кого рассчитывал. Помощь оказал СССР. Советско-китайские отношения были восстановлены. В армию Китая были направлены советское оружие и военные специалисты. Китай, несмотря на поражения, продолжал сопротивление, и оно поглощало все большие силы японской армии. Тем не менее она была достаточно сильна для того, чтобы нанести удар и по Советскому Союзу осенью 1938 года.

Насыщенность событий в это время была чрезвычайно велика, но семь месяцев между сентябрем 1938 года и мартом 1939 года стали наиболее важными. Они почти окончательно уверили руководство СССР в бессмысленности надежд на

создание системы коллективной безопасности в Европе. Политика, осуществляемая главой НКИД М.М. Литвиновым, завершилась внешнеполитической изоляцией и угрозой войны на два фронта против коалиции держав во главе с Германией и Японией. Это произошло во время чехословацкого кризиса. Усилившись, Берлин успешно осуществил несколько важнейших операций – возвратил под свой контроль Саарскую и Рейнскую области, осуществил аншлюс Австрии. Вслед за этим гитлеровская дипломатия приступила к реализации планов уничтожения Чехословацкой республики. Инструментом этой политики стал вопрос о статусе национальных меньшинств этого государства и прежде всего немцев Судетского края.

Дискриминационная политика в отношении второй по численности национальной общины ЧСР, т. е. немцев, а также недовольство словаков своим статусом в республике подорвали ее стабильность. Потенциал чехов оказался недостаточен для удержания под контролем внутриполитической ситуации, в то время как внешнее окружение Чехословакии было или явно враждебным (Германия), или недоброжелательным (Польша, Венгрия), или двусмысленным (союзная Румыния). Ставка на Малую Антанту (союз Чехословакии, Румынии и Югославии) не оправдала себя, а советско-чехословацкий договор был поставлен в зависимость от готовности Парижа выполнить франко-чехословацкий. Вскоре выяснилось, что такой готовности не было, а единство создан-

ной Антантой Чехословакии зависит от внешнего покровителя. Франция и Англия не готовы были защищать это создание Версаля, а готовность СССР выполнить свои союзнические обязательства блокировалась германо-польским союзом de facto.

Что касается Варшавы, то её политику определяли люди, которые мечтали лишь о превращении Польши в великую державу за счет сотрудничества с гитлеровцами и захвата территорий соседних стран. Не сумев реализовать агрессию в отношении Литвы после объединения Германии и Австрии, польские политики превратили свою армию в надежный и прочный щит, охранявший тыл Гитлера во время его действий против Чехословакии. Мобилизация Красной Армии совпала с пограничным столкновением на Дальнем Востоке у озера Хасан. Японцы были отбиты, но не разбиты, результат боев не был для них обескураживавшим. Москва столкнулась с угрозой войны на два фронта. Франция и Англия не захотели сражаться за Чехословакию, а Чехословакия не захотела сражаться даже за себя. Результатом стало согласие Парижа и Лондона на отторжение Судетского края от ЧСР и капитуляция Праги. Она была оформлена в Мюнхене.

Вскоре Чехословакия вынуждена была согласиться на передачу ряда земель Польше и Венгрии и превращение того, что осталось, в федерацию Чехии и Словакии. Новая Чехо-Словакия оказалась нежизнеспособной, и в марте 1939

года ей пришел конец. Чехия стала германским протекторатом, Словакия – зависимым от Германии государством, Подкарпатская Русь, власть в которой попытались захватить украинские националисты, была оккупирована Венгрией. Вскоре настала очередь Польши. Берлин предложил Варшаве смириться с возвращением в германское государство немецкого свободного города Данциг (совр. Гданьск). За эту уступку Гитлер готов был предложить польскому союзнику компенсацию в Советской Украине. Варшава хотела сотрудничать с Берлином, но она хотела получать не теряя. Переговоры СССР с Францией и Англией по вопросу о соглашении для противоборства гитлеровской агрессии проходили в условиях, когда Москве приходилось решать задачу со многими неизвестными.

Неясным оставалось, можно ли было доверять Лондону и Парижу, которые за несколько месяцев до этого предали Чехословакию. Нельзя было не учитывать, что в это же время союзная им Варшава отказывалась от сотрудничества с Москвой, а на Дальнем Востоке начался очередной конфликт с Японией, вдобавок ничего не гарантировало, что он будет успешным, а в случае успеха – что он ограничится районом реки Халхин-Гол. Особую сложность задаче придал «дальневосточный Мюнхен», а именно соглашение между Великобританией и Японией в июле 1939, на пике советско-японского противостояния на границе Монголии и Маньчжоу-го. Лондон признал тогда японские завоевания в

Китае, и этот шаг британской дипломатии не мог быть не учтен в Москве, где и так уже имели все основания для недоверия западным партнерам: уклонявшимся от ответственности англичанам, не желавшим идти без их санкции на сотрудничество французам и не скрывавшим своей враждебности полякам. В результате советское руководство во главе с И.В. Сталиным пришло к единственно верному решению принять предложение немцев заключить договор о ненападении. Угроза войны на два фронта была снята, и огонь войны был направлен в сторону ее разжигателей. Это дало СССР два года для подготовки к неизбежному столкновению с Третьим рейхом. Таким был идеологический и стратегический контекст решений советской внешней политики в межвоенный период.

С конца 1980-х в СССР, а затем и в государствах, образовавшихся на его развалинах, с подачи тех, кого в кругу политиков новой волны принято называть «нашими партнерами», была развернута колоссальная программа пропаганды по очернению советской внешней политики, а СССР был изображен одним из виновников Второй Мировой войны. В конце 1980-х и начале 1990-х годов был заложен фундамент историографии, основанной на презумпции вины Советского Союза, в которой большие работы советского периода оцениваются с лихостью традиций института красной профессуры. В сборнике документов «Фашистский меч ковался в СССР» практически все выстроено по принципу осуждения

не требующего доказательств. СССР обвиняется в невыполнении условий Версальского договора, который, кстати, он никогда не признавал. Советские дипломаты даже не подписывали этот договор, но авторам идеологической поделки это было безразлично. Они выходили из подобных логических тупиков, козыряя способностью соответствовать потребностям современной им политики. Например, «История Великой Отечественной войны Советского Союза» названа «идеологической миной под процесс обновления нашего общества»[26].

На мой взгляд, эти обороты – явное свидетельство того, что цитируемый шедевр начал готовиться по заказу еще во время перестройки. При этом авторы явно сознательно допускают смешение понятий «нацистский» и «немецкий», ведя речь о догитлеровском периоде сотрудничества СССР и Веймарской Германии. Идеологическая зашоренность сквозит в оценках, которыми пестрит авторский текст сборника. Часто они не отягощены доказательствами, как, например, в случае с утверждением о том, что в Генуе у советской дипломатии была возможность заключения договора «с Западом», но она коварно выбрала соглашение с Германией[27]. Недопустимость подобного рода приемов в серьезном исследовании, претендующем на объективный анализ прошлого, авторов скандального сборника не останавливает. Представляется, что ветеран советской дипломатии академик И.М. Майский был более прав, говоря о том, что случилось в Генуе в

отношениях с тем самым «Западом»: «Разумеется, соглашения не произошло, да и не могло произойти…»[28]

Традицию разоблачений продолжили работы петербургского историка О.Н. Кена. Так, например, в своем исследовании о советско-польском договоре о ненападении, написанном при поддержке (или по заказу) генконсульства Польши, нежелание Варшавы отказываться от участия во враждебных группировках в случае войны одного из участников соглашения он объяснил… членством Польши в Лиге Наций[29]. Следуя этой логике, можно предположить, что Литва, Германия, Финляндия, Франция и т. д., заключавшие соглашения с СССР с включением этого положения, в Лиге Наций не состояли. Иногда демагогическое прочтение истории доходит почти до паранойи. Разумеется, пальму первенства прочно держат западные исследователи. Возможно, такой вид этой болезни естественен для некоторых работ, явно написанных под определенный заказ. В конечном итоге, нет ничего более политически мотивированного, чем версия истории внешней политики потенциального противника. И уж безусловно по заказу идет отбор исследований для перевода на русский язык.

В случае с фондами Ельцина, «Мемориалом» и т. п. это просто очевидно. В качестве примера можно привести работу французской исследовательницы Сабин Дюллен, которая, в частности, называет политику развития нашей страны «сталинскими “идеями фикс”» и, разумеется, объясняет

ими и противостояние с Западом, и жизненно важную необходимость догнать его в промышленном развитии, и опасение быть смятым нашествием из Европы[30]. Американский историк Деннис Данн на страницах своей работы пытается убедить читателей, что задача американского посольства в СССР в 1930-е годы сводилась к борьбе за демократию[31]. 17 мая 1939 года, выступая в парламенте с критикой правительства Чемберлена в отношении СССР, Дэвид Ллойд Джордж заявил: «Вы не доверяете им. Нет ли у них оснований не доверять нам?»[32] На такого рода вопрос современные западные авторы без колебаний дают отрицательный ответ. Как и Чемберлен и его окружение в 1939 г. Впрочем, я категорический противник одноцветных размашистых оценок. В США и Европе есть глубокие серьезные авторы, с работами которых по истории русско-американских и советско-американских отношений можно и должно ознакомиться[33]. Из недавних работ наиболее обширный обзор западной научной историографии начала Второй Мировой войны представлен в работе московского исследователя Р.А. Сетова[34], знакомство с его книгой будет весьма полезно для понимая процессов, приведших к 1939 году.

Исторический факт должен анализироваться в его контексте. Внешняя политика государства должна анализироваться с учетом его интересов. Я придерживаюсь той точки зрения, что эти подходы вполне применимы и к прошлому Со-

ветского Союза. Исходя из этого, я и работал над этой книгой. Во время работы мне пришлось столкнуться с проблемой источников и литературы. Не все они были доступны в Москве, а с некоторыми было проще поработать дома[35]. Благодарю за оказанную помощь моих дорогих коллег – Альберта Адылова (Калининград), Григория Асланова (Лондон), Олега Аурова (Москва), Андрея Ганина (Москва), Далибора Денда (Белград), Василия Каширина (Москва), Брюса Меннинга (Канзас-сити), Чиро Паолетти (Рим), Валерия Степанова (Москва), Пола Чейсти (Оксфорд), Давида Схиммелпенника ван дер Ойе (Сент-Катарина), Мустафу Танрыверди (Стамбул), Кирилла Шевченко (Минск), Максима Шевченко (Москва). Особенно благодарю моего литературного редактора Филиппа Колерова (Москва). Моя сердечная благодарность городу Светлогорску Калининградской области. Это прекрасное место для того, чтобы задумать, начать или закончить книгу.

Глава 1
Советско-польская война и завершение Гражданской войны в Европейской России. Завязка новых конфликтов

Одним из самых враждебных соседей советских республик, а затем и СССР была Польша. Окончание Первой Мировой войны дало ей шанс на возрождение. Уже 10 ноября 1918 года под влиянием вестей из Берлина, где шла революция, в Варшаве начали разоружать германский гарнизон. Очаги сопротивления не могли что-либо изменить. Образовались солдатские Советы, армия хотела вернуться домой. 11 ноября в занятом немцами бывшем Царстве Польском, а также в австрийских губернаторствах Западная и Восточная Галиция власть перешла к полякам. Впрочем, в Восточной Галиции с центром в Лемберге (совр. Львов) все было не так просто – на контроль над городом и провинцией претендовала и Западно-Украинская Народная республика. В январе-феврале 1919 года новое правительство Польши во главе с Юзефом Пилсудским было признано странами Антанты. Польское государство восстановилось. Его «начальник» с первых же дней прихода к власти был уверен в неизбежно-

сти войны с Россией[36].

Кроме Галиции для возрожденной Польши сразу же стал проблемным Виленский край. На Вильно претендовала и Литва, желавшая сделать его своей столицей. Литовские процессы походили на польские. Преимущественно литовской по данным переписи 1897 г. была всего лишь одна губерния – Ковенская. Из 1,544 млн её населения абсолютное большинство составляли католики – 76,2 % (православных 3,01 % и старообрядцев 2,13 %, иудеев 13,78 %). По национальному составу: литовцы – 66,02 %, в то время как русские, белорусы и малоросы – 7,28 %, поляки – 9,04 %[37]. Поначалу местные националисты взяли курс на Германию. В сентябре 1917 года литовский Совет – Тариба – провозгласил в Вильно необходимость воссоздания литовского государства. Тарибу возглавлял Атанас Сметона. Он был готов пригласить на престол возрожденного государства немецкого принца под именем Миндовга II[38]. 11 декабря Тариба провозгласила возрождение Литвы с центром в Вильно[39]. По данным переписи 1897 года наиболее многочисленной частью населения Виленской губернии – свыше 1,5 млн чел. – были католики (935 847 чел.), за которыми шли православные (415 296 чел.) и иудеи (204 686 чел.)[40]. Своим родным языком белорусский назвали 56,05 % населения губернии, литовский – 17,58 %, идиш – 12,72 %, польский – 8,17 % и русский – 4,94 %. В городе Вильно евреи составляли 40 %

населения, поляки – 30,1 %, русские – 20,2 %, белорусы – 4,3 %, литовцы – 2 % и прочие (в основном немцы и татары) – 2,4 %[41]. Еврейский элемент превалировал во всех городах губернии.

Тариба претендовала также и на Гродненскую губернию с 1,6 млн чел., хотя в ней проживали преимущественно православные (919 346 чел.), а католиков было только 386 519 и иудеев – 230 489 чел[42]. Литовский язык родным признало 0,2 % населения губернии, польский – 10,08 % (161 662 чел.), в то время как белорусский – 43,97 % (705 045 чел.). Таким образом, литовцы были в ничтожном меньшинстве, а поляки не составляли большинства даже среди католиков. Оставшуюся часть православного населения составляли великорусы (4,62 %) и малоросы (22,61 %)[43]. Этноконфессиональная структура населения была достаточно стабильной и почти не изменилась с середины XIX столетия. В 1863 г. в Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях проживало 2,7 млн чел., из них 1,185 млн литовцев (44 %), 0,95 млн русских (по современной классификации – белорусов, 35,2 %), 0,275 млн евреев (10,2 %), 0,22 млн поляков (8,1 %) и 0,07 млн прочих (2,6 %). Ковенская губерния была преимущественно литовской, Гродненская – преимущественно белорусской, Виленская – контактной зоной двух народов с преимущественным белорусским населением в районе Вильно[44].

Разумеется, подобного рода «мелочи» не останавливали ни литовских, ни польских националистов. Первой реакцией Пилсудского было заявление о том, что Польша признает независимость Литвы, но при условии тесного политического союза с Польшей. Переговоров не было[45]. Для Пилсудского борьба за Вильно была особо важным делом – это была его малая родина. Польские, литовские националисты и сторонники Советской власти готовились к схватке за этот крупнейший город региона, из которого в конце 1918 года уходили немецкие войска. Их командование заключило соглашение с поляками. При уходе своих частей немцы оказывали им всяческую поддержку и брали на себя обязательство не допускать на контролируемые территории красных[46]. Наиболее серьезной силой в Вильно были польские националисты и большевики. 1 января 1919 года поляки осадили городской совет и после суточной осады овладели зданием[47].

Но победа польских националистов была временной. 5 января вслед за уходящими немцами в город пришла Красная Армия. Польские отряды самообороны почти не оказывали сопротивления. 27 февраля была провозглашена Литовско-Белорусская республика. Тариба переехала в Ковно (совр. Каунас). Польша наращивала силы и постепенно отторгала в свою пользу территории на линии разграничения, пользуясь тем, что начавшаяся Гражданская война в России не позволяла Москве сосредоточить на Западе сколько-ни-

будь значительные силы[48]. Красных частей в Литве было всего около 12 тыс. чел. и время работало против них. 13 марта эти войска были переименованы в Белорусско-Литовскую армию[49].

Реализовав после Первой Мировой войны лозунг возрождения национального государства, Польша начала борьбу за свои «исторические» границы, каковыми в Варшаве упорно считали те, что существовали до первого раздела Польского королевства в 1772 г. Это было минимальным требованием. На Версальской конференции польская дипломатия повела активную борьбу за максимальное расширение своих будущих границ. «Возрожденные народы, – вспоминал Ллойд Джордж, – восстали из своих могил, голодные и прожорливые после долгого поста в подземных казематах угнетения»[50]. Почти все они желали теперь построить собственные казематы, и многим это удалось. Польский и русский революционер Юлиан Мархлевский дал приблизительно такую же оценку политике «своего» правительства: «Но польские политики, едва освободившись сами от чужого ига, тотчас же обнаружили наклонность к подавлению других народов…»[51]

США и Франция активно поддерживали Польшу – она была нужна им как противовес Германии в послевоенном устройстве Европы. Между тем польские претензии были самыми гигантскими и самыми проблемными для союзни-

ков[52]. Не зря именно в это время глава МИД Франции Аристид Бриан назвал Польшу «ревматизмом Европы»[53]. Впрочем, в Париже эту болезнь поддерживали. Клемансо говорил: «Целью нашей политики должно быть укрепление Польши для того, чтобы обуздать Россию и сдерживать Германию»[54]. Эти расчеты были довольно очевидны. Реализация польской мегаломании и французских расчетов продолжилась и после конференции, и в результате привела к территориальным спорам Варшавы практически со всеми своими соседями, за исключением Румынии.

Наиболее обширными претензии Варшавы были на востоке. Пилсудский планировал присоединение около 200 тыс. кв. км с предполагаемым населением около 20 млн чел[55]. В январе 1919 года польская жандармерия устроила кровавую расправу над миссией российского общества Красного Креста, прибывшей на территорию Польши по предварительному согласию её правительства и под гарантии общества Красного Креста Дании. Четверо из пяти членов миссии, одна из них женщина, подверглись пыткам, а затем были убиты. Пятому врачу удалось спастись, в результате чего зверское убийство не удалось списать на преступление «неизвестных лиц»[56]. 13 февраля 1919 года Польша нанесла первый удар по советской территории в районе Барановичей[57]. Началась советско-польская война. Поляки активно практиковали массовые расправы над пленными и граждан-

скими, как и другие формы террора местного населения. В убийствах принимал участие, по его собственному признанию, и будущий глава польского МИД – Юзеф Бек[58].

20 апреля 1919 г. поляки захватили Вильно. Пилсудский издал обращение к жителям города и края, извещая их о том, что сделал это для того, чтобы они сами смогли решить свою судьбу[59]. Попытки советского командования парировать этот удар и восстановить контроль над городом успеха не имели, хотя для этого пришлось и приостановить переброску части войск на Южный фронт, действовавший против армий генерала А.И. Деникина[60]. Захват Вильно был особым успехом для Пилсудского, и пан «начальник государства» не собирался ограничиваться им[61]. Его армия, пользуясь численным и техническим превосходством, постоянно и постепенно теснила советские части на восток. 10 июля поляки взяли Лунинец, 8 августа – Минск, 10 августа – Слуцк, 18 августа – Борисовский плацдарм, 28 августа – Бобруйский район. Выйдя на линию Березины, польский враг остановился[62]. Пилсудский тем временем готовил переворот в Ковно с целью присоединения оставшейся части Литвы. Он должен был состояться в ночь с 28 на 29 августа 1919 г. Но этот план провалился – офицеры литовской армии провели аресты заговорщиков[63].

На оккупированных территориях был развязан террор. «Хозяйничанье польских оккупантов было ужасным, – пи-

сал Мархлевский. – Белорусский крестьянин стал жертвой безжалостных преследований со стороны помещиков, офицерство издевалось над безоружным населением; еврейские погромы и убийства людей, подозреваемых в большевизме, стали обыкновенным явлением»[64]. Действия польских оккупантов привели к неизбежным последствиям, они оттолкнули от себя даже лояльные слои населения, недовольные политикой большевиков. «Ситуация на литовско-белорусских землях, подчиненных польским властям, – гласил отчет польской контрразведки, – очень быстро меняется не в нашу пользу»[65].

Население Белоруссии с надеждой смотрело на восток, но положение Красной Армии вплоть до осени 1919 г. оставалось весьма тяжелым. 3 июля ген. А.И. Деникин подписал «Московскую директиву», предусматривавшую широкое наступление для взятия столицы[66]. 10 августа Южный фронт был прорван, конница ген. К.К. Мамонтова пошла в рейд по советским тылам. 19 сентября Мамонтов соединился с наступавшим корпусом ген. А.Г. Шкуро[67]. Уже летом Главное командование начало переброску войск с Восточного фронта, где шло успешное наступление против войск адм. А.В. Колчака, на Южный, против Деникина[68]. Но эти части еще нужно было перевезти и сосредоточить на необходимых направлениях. Между тем в ходе боев белыми были взяты Одесса, Киев, Воронеж, Добровольческая армия устре-

милась в центр страны[69]. В сентябре наступление Деникина успешно продолжалось, Красная Армия несла большие потери и не была в состоянии справиться с кризисом[70]. Советское правительство старалось выйти из враждебного окружения.

Весьма недружественными были и северо-западные границы РСФСР. В январе 1918 году в Финляндии началась собственная гражданская война. Промышленный юг поддерживал красных, аграрный по преимуществу север – белых. Здесь образовалось правительство ярого националиста Пера Эвинда Свинхувуда. Советская Россия оказала помощь своим собратьям по классу оружием, но белые оказались на более высоком организационном уровне[71]. Еще во время Первой Мировой войны финны-добровольцы отправлялись в Германию, чтобы воевать на её стороне. Они составили 27-й егерский батальон[72]. Егеря по призыву Свинхувуда стали возвращаться домой. 18 февраля 1918 года прибыли первые их части, к 25 февраля их насчитывалось около 1 тыс. чел. Тогда же прибыла и первая партия шведских офицеров – около 28 чел[73]. Добровольцы начали формирование отряда, который затем вырос до отдельной бригады. Но в целом белая армия, командовать которой поручили генерал-лейтенанту русской службы Карлу-Густаву-Эмилю Маннергейму, была немногочисленной. Поначалу в её рядах числилось не более 3 тыс. чел., которые к тому же были плохо вооруже-

ны[74].

Финские левые социал-демократы не уделили достаточно внимания этой опасности и слишком увлеклись парламентской борьбой и выборами. Демократические институты работали на них, но только до тех пор, пока противная сторона не прибегла к насилию. Добровольческие отряды финской Красной армии были плохо обучены, офицерских кадров практически не было, а унтер-офицерские были крайне редки, – они закономерно не смогли выстоять против удара местных белых, поддержанных немецкими ветеранами[75]. Опорой Красной армии стали отряды рабочей Красной гвардии, которые начали формироваться после Февральской революции 1917 года.

Рабочие, приходившие в отряды красногвардейцев, поначалу попросту не умели даже зарядить винтовку. Успешно действовать против опытных и слаженных соединений они не могли[76]. В созданной Красной армии числилось около 100 тыс. чел. В стране находилось около 120 тыс. русских солдат и 70 тыс. моряков, в Гельсингфорсе стоял Балтийский флот. Однако русские части уже утратили дисциплину и были небоеспособными[77]. Многие из них не имели полного комплекта, они плохо снабжались продовольствием, испытывали проблемы с обеспечением обмундированием. Солдаты и матросы рвались домой, но часть из них готова была добровольно поддержать финляндских революционе-

ров[78]. До прихода немцев белые не могли похвастаться успехами, несмотря на значительную помощь со стороны Швеции, присылавшей оружие, медикаменты, предоставлявшей 5 госпиталей и данные разведки[79]. Офицеры шведской армии помогали строить армию буржуазного правительства. Кроме офицеров Генерального штаба, шведы сформировали добровольческую бригаду численностью до 1 тыс. чел[80]. На положение дел самое мощное влияние оказывало наступление германских войск на разваливавшемся русском фронте.

Уже 22 февраля корабли Балтийского флота начали готовиться к уходу из своей главной базы – Гельсингфорса[81]. Одновременно, ввиду опасности взятия немцами Ревеля (совр. Таллин), приступили к его эвакуации. Финский залив замерз, так что путь в Кронштадт был закрыт. Корабли уходили в Гельсингфорс[82]. Обычно в конце февраля – начале марта лед в восточной Балтике достигал максимальной толщины. 1918 год не был исключением[83]. Море и тогда было сковано льдом, движение по нему было возможно лишь благодаря героической работе команды ледокола «Ермак» [84]. 25 февраля немцы вошли в Ревель, последние русские корабли покинули свою базу под прикрытием тяжелого крейсера «Адмирал Макаров». Всего было выведено 56 кораблей[85].

3 марта 1918 г. был подписан Брестский мир. По его условиям Советское правительство обязалось вывести из Фин-

ляндии военные части и корабли. Москва могла помочь красным финнам оружием и боеприпасами, командование Красной армией было поручено бывшему начальнику 106-й пехотной дивизии полковнику М.С. Свечникову[86]. Организовать эвакуацию из Гельсингфорса по морю было не просто. Ледовая обстановка в Финском заливе была чрезвычайно сложной, торосы достигали высоты до пяти метров. Тем не менее 12 марта в море вышло 7 лучших кораблей Балтийского флота – это были 4 линкора дредноутного типа и 3 тяжелых крейсера. Сопровождаемые ледоколами «Ермак» и «Волынец», они смогли достичь Кронштадта только на шестые сутки. Даже мощных машин и корпусов дредноутов типа «Севастополь» было недостаточно для прорыва. При малейшей остановке корпуса кораблей вмерзали в лед. За 5 дней корабли прошли 180 миль. В Гельсингфорсе тем временем белые финны захватили и угнали в Ревель два мощных ледокола – «Сармо» и «Волынец». Положение резко усложнилось[87].

В конце февраля 1918 года немецкий ледокол Hindenburg погиб на русских минных заграждениях при попытке провести группу кораблей из Данцига к Аландам. Лед на некоторое время остановил открытое вмешательство Берлина в гражданскую войну в Финляндии[88]. 3 апреля 1918 года германская эскадра начала высадку десанта на Ханко. Проход немецких кораблей обеспечивал один из захваченных в

Гельсингфорсе ледоколов[89]. Намерения немцев относительно Балтийского флота после высадки десанта поначалу были не ясны, но вскоре они потребовали оставить корабли в Гельсингфорсе с минимальным экипажем на борту (30 на дредноут, 20 на крейсер, 10 на эсминец типа «Новик», 30 на все подводные лодки и т. п.). По мере успехов немцев постоянно росли аппетиты финских белых относительно флота[90].

Никто уже не сомневался – корабли нужно уводить. Старались эвакуировать все, что только можно, в том числе и торговые суда. Днем и ночью шла погрузка угля и флотского имущества[91]. Стоявшие на рейде Свеаборг 7 британских подводных лодок и 3 парохода были взорваны их экипажами[92]. 15–22 апреля в Кронштадт пришел последний караван из Гельсингфорса[93]. На последнем этапе флот уходил под угрозой занятия его базы немцами[94]. Всего было выведено 211 кораблей, в том числе 6 линкоров, 5 крейсеров, 54 эсминца и миноносца, 15 сторожевых кораблей, 7 ледоколов, 45 транспортов и т. д[95]. На судах вывозилось имущество флота, но многое пришлось оставить. Ценность оставленных судов и портовых сооружений, складов с углем и т. п. в довоенных ценах составила 50 млн руб. золотом[96]. Командовавший Балтийским флотом во время похода бывший капитан 1-го ранга А.М. Щастный вскоре после прибытия в Кронштадт был арестован по распоряжению Троцкого, обвинен в

заговоре и 21 июня 1918 года расстрелян[97].

Появление 10-тысячной германской Балтийской дивизии в тылу войск красных финнов резко изменило расклад сил[98]. «Моральное впечатление, произведенное немецкой интервенцией, было огромно, – вспоминал Свечников. – Последняя буквально парализовала действия правительства, не говоря уже о массах, у которых после большого подъема, небывалого еще в истории рабочего движения, наступила пора нервозности, неуверенности в своих успехах, и навлекала панику»[99]. Немецкими войсками командовал генерал граф Рюдегер фон дер Гольц. Вместе с немецкой Балтийской дивизией и шведами егеря начали формировать ядро кадров армии «белых финнов»[100]. В течение нескольких месяцев они создали 30-тысячную армию, в составе которой было около 1700 офицеров[101]. К концу войны армия белых финнов достигла уже около 70 тыс. чел[102]. По свидетельству командовавшего ей Маннергейма, «красные сражались героически и упорно…», но недостаток организации и внешняя поддержка обеспечили победу их противников[103]. Бывший бойцом Красной гвардии полковник Тойво Вяхя вспоминал об этих днях: «…не хватало умения, не было единого командования, и уже не оставалось времени, чтобы его организовать»[104].

В ночь с 22 на 23 апреля 1918 года красное правительство переехало в Выборг. Вместе с красногвардейцами отходили

жены, дети – это был настоящий исход. Под Выборгом отступавшие попали в окружение[105]. 29 апреля белые взяли Выборг, последнюю опору красных на юге Финляндии, и устроили в городе страшную резню. Было убито около 4 тыс. чел. – это были пленные красногвардейцы и «русские», то есть все славянские жители города[106]. «Русская кровь, – вспоминал участник боев с белыми Тууре Лехен, – нужна была белогвардейской буржуазии для того, чтобы показать мобилизованным в ряды белой армии крестьянам, что белые творят «национальное» дело»[107].

15 мая сдались последние отряды финской Красной армии, остававшиеся в стране, до 10 тыс. бойцов сумело прорваться в Россию[108]. В ходе войны погибло около 7 тыс. чел., казнено – около 10 тыс. чел., уничтожено в концентрационных лагерях – около 12 тыс. пленных финских красногвардейцев. Из 30 тыс. жертв этой войны около 25 тыс. были красными[109]. Победа над ними была во многом обеспечена поддержкой Германии. За три недели боев немцы потеряли около 1,1 тыс. чел. убитыми и ранеными и поставили под контроль Финляндию. 16 мая 1918 года белофинские и германские войска торжественно провели парады в Гельсингфорсе[110]. Правительство Свинхувуда, объявленного регентом Финляндской монархии, пригласило на вакантный престол германского принца – герцога Фридриха Карла Гессен-Кассельского. Впрочем, это было уже не важно. В ноябре

1918 года в Германии началась революция, и финские власти переориентировались на победителей. Немецкие войска покинули страну в конце 1918 года[111].

30 декабря с помощью британского флота финские части были переброшены в Ревель и к концу февраля 1919 года им удалось очистить от отрядов Красной Армии территорию Эстонии[112]. В Латвии началось формирование сводного добровольческого отряда полковника князя А.П. Ливена. Он был подчинен русскому командованию, что было оформлено приказом адмирала Колчака в июне 1919 года. Ливенцы действовали вместе с немецкими добровольцами[113]. В бывшем Остзейзском крае Российской губернии традиционно сильным было противостояние германского, латышского и эстонского элементов. В 1918–1919 гг. оно переросло в борьбу.

Немецкое население сформировало ополчение – ландесвер, к которому примкнула добровольческая немецкая «Железная» дивизия. Соединение добровольцев и здесь возглавил фон дер Гольц[114]. Оно насчитывало около 4,5 тыс. чел., действовать пришлось в крайне недружественной обстановке – по немецким оценкам, до 60 % населения поддерживало большевиков. В ряде районов этот процент был и больше[115]. Немецкие части, хорошо организованные, вооруженные и дисциплинированные, помогли уничтожить местные советские республики. 22 мая 1919 года они взяли Ригу. В Латвии немцы развязали террор, ими было убито около 15 тыс. чел,

при этом в Риге – около 4,5 тыс. чел[116]. Вскоре добровольцы вступили в противостояние с местными националистами. В июне 1919 года эстонцы вместе с латышами выдавили немцев из Эстляндской губернии, а 3 июля войска фон дер Гольца вынуждены были оставить Ригу. Союзное командование настояло на приостановке боев[117].

Представители Антанты в лице британского бригадного генерала Ф. Марша попытались изменить ситуацию. В Курляндии началось формирование из русских пленных, приходивших из Германии, корпуса под командованием полковника П.Р. Бермондта-Авалова. Ему доверяли в Берлине[118]. Помощь полковнику при этом оказывали и немцы, и англичане. Фон дер Гольц должен был закончить эвакуацию своей дивизии в Германию не позже 31 августа[119]. На этом настаивал Берлин, который после поражения в Мировой войне под давлением Антанты взял на себя обязательство вывести из Прибалтики и Финляндии части германской регулярной армии[120]. В августе 1919 года под командованием Авалова находилось около 6 тыс. чел. 26 августа 1919 года в Риге под председательством Марша было созвано совещание представителей Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии, Польши и русских подразделений. Обсуждались планы совместного выступления против Советской России[121].

31 августа 1919 года Совнарком предложил вступить в переговоры правительству Эстонии. Ответственность за то, что

в случае отказа «…советские войска в своих передвижениях будут руководствоваться одними лишь военными соображениями», возлагалась на Ревель[122]. 11 сентября соответствующие предложения были сделаны Финляндии[123] и Литве[124]. 13 сентября советское правительство объявило о предложении начать мирные переговоры, которое было направлено и Хельсинки, и Ревелю, и Риге[125]. В последнем заявлении говорилось о видении Москвой сложившейся военной ситуации, которая должна была ускорить начало переговоров: «Планы концентрированного нападения на Советскую Россию кончились полной неудачей. Колчак уже бежит из Омска, Деникина мы начинаем бить и покончим с ним ближайшие недели. Попытки наступления на Петроград привели лишь к укреплению военной позиции красной северной столицы»[126]. 14–15 сентября 1919 года в Ревеле состоялась конференция министров иностранных дел Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии, на которой обсуждались возможные действия. Было принято решение вести переговоры с Москвой совместно[127]. Прибалтийские дипломаты явно не торопились. На самом деле в сентябре обстановка на фронтах советской республики была не столь радужной, как это говорилось в заявлении НКИД от 13 сентября.

20 августа 5 армия советского Восточного фронта перешла Тобол и двинулась далее. К концу месяца она ушла 180 км на восток, но 1 сентября армии Колчака перешли в

контрнаступление. Начались ожесточенные бои, и в результате к 30 сентября 5 армия вынуждена была отступить за Тобол[128]. Администрация Колчака, несмотря на поражения, была все еще в состоянии проводить наборы и укреплять свою армию. В сентябре-октябре 1919 г. его фронт получил около 30 тыс. вновь призванных солдат[129]. 24 сентября Добровольческая армия после овладения Курском активно продвигалась вперед. Командование Южным фронтом собирало резервы для подготовки контрнаступления[130].

Одним из ослабленных направлений стал прикрывавший Петроград Западный фронт. Еще в марте 1919 года в Балтику вошла английская эскадра контр-адмирала Уолтера Коуена. В её составе действовали 12 легких крейсеров, 20 эсминцев, 12 подводных лодок, переделанный из крейсера авианосец HMS Vindictive, 3 минных заградителя, 11 тральщиков, 7 торпедных катеров, 30 вспомогательных судов и монитор HMS Erebus, вооруженный 15-дюймовыми (381 мм) орудиями[131]. Положение Балтийского флота было тяжелым. В относительной готовности к выходу в море имелось два линкора, пять эсминцев, четыре сторожевика, четыре тральщика и транспорт[132]. Перед осенним наступлением Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича британское командование решительным ударом перехватило инициативу на море. В ночь с 17 на 18 августа 1919 г. семь британских торпедных катеров совершили дерзкий набег на базу Балтийского фло-

та. Англичане потеряли три катера, но потопили крейсер, плавбазу подводных лодок и повредили старый линкор. Эти события получили название «Кронштадтской побудки»[133].

26 сентября Политбюро приняло решение о переброске всех боеспособных частей Западного фронта с петроградского направления на Южный фронт[134]. Вскоре выяснилось, что это решение было преждевременным. 28 сентября с Гдовского плацдарма у границы с Эстонией Юденич перешел в наступление против Петрограда. В первый же день наступления его Северо-Западная армия прорвала фронт на ширине 50 км и устремилась вперед[135]. Она наступала по линии Ямбург-Гатчина. Армия была немногочисленной – около 13 тыс. чел[136]., она была плохо снабжена боеприпасами, обмундированием и обувью. В тылу ее по мере наступления действовали карательные отряды, которые довольно успешно и быстро сумели настроить крестьянство против солдат Юденича[137]. С моря его войскам помогали корабли британского флота, наступление поддержала часть эстонской армии[138].

В сентябре 1919 года было заключено перемирие с Польшей, с 10 октября по 13 декабря 1919 г. на станции Микашевичи в Белоруссии шли советско-польские переговоры. Советскую сторону представлял Ю.Ю. Мархлевский, польскую – граф Михал Косаковский. Поляки вели себя вызывающе, отказывались от обязательств, диктовали условия.

Они требовали прекращения репрессивной политики Советов, но заявляли, что будут и дальше расстреливать советских служащих и пленных военных на занятых территориях и т. п[139]. Мархлевский позже довольно точно описал приемы польской дипломатии: «…политика Пилсудского с компанией: тут все расплывчато, неясно, романтично и лживо, прежде всего лживо!»[140]

В начале октября угроза Москве становилась все реальнее, 8 октября командовать Южным фронтом был назначен А.И. Егоров. Он вспоминал: «В эти дни октября 1919 года в окрестностях Орла и Воронежа решались судьбы пролетарской революции»[141]. 13 октября Добровольческая армия взяла Орел. 15 октября Южный фронт в очередной раз стал собирать силы для подготовки контрнаступления[142]. Положение было столь сложным, что 13 октября ЦК принял решение снять все, что возможно со всех фронтов и направить их против Деникина. Ленин был исключительно энергичен: «Ограбить все фронты в пользу Южного»[143].

Экономическое положение РСФСР было тяжелейшим. Республика находилась на грани топливной катастрофы. Перед началом Первой Мировой войны Россия занимала 6-е место в мире по добыче угля, при этом объем его добычи составлял всего 3 % мировой. В 1909 году добыча составила 1595,4 млн пудов, а потребление – 1857 млн пудов. В 1910 эти показатели составили 1522 и 1817; в 1911–1734,7 и 2067;

в 1912–1901,5 и 2279; в 1913–2223,7 и 2685. Примерно 70 % отечественного угля обеспечивал Донецкий бассейн. В 1913 году, например, его добыча составила 1561 млн пудов[144]. В ходе Мировой войны Россия потеряла контроль над польским углем и промышленностью Риги и Ревеля. С началом Гражданской войны был утрачен контроль над Дальним Востоком, Туркестаном и Уралом. Поставки угля из Донбасса, которые в 1916 году равнялись 1 661 млн пудов, в 1918 году упали до 325 млн пудов[145]. Бои в этом районе неизбежно сказались на уровне добычи угля. В январе 1919 года он составил 36 660 тыс. пудов, летом регион попал под контроль Деникина и поставки угля прекратились[146]. Поставки нефти из Астрахани, которые в 1917 году составили 275,3 млн пудов, в 1918 году упали до 61 млн, в 1919 сошли на нет[147].

Все это не могло не сказаться на металлургии и машиностроении. После того, как Добровольческая армия поставила под контроль Криворожский район, а Урал еще оставался под контролем Колчака, РСФСР лишилась собственного чугуна и стали. Использование резервов дало шанс выйти из кризиса к моменту перелома положения на Южном фронте, но к этому моменту запасы были почти исчерпаны[148]. Из кризиса выходили максимально усилив эксплуатацию Подмосковного угольного района. В 1918 году он дал 23,4 млн пудов, в 1919 – 24,2 млн и в 1920 – 40 млн пудов. Добыча угля в Кузнецком районе в 1918–1920 гг. колебалась от 55 до

57 млн пудов[149]. Также это не могло не сказаться и на железнодорожном транспорте. Потребление дров здесь выросло с 13,1 % в 1913 году до 64,2 % в 1920 году[150]. Как результат, выросло количество паровозов, которым требовался ремонт.

Положение флота было еще хуже. Потери материальной части, многочисленные, спешные и плохо организованные эвакуации привели к тому, что в начале 1920 года Наркомвоенмор поставил задачу завершить учет имеющегося – более-менее точная информация имелась только по Кронштадту[151]. Весьма тяжелым было и положение с конским составом. В 1914–1917 гг. для нужд армии было изъято 6 % всех лошадей (в их числе 28 % от всех лошадей, годных для военной службы). С 9 сентября 1918 года Наркомат по военным делам приступил к первой конской мобилизации. Изъятие лошадей нанесло значительный удар по сельскому хозяйству. В 1918–1920 гг. в армию было взято 792 937 лошадей – в 2 раза меньше, чем в Первую Мировую войну, но для ослабленной деревни это был весьма чувствительный удар. На покупку лошадей, телег, упряжи и т. п. было потрачено 42 299 031 371 руб. 23 коп., однако компенсировать потери крестьян быстро обесценивавшиеся деньги не могли[152].

Стратегическим направлением для РСФСР становился Южный фронт и Донбасс, но осенью под ударом оказался второй промышленный центр страны и символ большевистской революции. На Петроград при поддержке англичан и эс-

тонцев наступал Юденич. Ленин правильно оценил наступление на Петроград как попытку отвлечь часть сил Красной Армии с Южного фронта. 14 октября он призвал руководство города напрячь силы для контрудара[153]. В это время вперед шли белые и интервенты. 14 октября эстонские эсминцы[154] под прикрытием британской эскадры высадили десанты у стратегически важных фортов «Серая Лошадь» и «Красная Горка», артиллерия которых прикрывала вход в Финский залив. Около 3 тыс. чел. составили серьезную угрозу этим позициям[155].

Сталин, руководивший обороной Петрограда весной и летом 1919 года, справедливо назвал «Красную Горку» ключом Кронштадта[156]. Форт пострадал в результате взрыва 20 августа 1918 года и восстания 13–16 июня 1919 года. Тем не менее на нем оставались действующими семь 12-дюймовых и два 10-дюймовых орудия. Они не дали возможности флоту интервентов подойти близко к форту, даже несмотря на огонь HMS Erebus[157]. 15 октября десант и белые части подошли на 14, а 16 октября – уже на 7 верст к фортам, но овладеть ими так и не смогли[158]. В ночь на 17 октября была атакована «Серая Лошадь», бои шли до 21 октября, однако эстонский десант был отражен. В тот же день Красный флот понес серьезные потери – на минах, выставленных англичанами, взорвались и потонули три эсминца «Гавриил», «Свобода» и «Константин»[159]. 16 октября Юденич взял Красное

(бывшее Царское) Село, 17 октября – Гатчину[160]. Генерал был убежден – через два дня Петроград будет взят. Он приказал беречь несколько имевшихся в его армии танков, которые, по его мнению, пригодились бы в уличных боях в городе[161].

16 октября Совет обороны принял решение «…удерживать Петроград во что бы то ни стало до прихода подкреплений, которые уже посланы… Поэтому защищать Петроград до последней капли крови, не уступая ни одной пяди и ведя борьбу на улицах города»[162]. На следующий день, 17 октября, Ленин обратился к защитникам «колыбели революции»: «В несколько дней решается судьба Петрограда, а значит наполовину судьба Советской власти в России… Помощь Питеру близка, мы двинули ее, мы гораздо сильнее врага»[163] Возможности и резервы Красной Армии действительно значительно превосходили ресурсы, на которые мог рассчитывать Юденич. 7-я советская армия насчитывала 24 850 штыков, 800 сабель, 148 орудий, 2 бронепоезда. В Петрограде и Кронштадте начались партийные мобилизации на защиту города. Активно велась борьба с дезертирами. С сентября по ноябрь 1919 г. в Петроградском Военном округе было задержано 29 609 и добровольно явилось 17 608 дезертиров. Но Юденич продолжал наступать. К вечеру 17 октября передовые отряды Северо-Западной армии подошли на 15 километров к линии Николаевской железной дороги, связы-

вавшей Петроград и Москву. 21–22 октября начались бои за Пулковские высоты[164].

В решающий момент лагерь противников РСФСР в Прибалтике был не един – его раздирали внутренние конфликты. Выполнить требование Антанты уйти к 31 августа немцы не смогли. Большая их часть перешла под командование Бермондта-Авалова, сводный отряд которого вырос после этого до 50 тыс. чел. (40 тыс. из них составляли немцы). Командир «Железной дивизии» полковник Йозеф Бишоф стал начальником штаба отряда. В начале сентября латыши потеснили немцев. А 8 октября немецко-русское соединение начало наступление на Ригу. Уже 9 октября эти войска вошли в предместья города и овладели мостами через Даугаву. Латышские войска – около 6 тыс. чел. – оказали упорное сопротивление, а вскоре им на помощь пришли эстонцы. В ходе боев немецко-русское наступление удалось остановить, после чего в дело вмешались англичане и французы. 19 ноября было подписано перемирие, а к концу года добровольцы покинули Латвию[165].

Юденич рассчитывал на поддержку и со стороны Финляндии, правительство которой буквально разрывалось между социал-демократами, не желавшими войны, и националистами[166]. С января 1919 года последние начали организовывать постоянные провокации на границе с РСФСР – обстреливать пограничников, вторгаться и убивать русских крестьян

и т. п. В апреле финны приступили к масштабному вторжению в Карелию[167]. Для этого была организована и вооружена «Олонецкая добровольческая армия», её численность первоначально составила около 2 тыс. чел. Интервенты и их сторонники организовали съезд «представителей Карелии» в селе Ухта, который проголосовал за присоединение к Финляндии[168]. В краткий промежуток времени, воспользовавшись слабостью пограничного заслона, интервенты захватили Олонецк. 12 мая, получив подкрепления, Красная Армия смогла отбить этот город, контроль над линией границы был восстановлен только к июлю[169]. 1 июля был проведен I Всекарельский съезд, депутаты которого высказались за сохранение единства с РСФСР[170].

«Настоящая фактическая власть в Финляндии, – писал в мае 1919 г. из Гельсингфорса представитель Колчака, – была не правительство, не Маннергейм, а общественный союз егерей. Эти егеря – это финляндцы, служившие во время войны в германских войсках; до сих пор они следуют директивам из Германии»[171]. Впрочем, дело не сводилось к немецкому руководству. Стоявшие у власти националисты ненавидели своего соседа и вполне самостоятельно и упорно враждебно относились к любой России. Их отношение не изменилось и когда был установлен мир на границе[172], но позиции сторонников войны в Хельсинки после провала вторжения в Карелию резко ослабли.

Надежд на поддержку «белого дела» из Финляндии не было никаких[173]. Сам Маннергейм считал необходимым оказать помощь белому движению, но правительство, состоявшее из социал-демократов, было против этого. Во всяком случае, до того, как вожди белых признают независимость Финляндии[174]. А те, в свою очередь, не торопились сделать это: в июле против соглашения Юденича с финским правительством на основе признания независимости Финляндии выступил Колчак[175], в августе 1919 года против участия финнов в Гражданской войне в России высказался и Деникин[176]. Со своей стороны, бывшее Великое Княжество еще не стабилизировалось после окончания гражданской войны 1918 года и весьма зависело от внешних сил, которые активизировались по мере успехов наступления белых на Петроград. В Койвисто (совр. Приморск, Ленинградская обл.) базировались корабли британского флота, действовавшие против Кронштадта[177].

23 октября руководство Финляндии сформулировало свои претензии к РСФСР: признание независимости, право на занятие войсками железной дороги от Белоострова до Петрограда (то есть фактически всей Финляндской железной дороги), передача Печенги и части Карелии[178]. Президент объяснял это необходимостью учитывать интересы широких кругов в сейме[179]. Осенью 1919 года финским националистам удалось преуспеть и, по словам лидера комму-

нистов Отто-Вильгельма Куусинена, «значительные слои населения Финляндии были охвачены шовинистическим угаром…»[180] В это время в Хельсинки стали формировать «правительства» тех территорий, которые хотели бы присоединить[181]. Положение Советской России оставалось очень сложным.

В этих обстоятельствах продолжались переговоры с Польшей об условиях мира. Польская делегация демонстрировала вседозволенность – у Москвы не было выбора. «Состояние Советской России было таково, – гласил отчет Полевого штаба РККА, – что мы заинтересованы были в водворении мира на Западе и в первую голову с Польшей, хотя бы ценой огромных уступок»[182]. Главнокомандующий С.С. Каменев признавал, что нет другого способа быстро оказать помощь Южному фронту, как только допустив «временное ослабление Западного фронта»[183]. Поляки понимали это и убеждали, что территориальные уступки дадут возможность Москве сосредоточить силы против Юденича и Деникина. В ноябре 1919 года Верховный Совет Антанты определил восточные границы Польши – в целом они должны были проходить по границам бывшего Царства Польского.

Деникин надеялся на создание единого фронта с поляками. Эти надежды оказались ошибочны. Попытки договориться закончились неудачей[184]. Зато договориться удалось противникам генерала, и эта политика позволила советско-

му командованию осенью 1919 года сосредоточить против Деникина значительные силы. Если у Деникина в середине октября имелось 63 800 штыков и 48 800 сабель при 542 орудиях и 2 326 пулеметах, то против него было собрано 160 тыс. штыков и 26 тыс. сабель при 1 тыс. орудий и 4,5 тыс. пулеметов[185]. К 20 октября кризис на московском направлении был преодолен, войска Деникина потерпели поражение и оставили Орел[186]. Потери Добровольческой армии достигали 50 %. Она отходила с тяжелыми оборонительными боями, контроль над тылом был утерян[187].

Маннергейм, находившийся в отставке, 28 октября обратился к президенту Финляндии Карлу-Юхану Стольбергу с призывом поддержать наступление на Петроград, но тот колебался[188]. Вскоре подобное вмешательство утратило смысл. Еще 26 октября был принят план обороны города, по которому должны были быть организованы три линии обороны – одна по обводу города, а две других – уже по Обводному каналу и Неве[189]. Необходимость в них отпала. 25–26 октября войска Юденича были разбиты в боях на Пулковских высотах, началось отступление. В конце ноября Северо-Западная армия как боеспособная единица уже не существовала[190]. 9 декабря был разбит ударный кулак Вооруженных сил Юга России – конный корпус Мамонтова. Деникинские армии откатывались к Черному морю[191].

Даже в период острого кризиса на своем фронте Деникин

не соглашался на уступки далее «конгрессовой» Польши, то есть её этнографических границ. Разумеется, это весьма неприязненно воспринималось в Варшаве[192]. Пан «начальник государства» во время личной встречи с Маннергеймом убеждал его, что готов изменить свою позицию, в случае, если её изменят и лидеры белых[193]. Частным образом Пилсудский выражался категоричнее. Он инструктировал Косаковского о том, как он относится к русской проблеме: «Большевикам, как и Деникину, я могу сказать одно: мы могучая сила, а вы – трупы. Говоря иначе, солдатским языком: давитесь друг другом, бейте друг друга, меня это не касается, пока вы не затрагиваете интересов Польши. А если где затронете их, буду бить. Если где-либо и когда-либо я вас не бью, то не потому, что вы не хотите, а потому, что я не хочу. Пренебрегаю вами, презираю вас. Вы погрязли в руках евреев и немецких юнкеров, не верю вам, вашему сорту людей». Русские, по убеждению Пилсудского, «…должны стоять перед нами покорными и просящими»[194].

В это время Вооруженные силы Юга России испытывали глубочайший кризис. Белые армии отходили. Один из организаторов контрнаступления красных – Серго Орджоникидзе – 19 ноября 1919 г. докладывал Ленину: «*Повидимому*, наше продвижение вперед будет довольно быстрым. Деникин безусловно сломал шею на украинском мужике (украинский мужик сломал шею не только Деникину), Деникин не на-

шел себе поддержки у крестьян Орловской и Курской губерний»[195]. Пилсудский использовал контрнаступление Красной Армии для того, чтобы поддержать перед Антантой свои претензии на контроль над Галицией. Свое противостояние с Россией Польша использовала для защиты этих претензий. В кампании 1919 года петлюровские войска потерпели ряд существенных поражений от Вооруженных сил Юга России. 5 декабря 1919 года Петлюра, к удивлению своих подчиненных, бросил их и направился в Варшаву. Что он там делал – его армия не знала[196].

«Войска Деникина потерпели поражение, Киев взят, большевики наступают на Харьков, – извещал 4 декабря 1919 г. посла в Париже глава польского МИДа. – Войска Петлюры дезорганизованы. В любой момент вся защита Запада от большевиков может лечь исключительно на нашу армию и, возможно, именно на те войска, которые защищали Львов и очистили Галицию от украинских банд. В этих условиях вынесение мирной конференцией постановления, окончательно решающего проблемы Галиции, по которому Польша потеряет Львов и всю Восточную Галицию, а все усилия её армии сведутся на нет, и она лишится плодов победы, – будет иметь роковые последствия. Для нас речь идет прежде всего о поддержке дисциплины и морального духа в армии. Сегодня они уже поколеблены…»[197] Иначе говоря, Польша была готова защищать Европу только при условии поддержки по-

литических амбиций и претензий Варшавы.

Агрессивность польской стороны, а также её уверенность в собственных силах усиливались по мере того, как Москва демонстрировала готовность идти на уступки. Вплоть до декабря 1919 года основной задачей глава Реввоенсовета РСФСР Л.Д. Троцкий назвал ликвидацию Южного фронта[198]. Но положение РСФСР на её западных границах постепенно улучшалось. 22 декабря 1919 г. остатки Северо-Западной армии ген. Юденича перешли на территорию Эстонии[199]. 31 декабря 1919 г. было заключено перемирие с этой страной[200]. Накануне, 30 декабря 1919 года, латыши заключили соглашение о совместных с поляками действиях против Советской России, которые должны были начаться 3 января 1920 года. Латышские войска (10 тыс. чел.) и польские (30 тыс. чел.) составляли единую группировку под командованием генерала Эдуарда Рыдз-Смиглы. Союзники уже договорились о разделе захваченного имущества. Военные и продовольственные трофеи должны были поступить латышской стороне, подвижной состав железной дороги – делиться пополам[201]. Польское командование ждало разочарование – на фоне успехов Советской власти латыши не рвались в бой.

Взяв под контроль Донбасский район, Красная Армия разрезала территорию, контролируемую Вооруженными силами Юга России, и их фронт надвое. Теперь советское командование ставило задачу добить остатки армий Дени-

кина[202]. Одновременно началась зачистка Правобережной Украины от петлюровцев[203]. На Восточном фронте агонизировал фронт Колчака. Его армия постоянно отступала, в тылу царил хаос, активизировались все противники Верховного правителя[204]. 14 ноября 1919 года была взята временная столица белой Сибири – Омск. Отступавшим удалось сохранить основную часть живой силы, но им все же пришлось бросить огромные склады с оружием, боеприпасами, обмундированием и продовольствием. С потерей Западной Сибири Колчак потерял свою основную базу для пополнения живой силой и снабжения продовольствием и фуражом[205]. Отход колчаковцев был скверно организован, на железной дороге действовали партизаны, которые сорвали регулярное движение. 22 ноября Красная Армия вошла в Томск, 6 января 1920 г. – в Красноярск[206].

Впереди отступавших шли эшелоны с чехами, которые устроили очередной поголовный грабеж по дороге. Опорой белого движения в Сибири стало Забайкалье, контроль над которым удерживал атаман ген.-л. Г.М. Семенов. 24 декабря 1919 года Колчак назначил его главнокомандующим Вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского Военного округа, а 4 января 1920 года адмирал передал атаману политическую власть[207]. Сам «Верховный правитель» 5 января 1920 г. был передан в руки образовавшемуся после восстания в Иркутске Военно-революционному комитету. Чехи

предали его взамен за право беспрепятственного движения по железной дороге. К Иркутску подходили войска ген.-л. В.О. Каппеля, они требовали освобождения пленных. 6 февраля адмирал и глава его правительства В.Н. Пепеляев были приговорены к казни и 7 февраля расстреляны[208].

5 января 1920 года президент Вильсон принял решение о выводе американских войск из Сибири и Дальнего Востока не позднее 1 апреля 1920 г. Интервенты и так уже несли потери в результате действий партизан. Вашингтон опасался, что при столкновении с частями Красной Армии эти цифры увеличатся[209]. 16 января 1920 года Верховный Совет Антанты принял решение о снятии блокады с Советской России. Разрешалось восстановление «некоторых торговых отношений», при этом особо отмечалось: «Эти решения не составляют перемены в политике союзных держав по отношению к Советскому правительству»[210]. Вместе с успехами Красной Армии этот дипломатический демарш произвел соответствующее впечатление в окружавших РСФСР враждебных лимитрофах[211].

Отношение соседей на северо-западе немедленно стало меняться. И хотя Эстония и Латвия находились в значительной финансовой зависимости от Великобритании и США, а их представители в Риге и Ревеле препятствовали заключению мира[212], – вслед за Эстонией 30 января 1920 года перемирие было заключено и с Латвией[213]. 2 февраля 1920 го-

да в Юрьеве (совр. Тарту) был подписан советско-эстонский мирный договор, статья 7 которого обязывала эстонское правительство разоружить и распустить остатки армии Юденича[214]. Вслед за этим 12 февраля 1920 г. ВЦИК обратился по радио к польскому народу. В нем говорилось об опасности войны, которую развязывала Варшава. «Нашими мирными предложениями, сделанными польскому правительству, – говорилось в нем, – мы доказали уже на деле, что стремимся не к завоеванию Польши, а к миру с ней»[215]. Действительно, в январе и феврале 1920 года полякам предлагались варианты весьма выгодного мирного соглашения[216]. Делалось это и потому, что весьма реальной была угроза войны на Дальнем Востоке, к которой РСФСР не была готова.

Наиболее опасным противником была Япония. Она приступила к интервенции раньше других. В правительстве империи были и противники вмешательства, однако победила другая сторона. В любом случае в Токио не признавали и не собирались признавать Советское правительство, а к активным действиям японцев подталкивали и их союзники[217]. Сразу же после Октябрьской революции начали рассматриваться планы расширения зоны японского влияния в Азии, в том числе за счет Сибири. Уже 1 января 1918 года генеральный консул Японии во Владивостоке запросил правительство о присылке военных кораблей. 3 января в поддержку совместной интервенции на Дальнем Востоке выступил

Лондон. 6 января командиры нескольких японских кораблей получили устное распоряжение готовиться к походу в Россию для подавления «экстремистов»[218].

12 января 1918 года в бухту Золотой Рог пришел эскадренный броненосец «Ивами» (бывший русский «Орел», захваченный в Цусимском сражении), формально для защиты японских подданных, проживавших во Владивостоке. Во Владивостоке в конце 1917 года проживало 3 883 японских подданных, на всем Дальнем Востоке, вплоть до Читы, – около 10 тыс. Через два дня к японскому броненосцу присоединился британский крейсер HMS Suffolk. Еще через день пришел еще один японский броненосец – «Асахи». 4 апреля 1918 года неизвестные убили во Владивостоке одного и тяжело ранили двух японских подданных. Один из раненых вскоре умер. Местные власти сразу же начали искать нападавших, но так и не смогли их найти. Между тем уже 5 апреля командующий японской эскадрой на рейде Владивостока к. – адм. Хирохару Като высадил десант из двух рот. Предлогом была защита японцев, проживавших в городе, и «горячая любовь к русскому народу», о которой известил горожан японский адмирал. Британцы немедленно высадили свой собственный десант – 60 морских пехотинцев[219].

Так началась интервенция на Дальнем Востоке. Позже она только развивалась, разумеется, из любви к порядку и из интересов сохранения порядка. Интервенты вели себя соответствующим образом, то есть грабили и распоряжались

в стране по собственному усмотрению. С русскими властями, которым они пришли помогать в борьбе с большевиками, японцы мало считались. Помощник Военного министра правительства Колчака ген.-л. В.И. Марковский отмечал в начале февраля 1919 года, что «…действия японских властей в Амурской области носят характер полного хозяйничанья и произвола…»[220] Хозяйничанье интервентов внесло немалый вклад в подъем партизанского движения в Сибири на Дальнем Востоке. 30 января 1920 г. партизаны вошли во Владивосток, накануне в городе была свергнута колчаковская администрация. Возникло Приморское правительство, состоявшее из эсеров и большевиков[221].

Еще ранее, 14 января, колчаковская администрация была свергнута на Северном Сахалине. Здесь была установлена власть Военно-Революционного комитета, который передал ее представителям земцев и различных партий. Вскоре к власти пришли сторонники Советов[222]. В начале февраля японцы заявили о прекращении враждебных действий против Красной Армии и начали отвод своих частей из Амурской области в Приморье. 16 февраля советские войска вошли в Хабаровск[223]. 18 февраля глава партизан Приморья С.Г. Лазо докладывал в штаб в Благовещенске: «Ни в какие соглашения с другими политическими партиями и земством мы, коммунисты, не вошли; поддерживаем земство, поскольку оно ведет работу вместе с нами»[224]. Во Владивостоке нахо-

дились войска США, Великобритании, Франции, части Чехословацкого корпуса. 19 февраля В.И. Ленин выступил с идеей создания буферного государства, которое должно было отделить РСФСР от Японии накануне возможного нападения поляков. Это было весьма своевременное предложение[225]. В действительности Токио не собирался прекращать интервенцию в России, скорее наоборот. На рейде Владивостока стояла японская эскадра, численность японских войск на Дальнем Востоке равнялась 100 тыс. чел[226].

Японцы оказывали активную помощь атаману Семенову. Соединившись вместе с отступавшими отрядами Каппеля, его отряды – свыше 20 тыс. чел. при 78 орудиях и 496 пулеметах – были сведены в корпус, который сумел удержать Читу. Здесь же находился 6-тысячный японский гарнизон. Возникла «читинская пробка», которая препятствовала осуществлению железнодорожной связи красных Дальнего Востока и европейской части России[227]. С помощью японцев Семенов начал заигрывать с панмонголистами, и даже создал в Чите правительство Внешней Монголии во главе с Найсе-гэгэном. Вскоре тот был захвачен и казнен китайцами[228]. Формировался и кадр будущей монгольской армии – Азиатская дивизия под командованием ген-л. Р.Ф. Унгерна фон Штернберга. В её состав входили казаки, буряты и монголы[229].

Обстановка на Дальнем Востоке была весьма напряжен-

ной, столкновения с японцами были частыми. Самым известным стал т. н. Николаевский инцидент[230]. Партизаны с боем взяли крепость и достали зарытые в свое время замки от орудий. Японцы ушли в город. Укрепления быстро были приведены в боевую готовность. 27 января командование партизанскими отрядами направило в Николаевск-на-Амуре, где стоял японский гарнизон, своих парламентеров. Они были убиты после зверских пыток. Тогда командир партизан – анархист А.И. Тряпицын – заявил, что начнет обстрел города из орудий. Угроза возымела действие[231]. 28 февраля партизаны подписали соглашение с японскими войсками. Те обязались разоружить стоявших в городе белогвардейцев и передать партизанам посты и казармы[232]. Отряды Тряпицына вошли в Николаевск-на-Амуре. С 1918 года в городе было убито немало сторонников большевиков. Теперь партизаны начали террор против настоящих и вымышленных противников революции[233].

В ночь с 11 на 12 марта 1920 г. японцы напали на партизанские посты и штаб. Здание штаба им удалось поджечь, по окнам и дверям велся прицельный огонь. Внезапная атака была отбита, партизаны перешли в контрнаступление. Теперь уже японцы были блокированы в казармах и домах, которые поджигали партизаны. 14 марта оккупанты были разбиты, за этим последовала расправа. Пленных (называлась цифра в 27 и 130 чел.) и японскую общину города (ок.

450 чел.) перебили[234]. В Японии эти трагические события вызвали значительный резонанс. Правительство использовало их как повод к мобилизации общественного мнения к продолжению интервенции на Дальнем Востоке[235]. Как только Амур очистился ото льда, к Николаевску были направлены новые отряды японской армии, и в конце мая партизанам пришлось покинуть город[236]. В результате событий он был практически уничтожен – для восстановления Николаевска и его порта после окончания войны пришлось приложить немалые усилия[237]. Организаторы террора – сам Тряпицын и 6 человек из его ближайшего окружения – были расстреляны 9 июля 1920 г. по приговору революционного военного трибунала за самоуправство и неподчинение властям ДВР[238].

Советское правительство торопилось ликвидировать оставшиеся очаги Гражданской войны, которые могли бы отвлечь силы с западного направления. Весной 1920 года Красная Армия окончательно разгромила белых в Поморье. Северный фронт был ликвидирован[239]. 20 февраля был взят Архангельск, 13 марта – Мурманск[240]. 22 марта 1-я Конная армия вошла в Майкоп. Деникин был разбит, бои на этом фронте также закончились[241]. 27 марта был взят Новороссийск. Сопротивления уже не было. В городе взрывались и горели склады, царил полный беспорядок, войска сдавались в плен массами[242].

Единственным успехом белых на этом этапе стала оборона Крыма. Командование Красной Армии явно недооценило значение полуострова. На его взятие была направлена 46-я стрелковая дивизия, к которой потом присоединилась 8-я дивизия Червонного казачества[243]. Крым был переполнен беженцами и беглецами, отходившие части почти полностью утратили дисциплину, они по 3–5 месяцев не получали жалованья и занимались «самоснабжением», то есть грабили местное население. Защита этого плацдарма была поручена ген.-м. Я.А. Слащеву. Он оказался блестящим организатором, сумевшим крутыми мерами восстановить порядок в тылу и создать мобильную оборону, в которой упор делался на маневр, а не на удержание первой линии укреплений[244]. 25 января 46-я дивизия перешла в наступление. Наступавшие имели численное превосходство: 4120 штыков, 1100 сабель, 16 орудий и 4 бронепоезда против 2200 штыков, 1200 сабель, 32 орудий, 8 бронепоездов, 6 танков и 6 самолетов[245]. Мораль большей части оборонявшихся была весьма низкой. Все понимали – война проиграна. Бои с перерывами продолжались до апреля. Слащеву удалось отразить все атаки красных, причем с большими потерями для атакующих[246]. Он был произведен в генерал-лейтенанты с добавлением к его фамилии приставки «Крымский». На полуострове сохранился еще на год очаг Гражданской войны в Европейской части России.

После разгрома и ликвидации Колчака мир в Приморье и Забайкалье так и не наступил. Более того политическое и военное положение здесь резко усложнилось. Между тем на этом этапе Гражданской войны контроль над Сибирью был особенно важен для советского правительства. Здесь имелись и хлеб, и топливо, которые были так необходимы в европейской части страны[247]. Для того, чтобы вывезти их, как минимум была необходима передышка в военных действия. 28 марта 1920 г. был созван Учредительный съезд Прибайкалья, на котором депутаты, после разъяснительной работы большевиков, согласились создать особое государство на Дальнем Востоке[248]. 1–2 апреля последние англо-франко-американские войска и чехословаки покинули Владивосток[249]. С японским командованием также велись переговоры об условиях эвакуации и 4 апреля было подписано соответствующее русско-японское соглашение. А в ночь с 4 на 5 апреля японцы вновь атаковали советские гарнизоны по всему Дальнему Востоку[250].

5 апреля командующий экспедиционными войсками генерал-лейтенант Сигэмото Оой подписал объявление, в котором заявил, что это русские напали на японские войска во Владивостоке, что и потребовало их разоружения, разумеется, исходя из необходимости сохранения мира и порядка: «В данном случае японское командование не преследует какой-либо личной цели, не может допустить дальнейше-

го развития беспорядков, для чего и примет меры после переговоров с русскими властями»[251]. Никаких доказательств японской версии представлено не было[252]. Генерал Оой не стал объяснять, почему его подчиненные организовали нападения одновременно и в Хабаровске, и в Никольске-Уссурийском, и в Спасске и т. п., и повсюду без предупреждения о прекращении перемирия.

Во Владивостоке японцы начали настоящую резню. С особой жестокостью они расправились с жителями корейской слободы Владивостока. Город был центром корейской эмиграции. В марте 1919 года Корейский Национальный Совет принял и опубликовал Декларацию независимости Кореи, которая стала распространяться по всему Приморью. Совет приступил и к формированию корейских партизанских отрядов. Теперь японцы расправлялись над теми, кто, по их мнению, был способен носить оружие[253]. Патрули интервентов зверствовали повсюду – они попросту расстреливали попавшихся им на глаза прохожих, не разбирая пола и возраста. Военные объясняли это местью за события в Николаевске[254]. Что касается переговоров, то в ряде случаев красные командиры действительно приглашались японскими командирами обсудить создавшееся положение, но приходивших арестовывали или убивали. Захваченные в плен члены Дальбюро РКП(б) во главе с С.Г. Лазо были сожжены в паровозных топках[255]. Эти события ускорили неизбежное уже собы-

тие.

6 апреля 1920 года в Верхнеудинске (совр. Улан-Удэ) представители Учредительного собрания Забайкальской области провозгласили создание Дальневосточной республики. Она делилась на 5 областей – Забайкальскую (Чита), Прибайкальскую (Верхнеудинск), Амурскую (Благовещенск), Приамурскую (Хабаровск), Приморскую (Владивосток) – и включала зону отчуждения КВЖД. Столицей государства до взятия Читы был Верхнеудинск. 9 ноября это решение подтвердило собрание представителей всех этих территорий[256]. 14 мая 1920 г. ДВР официально была признана Советской Россией[257]. Республика должна была стать буфером между РСФСР и Японией, поддерживавшей белые правительства Приморья[258]. На площади в 1542 тыс. кв. км проживало около 1,8 млн чел[259]. У Дальневосточной республики не было еще собственной организованной армии, она создавалась на базе отрядов Красной Армии и партизан. Численность Народно-Революционной армии ДВР поначалу не превышала 27 тыс. чел., она была плохо вооружена. Главкомом был назначен Г.Х. Эйхе[260].

Свои окраины новое государство не могло защитить. 21 апреля на рейд Поста Александровска на Сахалине пришел крейсер «Мисими», вскоре к нему присоединились броненосец «Микаса» и несколько миноносцев. Под прикрытием флота японцы высадили десант – 2 тыс. чел. с пулеметами

и артиллерией. Северная часть острова Сахалин была оккупирована[261]. В Токио поначалу планировали создать здесь марионеточное государство Сахалин-го, но затем перевели территорию в военное управление[262]. Любая политическая, издательская деятельность, даже распространение рисунков были запрещены под страхом жесткого наказания[263], все предыдущие законы отменялись, действовали только распоряжения японских властей[264]. В Петропавловск-Камчатский также пришел вспомогательный крейсер «Кошу», который высадил десант. Командир корабля капитан 2 ранга Мицита Хара объявил, что это было сделано для защиты японских подданных и «покровительства всей рыболовной промышленности вообще»[265]. В случае угроз столь достойной цели офицер грозил немедленно предпринять соответствующие меры[266].

У ДВР были проблемы и на западном направлении, в районе Забайкалья, где по-прежнему держался атаман Семенов и оставалась проблема «читинской пробки»[267]. 27 марта Эйхе отдал приказ о подготовке наступления на Читу[268]. По отношению к японцам наступавшим предписывалось придерживаться нейтралитета и по возможности воздерживаться от столкновений, но в случае наступления японских частей – «упорно обороняться»[269]. На оккупированных территориях против японцев и семеновцев развернулось широкое парти-

занское движение. Оно было массовым, и интервенты несли потери[270]. 25 апреля 1920 года НРА начала наступление на Читу, которое семеновцы отразили при активном содействии частей японской армии[271]. Столкновения с японцами приобретали все более массовый характер. 11 мая Эйхе отдал приказ о переходе к обороне[272].

Международная обстановка складывалась не в пользу Японии. Уже её действия 4–5 апреля вызвали негативную реакцию в Англии, США и Китае. Там опасались, и не без основания, что Токио перейдет к захватам в Приморье, Сибири и КВЖД. В 1920 году в Японии начался финансовый кризис, что негативно сказалось на возможностях Токио реализовать захватнические проекты в России. Японское командование планировало создать собственную буферную зону в Забайкалье на территориях, которые контролировал Семенов[273]. 11 мая 1920 г. японцы предложили создать нейтральную зону между армией ДВР и своими войсками. 24 мая на станции Гонготта в 100 км юго-западнее Читы начались переговоры, к которым японская делегация попыталась подключить и делегацию семеновцев. Переговоры были сорваны – представители Дальневосточной республики категорически отказались пойти на такую уступку, которая могла быть истолкована как формальное признание режима Семенова. Делегация ДВР увязывала отказ от военных действий, включая партизанские, с согласием японцев начать эвакуа-

цию. 2 июня войска атамана нарушили перемирие, в июне-июле в Забайкалье и Амурской области шли бои. 24 июня переговоры возобновились. 2 июля японцы заявили о выводе войск из Забайкалья[274].

15 июля было подписано перемирие, которое должно было начать действовать с 18 июля. Со стороны ДВР оно распространялось только на «регулярные войска». Японцы гарантировали соблюдение его условий и со стороны войск Семенова. Там же было достигнуто соглашение о нейтральной зоне. «Срок окончания договора о прекращении военных действий между воюющими сторонами определен на момент окончания работ созываемого съезда представителей, правильно выражающих волю населения русского Дальнего Востока. В случае же каких-либо обострений до наступления этого момента для прекращения мирного состояния и перехода на положение войны необходимо уведомление противной стороны за 7 дней»[275]. Токио нарушил это перемирие – и причем немедленно. Правительство империи попыталось использовать передышку в свою пользу. 19 июля парламент Японии объявил захваченную русскую половину Сахалина «собственной территорией»[276].

Состояние экономики РСФСР после трех лет мировой войны и двух лет гражданской войны исключало возможность успешного конфликта одновременно с Японией и Польшей, за спиной которой стояли Франция и Англия.

Впрочем, надеятся на благоприятный исход изолированного столкновения с такой мощной силой, как Япония, также было невозможно. Экономическое положение Советской республики было тяжелейшим. Угрозу топливной катастрофы удалось снять, но кризис оставался и был очень серьезным. В январе 1920 года добыча угля в Донецком бассейне составила всего 14 тыс. пудов и вплоть до сентября (26 тыс. пудов) так и не достигла уровня января 1919 года. То же наблюдалось и с уровнем добычи нефти в Бакинском районе[277]. Потребление каменного угля в 1920 году составило 27 % от уровня 1913 года (467 против 1738 млн пудов), а нефти, при сравнении показателей тех же годов, – 40 % (243 против 554,8 млн пудов)[278].

Разумеется, это не могло не сказаться на общем положении промышленности. Крупная и кустарная промышленность практически перестали обеспечивать рынок товарами широкого потребления: в 1912 их было произведено на 2 млрд руб., в 1920 – на 250 млн. Часть кустарных промыслов исчезла, сельское хозяйство практически утратило связь с городом[279]. При обеспечении потребностей деревни в городских товарах на уровне лишь 12 % крестьянство стало тяготеть к экономической автаркии[280]. Число рабочих в 1920 году составило 1,273 млн чел. – 53 % от уровня 1917 года, выплавка чугуна сократилась в 10 раз, производство паровозов – в 7 раз, вагонов – в 24 раза[281]. Вооруженность желез-

нодорожного транспорта подвижным составом резко упала, при этом нагрузка на железную дорогу резко увеличилась.

В 1918 году было перевезено 5787 воинских и 1150 грузовых воинских эшелонов, в 1919 году – 10 299 воинских и 2160 грузовых воинских эшелонов, в 1920 году – 17 582 воинских и 3423 грузовых воинских эшелона. Средний пробег эшелона в 1918 г. составил 750 верст, в 1919 г. – 1250 верст, и в 1920 г. – 1,5 тыс. верст. В среднем эшелоны пребывали в дороге 3 суток в 1918 г., 5 суток в 1919 г. и 6 суток в 1920 году. Среднесуточная скорость в 1920 г. равнялась приблизительно 250 верстам (то есть чуть более 10 верст в час – очень низкий показатель)[282]. В январе 1920 года на 100 верст железной дороги приходилось всего 8 локомотивов (против 27 в январе 1916 г.), в сентябре 1920 года разного рода ремонт был необходим 55,4 % паровозов (из них 19,6 % полный), в то время как в ремонте находилось 45,1 % (из них 6,4 % в полном)[283]. Даже война на одном фронте требовала исключительно высокого напряжения сил. Обеспечив свой глубокий тыл на Дальнем Востоке, Москва получала возможность начать подготовку к борьбе с Польшей. Увеличился поток воинских эшелонов на Западный фронт. Если в марте их было 83, то в апреле уже 203[284].

Уступчивость РСФСР и невыгодная для неё международная обстановка – все это лишь убедило Пилсудского в слабости Советской России. В возможности своей армии и в ее

превосходство он верил абсолютно, и поэтому не нуждался в мирном решении[285]. «Мы предлагали Польше немедленное перемирие на всем фронте, – писал 29 апреля 1920 г. Троцкий. – Но на свете нет буржуазии, более жадной, развращенной, наглой, легкомысленной и преступной, чем шляхетская буржуазия Польши. Наше честное миролюбие варшавские авантюристы приняли за слабость»[286]. Свою роль сыграла и международная поддержка. Кампания 1919 года закончилась победами Польши в Восточной Галиции, Белоруссии, Литве, Полесье и на Волыни. Это, безусловно, провоцировало аппетиты местных ястребов, хотя некоторые польские политики предупреждали, что сил для достижения границ 1772 года, о восстановлении которых мечтал Пилсудский, не хватит[287].

Доход польского бюджета в 1919–1920 гг. равнялся 7 (семи!) млрд польских марок, в то время как расходы – 75 млрд польских марок. Огромный дефицит покрывался за счет внешних заимствований, которые фактически давались на войну с Советской Россией[288]. Еще зимой 1919 года польская армия была плохо обеспечена артиллерией, боеприпасами, обмундированием и медикаментами. Формирование новых частей еще не было закончено[289]. Помощь из-за границы ускорила решение этих проблем. Вашингтон предоставил Варшаве значительный кредит для покупки вооружения. В первой половине 1920 года американцы поставили в Поль-

шу около 20 тыс. пулеметов, свыше 200 бронемашин и 300 самолетов, 3 млн комплектов обмундирования, 4 млн пар обуви и т. д; французы – 1494 орудия, 350 самолетов, 2800 пулеметов, 375,5 тыс. винтовок, 42 тыс. револьверов, 800 грузовиков, 518 млн патронов, 10 млн снарядов; англичане – 58 тыс. винтовок, 58 млн патронов[290]. Мобилизации позволили довести численность польской армии до 738 тыс. чел. Разумеется, у Пилсудского не было возможности сосредоточить все эти силы на востоке, но возможности его действительно были велики[291].

27 марта 1920 года Польша приступила к широкомасштабным военным действиям. Потом Пилсудский заявил, что готов начать 10 апреля переговоры в Белоруссии – в городе Борисов, который находился на линии фронта. Расчет был прост – такие переговоры сковали бы возможные действия в этом районе и развязывали бы руки полякам на Украине[292]. 28 марта Москва вновь предложила Варшаве мирные переговоры вне линии фронта, и вновь это предложение было проигнорировано[293]. Польская дипломатия отказывалась переносить время и место переговоров, а польские политики тщательно готовили войну[294]. Свою работу вела и польская разведка. Планировалось, что петлюровское подполье во главе с Евгеном Коновальцем и Андреем Мельником поднимет восстание на Украине, на освобождение которой двинется вместе с поляками Петлюра[295]. 20 апреля поль-

ский МИД издал коммюнике – вся ответственность за начало войны возлагалась на РСФСР[296]. 21 апреля было подписано польско-финское соглашение о взаимной поддержке, финны должны были нанести удар по Петрограду (они так и не сделали это, сославшись на то, что обязательство распространялось только на случай агрессии со стороны России)[297].

Перед тем, как спровоцировать новую и более масштабную войну на востоке, Пилсудский заверил своих критиков в Варшаве личным честным словом, что «не пойдет на Киев воевать за украинское государство для Петлюры»[298]. Разумеется, это была обычная ложь. Правда, как всегда, отличалась от слов польских политиков. 22 апреля Пилсудскому удалось установить соглашение о совместных действиях с Симоном Петлюрой[299]. «А там, в Варшаве, – вспоминал генерал-хорунжий Ю.О. Тютюнник, – дела шли своим путем. УНР вместе с Петлюрой катилась вниз в пропасть морального разложения»[300]. Низшей формой этого падения генерал считал польско-украинский договор[301]. Петлюра и Пилсудский подписали договор о союзе 21 апреля. Петлюра уступал Галицию. Граница между Украиной и Польшей устанавливалась по линии бывшей границы между Российской империей и Австро-Венгрией. Петлюра взял на себя обязательство подкрепить это соглашение военной и экономической конвенциями[302].

По договору пан головной атаман уступал пану начальни-

ку государства 162 тыс. кв. км с 11 млн населения, что вызвало значительное недовольство среди узнавших об условиях договора националистов[303]. Военная конвенция также была подписана. По её условиям украинские союзники поступали в распоряжение польского командования (Ст. 5), Петлюра обязан был обеспечить поляков продовольствием, фуражом и всем необходимым (Ст. 6), для чего при польских войсках должны были находиться петлюровские представители, которые должны были обеспечить реквизии и т. п[304]. Эту сделки лучше всего описал соратник Петлюры, украинский «сенатор» С.П. Шелухин: «Характер военного договора такой же, как и политического: все для поляков и ничего для украинцев»[305]. Эту схему безоговорочно и активно поддержал только глава униатской церкви – митрополит Галицкий Андрей Шептицкий[306]. «Будет Киев, будет и Львов», – успокаивал митрополит лидеров петлюровцев[307]. Позже Петлюра назовет этот договор «тактическим ходом для установления связей с Европой». Он надеялся, что Пилсудский установит новую границу и возьмет для него Киев, после чего европейские страны признают Украинскую Народную Республику[308]. После соглашения с Петлюрой Варшава заключила договор и с П.Н. Врангелем[309]. 25 апреля поляки вместе с петлюровцами начали наступление на Украине. Здесь наносился основной удар[310].

На первом этапе войны действия наступавших были весьма успешными: они сумели использовать численное преимущество. Полякам активно помогали петлюровские войска под командованием генерал-поручика М.В. Омельяновича-Павленко[311]. 23 и 24 апреля две галицийские бригады из состава армии ЗУНР, перешедшие незадолго до этого на сторону Красной Армии, изменили и перебежали к Петлюре. В тылах активизировались банды генерала Тютюнника. Тыл войск, оборонявших Киев, обнажился. Они начали отходить[312]. Ситуация несколько улучшилась после того, как на фронт была брошена кавбригада Г.И. Котовского. Прибытие этой сверхдоблестной части помогло исправить положение – галицийцы понесли большие потери и вынуждены были отступить[313]. Этот успех был недолгим. 24 апреля для дестабилизации обороны Юго-Западного фронта в его тыл была брошена 1-я польская кавалерийская дивизия. 26 апреля она взяла город и железнодорожную станцию Казатин, где добровольно сдался гарнизон, составленный из украинских частей[314].

26 апреля к жителям Украины обратился Пилсудский: «По моему приказу армия Польской республики двинулась вперед и проникла глубоко в Украину. Сообщаю населению этих областей, что польская армия, вторгаясь в области, принадлежащие украинским гражданам, останется в Украине столько времени, сколько понадобится для того, чтобы эти

области были приняты в управление регулярным Украинским правительством»[315]. Пилсудский обещал всем жителям указанных территорий вне зависимости от национальной и религиозной принадлежности защиту и покровительство[316]. После окончания этой войны Тютюнник вспоминал, что главной задачей Пилсудского было осуществление заветной мечты польских националистов – Польша «от моря до моря»: «Эта идея вела Пилсудского занимать Киев, конечно, не для того, чтобы создать из Киева столицу Украины, как надеялись наивные петлюровцы, эта идея и поныне в центре польской политики»[317].

26 апреля против примерно 36 тыс. поляков и 4 тыс. петлюровцев Юго-Западный фронт имел 13 тыс. штыков и 2 тыс. сабель[318]. Польский враг имел преимущество в силах и технике, был хорошо снабжен боеприпасами. Поначалу Пилсудский получил поддержку на Украине, но она была временной и неполной. Еще две галицийские бригады остались верными советской власти, а перешедших на сторону интервентов ждало суровое разочарование относительно будущего их земель, переданных Петлюрой под власть Пилсудского. Что касается Белоруссии, то поведение поляков было лучше всего описано представителем оккупантов: «Наша армия – юная по годам службы – постепенно усваивает психологию старого солдата, что раз он несет военную службу, то все под его началом, и она вершит реквизиции и насилия

над населением, которого не знает, которому не сочувствует, которое считает чуждым»[319]. Белорусы убедились в правоте простой истины: «Польша – это паны»[320]. Соответственной была и реакция. Контрразведка 4-й польской армии докладывала в Варшаву: «В результате вся Минщина покрыта сетью боевых групп и в лесах растут вооруженные партизанские отряды»[321].

Советская дипломатия вела переговоры о заключении мира с Латвией и перемирия с Финляндией, оставался совершенно неясным вопрос об отношениях с Румынией, оккупировавшей Бессарабию (совр. Молдавия и частично Украина). Дальнейшее поведение Бухареста было непредсказуемо, что не могло не учитывать командование Красной Армии[322]. Впрочем, то же самое можно было сказать и о Финляндии, где сильны были претензии на Восточную Карелию и Печенгу[323]. До заключения перемирия 7-я армия должна была находиться в состоянии повышенной готовности и охранять фронт от Ладожского озера до Ледовитого океана[324].

29 апреля ВЦИК известил граждан России о том, что началась война с Польшей: «Войска польских помещиков и капиталистов захватили Житомир и угрожают Киеву. При содействии своего наемника Петлюры и при помощи французского золота польские белогвардейцы вовлекли в измену галицийские части, которые несколько месяцев тому назад перешли на сторону Советской власти. Господствующие

в Польше классы отвечают на открытые и честные мирные предложения Советской России бесчестной попыткой захвата Правобережной Украины. Мало того: польское правительство открыто говорит о своем намерении захватить всю Украину, чтобы передать ее петлюровской директории. Правительство Пилсудского идет по стопам Гогенцоллерна, который вводил в Украину войска под видом помощи Киевской раде. Кровожадное насилие дополняется отвратительным маскарадом. Одновременно с этим буржуазная польская пресса требует захвата всех тех земель, которые принадлежали Польше 150 лет тому назад – почти до Смоленска»[325]. ВЦИК призывал к единству во имя защиты страны и завоеваний революции и в том числе к единству с польским пролетариатом и крестьянством, которые создадут «независимую рабоче-крестьянскую Польшу»[326].

Но до победы советской власти было еще очень далеко, а в мае 1920 г. польские успехи провоцировали аппетит несостоявшихся союзников Варшавы. Переговоры о мире сразу же затянулись. Дипломатия лимитрофов немедленно начала поднимать планку своих условий. В столицах новых государств надеялись поживиться в случае победы армий Пилсудского[327]. О польских аппетитах можно судить по проекту экономического соглашения между польским и петлюровским правительствами, составленному 1 мая 1920 г. Польша должна была получить возможность использования же-

лезных дорог, ей планировалось предоставить многочисленные концессии, аренды пристаней в Херсоне, Одессе и Николаеве сроком на 99 лет и т. п[328]. Польская Ставка все больше поддавалась иллюзорным конструкциям будущего мира. 7 мая был взят Киев. Красная Армия не обороняла город, войска перешли на левый берег Днепра. Авангард противника въехал в центр столицы Украины на трамвае. Это был успех, но он не сопровождался серьезными поражениями отступавших и ничуть не улучшил положения наступавших. Скорее наоборот, они растянули свои коммуникации стали уязвимее. Вытянутые в нитку по фронту, они нигде не были достаточно сильны для обороны. Тем не менее ожидания дальнейших успехов были велики. Командовавший польскими армиями Пилсудский был доволен достигнутыми результатами и явно переоценил возможности своих сил[329]. Наступавшие изымали продовольствие и фураж, широко практиковали карательные акции против сопротивлявшихся «освобождению» крестьян и погромы еврейского населения[330].

2 мая РВС РСФСР обратился с приказом к армии и флоту: «Непримиримый враг Рабоче-Крестьянской России, польское буржуазно-шляхетское правительство, вероломно прикрывшись заявлениями о согласии начать мирные переговоры, сосредоточило свои вооруженные франко-американской биржей силы и начало широкое наступление на советскую Украину с целью превращения ее в кабальную польскую ко-

лонию. В этих условиях Советская Россия, поставившая себе целью добиться честного и прочного мира с братским польским народом на основах взаимного уважения и сотрудничества, вынуждена ныне силой оружия сломить злобную и хищную волю польского правительства». Для этого при верховном командовании создавалось Особое Совещание из 12 генералов императорской армии под председательством А.А. Брусилова[331].

Брусилов немедленно обратился с письмом к начальнику Всероссийского Главного штаба бывшему генерал-майору императорской армии Н.И. Раттэлю. Оно начиналось словами «милостивый государь». Брусилов заявил о необходимости противопоставить польской агрессии народный патриотизм, «без которого крепкой боеспособности армии не будет». Необходимо было отразить «польское нашествие на земли, искони принадлежавшие русскому православному народу»[332]. Одновременно с допущением столь не-советской по тем временам пропаганды советское и партийное руководство вновь поставило в порядок дня лозунг «Все для фронта!». В обращении ВЦИК и ЦК РКП (б) сущность войны была изложена весьма точно: «Польская буржуазия начала войну ради захвата земель, населенных русскими и украинскими трудящимися массам. Польские помещики хотят вновь подчинить себе украинских и русских крестьян. Кровавой авантюре польской шляхты должен быть положен

быстрый и решительный конец»[333].

Совнарком прилагал все усилия для подготовки контрнаступления. На Украину с Северного Кавказа была переброшена 1-я Конная армия. По пути она должна была ликвидировать действовавшие в тылах Красной Армии банды Н.И. Махно[334]. Этот человек, начавший в 1918 году с борьбы против всех – австрийцев и немцев, отрядов гетмана Скоропадского и Украинской Директории, казаков Краснова и добровольцев Деникина[335], в 1919 и 1920 гг. то входя в соглашение с большевиками, то выступая против них, сумел сделаться весьма популярным среди крестьян. С февраля-марта 1920 г. недовольство крестьян продовольственной разверсткой стало приобретать явный и массовый характер. Деревня почти не получала промышленных товаров, город – достаточно хлеба. На этом фоне росла популярность Махно на Украине[336]. Ядро его отрядов было относительно невелико – около 500 шашек, но быстро передвигающиеся отряды имели сторонников в Екатеринославской, Донецкой, Херсонской, Полтавской губерниях[337]. Часто отколовшиеся отряды создавали небольшие банды, пополнявшиеся дезертирами разных сторон Гражданской войны. У Красной Армии возник еще один противник – он действовал в тылу войск, боровшихся с польским нашествием.

Политические отделы армий развернули пропагандистскую кампанию, объясняя бойцам и командирам причины

войны и задачи, которые стояли перед РСФСР. Л.Д. Троцкий призывал готовиться к тяжелой борьбе, уверяя, что Польша лишена внутреннего единства[338]. 5 мая на Театральной площади в Москве перед красноармейцами, отправлявшимися на Польский фронт, выступил В.И. Ленин[339]. «Помните, товарищи, что с польскими крестьянами и рабочими у нас нет ссор, – сказал он, – мы польскую независимость и польскую народную республику признавали и признаем. Мы предлагали Польше мир на условии неприкосновенности ее границ, хотя эти границы простирались гораздо дальше, чем чисто польское население. Мы шли на все уступки, и пусть каждый из вас помнит это на фронте»[340]. Они помнили. Речь произвела большое впечатление[341].

7 мая ВЦИК издал обращение к польским рабочим, крестьянам и солдатам, убеждая их, что война, развязанная их правительством, противоречит их собственным интересам, и призывая к единству трудящихся. В обращении особо подчеркивалось, что Советская Россия сразу же признала независимость Польши и никоим образом не посягает на нее[342]. В Москве надеялись на возможное развитие революции на запад от границ Белоруссии и Украины. 12 мая постановлением ВЦИК и СТО 24 европейские губернии РСФСР – от Архангельской до Орловской – были переведены на военное положение[343]. Укреплялся тыл Западного и Юго-Западного фронтов.

12 мая командующий Западным фронтом М.Н. Тухачевский отдал приказ армиям о переходе в наступление 14 мая. Он планировал сбить противника с занимаемых позиций, обойти его своим правым флангом и опрокинуть поляков в Пинские болота[344]. Наступление началось по плану, но к 18 мая войска фронта прошли всего от 70 до 80 километров. Противник отчаянно сопротивлялся[345]. Тухачевскому не удалось оттянуть на себя войска поляков с Украины, но Пилсудский вынужден был перебросить сюда часть сил из своего общего резерва[346]. Бои приобрели тяжелый характер, в результате контрударов 19–20 мая войскам Западного фронта пришлось отойти[347]. Население Восточной Белоруссии, почти на 90 % состоявшее из белорусов и на 5 % из евреев (поляков было только 3 %, и остальных – 2 %), радостно встречало Красную Армию, а при отступлении Западного фронта многие ушли с войсками[348]. На фронте установилось временное затишье, которое активно использовалось нашим командованием для подготовки нового наступления[349]. 19 мая правительства Советской России и Советской Украины обратились с совместной нотой к правительствам Англии, Франции, Италии и США, напоминая им о членстве Польши в Лиге Наций и призывая прекратить помощь агрессору. Обращение осталось без ответа[350].

Западный фронт отвлек на себя внимание польского командования. Тем временем 1-я Конная быстро двигалась

вперед, громя по пути махновцев и более мелкие банды[351]. Очистка тылов Юго-Западного фронта весьма благоприятно сказалась на организации снабжения войск. Но она же затормозила движение армии. Кроме того, с 23 мая пошли сильные дожди, дороги раскисли, что затруднило движение обозов 1-й Конной[352]. За 52 дня она проделала походным порядком около 1200 км. Положение было тяжелым, не хватало продовольствия и фуража, но 25 мая армия вышла к Умани[353]. К этому моменту она насчитывала 18 тыс. сабель, 52 легких орудия, 4 бронеотряда, 5 бронепоездов и авиаотряд – 18 самолетов[354]. С приходом Конармии общая численность войск Юго-Западного фронта достигла 22 400 штыков и 24 тыс. сабель. Им противостояли 40 400 штыков и 8200 сабель[355]. Даже на запланированных для прорыва участках было достигнуто только примерное равенство в живой силе[356]. Сосредоточение Конной армии С.М. Буденного на Юго-Западном фронте прошло незаметно для врага. Пилсудский не особенно опасался кавалерии, а создание конной армии считал «стратегической нелепостью»[357]. Вскоре фанаберия польского командующего дорого обойдется его подчиненным.

23 мая последовала директива командования фронта о подготовке наступления. Со стороны Крыма тыл войск, наносивших удар по полякам, должна была обеспечить 13-я

армия[358]. В это время Врангель был явно вдохновлен успехами поляков, тем более что стоявшие напротив Перекопа ударные части красных, включая кавалерию, переводились на польское направление. В результате 13-я армия, несмотря на важность поставленной перед ней задачи, сократилась до 12 тыс. штыков и 3 тыс. сабель, уступая теперь в численности Русской армии в Крыму (около 40 тыс. чел.). 25 мая Врангель перешел в наступление[359]. 27 мая Конармия разгромила большой отряд петлюровцев, окончательно очистив тылы фронта от враждебного элемента[360]. После ряда боев 26–29 мая было уничтожено несколько банд и передовых частей поляков. 29 мая польская кавалерия провела ряд контратак, которые повторились в начале июня. Эти действия не были для неё удачными[361].

Командовавший 2-й кавалерийской дивизией бригадный генерал Александр Карницкий вводил свои полки по отдельности и не смог реализовать численного преимущества, в результате чего вынужден был отступить. Перехватить инициативу польскому командованию не удалось[362]. 5 июня в районе деревни Езерно Конармия прорвала фронт противника и устремилась в его тыл[363]. «Рейд нашей конницы начался пятого июня, – подводил итоги через несколько дней Сталин. – Утром этого дня, свернутая в кулак, красная конница ударила по второй польской армии, прорвала неприятельский фронт, рейдом прошла район Бердичева и утром

седьмого июня заняла Житомир»[364]. Пилсудский поначалу не придал значения прорыву, он был уверен – его скоро ликвидируют[365]. Не получилось.

Первые же бои убедили бойцов 1-й Конной в их превосходстве над противником[366]. «Наше продвижение было настолько внезапным и ошеломляющим, – вспоминал Буденный, – что застигнутые врасплох польские солдаты и офицеры сдавались без сопротивления»[367]. Впрочем, это в случае, если врага удавалось захватить врасплох. Большая часть солдат противника сражалась храбро и стойко, в том числе и в окружении[368]. 8 июня Конармия взяла Бердичев. Вражеский тыл был разгромлен, управление войсками нарушено. В городах были взяты богатые трофеи, освобождено до 7 тыс. советских пленных, в Бердичеве польский гарнизон успел взорвать армейские склады. Было уничтожено около 1 млн снарядов и огромное количество патронов. Польский фронт остался без огневых запасов[369].

План советского командования сводился к организации окружения основных сил противника, действовавших на Киевском направлении[370]. 3-я польская армия потерпела существенное поражение. В её тылах и коммуникациях возник серьезный кризис. Задача наступавших облегчалась и тем, что польское командование не сразу осознало масштаб произошедшего. Вскоре оно пришло в себя и стало собирать си-

лы для отхода[371]. Только в ночь с 8 на 9 июня поляки стали выводить свои войска из плацдарма на левом берегу Днепра[372]. 10 июня польская армия оставила Киев. Отход сразу же стал приобретать характерные черты бегства. Дороги от Киева на запад были забиты брошенными повозками, машинами, трупами людей и животных[373]. При отходе колонны противника были перехвачены красной кавалерией и понесли большие потери убитыми и пленными. 3-я армия потеряла свои обозы, 250 пулеметов и 84 орудия из 96[374]. Навстречу наступавшей красной кавалерии потянулись конвоируемые пленные[375].

9 июня, предвидя возможный затяжной характер войны, Совет труда и обороны принял решение о пополнении резервных частей двух фронтов, действовавших против Польши: влить в эти части 250 тыс. чел. военнообязанных немедленно и по 150 тыс. чел. в ближайшие два месяца[376]. Тем временем польская армия бежала, уходя от угрозы окружения. Вскоре выяснилось, что на временно оккупированных территориях поляки вели себя, как делали обычно до и после них истинные европейцы, то есть зверствовали, убивали и грабили. Перед уходом из Киева оккупантами были взорваны водопровод, электростанция и Владимирский собор[377]. В Черкасах после ухода польской армии насчитали до 290 человек – стариков, женщин и детей до 1–2 года включительно, раненных поляками холодным (!) оружием. Оставив Бо-

рисов, поляки с западного берега Березины обстреляли его зажигательными и химическими (!) снарядами – город превратился в дымящиеся руины[378]. Зверства поляков были известны и ранее. Они стали причиной того, что еще 10 мая Троцкий отдал приказ по армии, призывая не мстить за расстрелы, пытки и издевательства над пленными красноармейцами: «Щадите пленных и раненых неприятелей!»[379]

Начальник штаба латышской армии генерал Петерис Радзиньш 10 июня 1920 г. заявил, что Рига не должна отказываться от совместных действий с поляками, но обстановка на фронте не располагала к вмешательству. Глава правительства Карлис Ульманис так и не решился на этот шаг[380]. В первых числах июня 1920 г. советские войска приступили к очищению Карелии от финских «добровольцев», которые развязали там военные действия одновременно с наступлением поляков, а 12 июня в Юрьеве открылись переговоры о заключении мира между РСФСР и Финляндией. Формально финская сторона согласилась приступить к ним еще 14 мая, но затягивала начало переговоров. Последнее особо важно, так как, несмотря на снятие Антантой блокады, торговое судоходство по-прежнему было невозможно – финские морские силы и британский флот основательно минировали Финский залив[381].

Для спасения Польши из Крыма в Северную Таврию нанес удар Врангель. Его успехи поставили под угрозу тыл на-

ступавших красных войск и отвлекли часть сил, но польской армии это не помогло[382]. Белый флот почти безраздельно господствовал на Черном и Азовском морях, красные морские силы находились на стадии формирования. Канонерские лодки создавались из ледоколов, паровых шхун, барж, на которые устанавливались орудия до 100–130 мм[383]. У Русской армии сохранялось значительное преимущество. Под прикрытием канонерских лодок с мощной артиллерией – до 152-мм включительно – была организована перевозка и десант корпуса ген.-л. Я.А. Слащева[384]. 6 июня он был высажен под Мелитополем, утром 7 июня началось наступление через Перекоп, 9 июня Мелитополь был взят, снабжение войск 13-й армии, оборонявших выходы из Крыма, было перерезано[385]. Красный флот после этого ограничился обороной и выставлением минных заграждений[386]. Наступление Врангеля развивалось очень успешно, что привело к попытке остановить его, организовав 15–23 июня контрнаступление[387].

Только 24 июня натиск врангелевцев был остановлен, а в тылу 13-я армии стала собираться ударная группа из 1-го Конного корпуса Д.П. Жлобы и двух кавалерийских дивизий[388]. Начавшийся контрудар красной конницы поставил под угрозу связь Крыма с Мелитополем, однако вскоре эта угроза тылам Врангеля была снята. «Блестяще задуманная и плохо выполненная операция», как назвал её

ген. Я.А. Слащев, провалилась. В последующих боях группа красной кавалерии была окружена и разгромлена[389]. Последствием катастрофы был срыв плана наступления всего фронта. 3 июля остатки корпуса Жлобы вырвались из окружения[390]. 16 июля командир 4-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии О.И. Городовиков был отозван с Польского фронта[391]. На следующий день последовал приказ о начале формирования 2-й Конной армии на базе разбитых частей Жлобы с добавлением двух кавалерийских дивизий и двух кавалерийских бригад. Временно новая армия переходила в резерв командующего Юго-Западным фронтом[392]. Армию еще надо было сформировать. По словам Городовикова, «… корпус Жлобы, получив жесткий отпор белых, практически перестал существовать как корпус»[393]. 2-ю Конную армию сформировали к 25 июля, поначалу она была рыхлым, малочисленным (3,5–4 тыс. сабель) соединением[394].

На Украине поляки энергично продолжали отступление, стараясь вывести из-под удара живую силу. Это было верное решение. Фланги Юго-Западного фронта явно запаздывали. Группа И.Э. Якира – 2 дивизии, бригада пехоты и бригада кавалерии – должна была действовать на 105 км фронта. Тылы Якира были скверно организованы, и двигаться быстро группа не могла[395]. Не помогло и то, что радиоразведка перехватила приказ 3-й армии об организации отхода. Поляки шли тремя колоннами, штаб армии был в централь-

ной[396]. Воспользоваться этой информацией не удалось. К 14 июня стало ясно – 3-я польская армия выскользнула из ловушки. 18 июня она закончила отход[397]. 25 июня 1-я Конная получила приказ двигаться на Ровно. Кавалерия вынуждена была переместиться в болотисто-лесистую местность, где её возможности были ограничены. В 23:00 4 июля Ровно был взят внезапным для его польского гарнизона ударом, но пришедшие в себя поляки сумели организовать контрудар. 7-10 июля разгорелись встречные бои, в ходе которых город несколько раз переходил из рук в руки[398].

В Ровно были захвачены значительные трофеи, польское командование не справилось с эвакуацией складов. Но с другой стороны недостаточное качество связи и частая смена задач перед 1-й Конной привели к срыву планов окружения 3-й польской армии[399]. Полякам удалось на время приостановить движение Юго-Западного фронта, его ударная сила – кавалерия – все чаще использовалась как ездящая пехота. Конница все чаще сталкивалась с подготовленными позициями, которые приходилось преодолевать, спешиваясь, борясь с колючей проволокой и пулеметами. Возможности маневра не было[400]. Прорыв 1-й Конной был остановлен, но вскоре этот успех поляков сошел на нет.

4-7 июля Западный фронт вновь начал наступление. Прорыв состоялся. Для действий на коммуникациях противника был направлен 3-й Конный корпус под командованием Г.Д.

Гая – 4100 сабель, 700 штыков, 28 орудий и 78 пулеметов. В результате и в Белоруссии польские силы потерпели поражение. В тылах армии противника началась паника. Только слухи о приближении красной кавалерии подчас вызывали бегство с занимаемых позиций. Впрочем, полного развала не было. Поляки в целом сохранили порядок и пытались оказывать сопротивление при отходе[401]. По планам операции корпус Гая должен был пройти в 4 дня 160 км, в среднем его дивизии должны были ежесуточно проходить от от 40 до 45 км и выйти к Свенцянам, оседлав пути отхода польской армии[402]. Кавалерия вела действия в весьма тяжелых условиях: в лесах и дефиле Белоруссии ей часто трудно было развернуться, дороги и мосты были разрушены[403].

Болота и леса, многочисленные озера и немногочисленные дороги – все это сужало возможности маневра и облегчало задачи обороны для заслонов, которыми прикрывались поляки. В этих условиях корпус поначалу ежесуточно проходил по 25–27 км, и в результате Гай действовал не в тылу, а на флангах отступавшего польского врага. 11 июля был взят Минск, к Свенцянам корпус вышел не на четвертый, а на седьмой день преследования, после чего перед ним была поставлена задача взятия Вильно[404]. Красная Армия овладела городом 14 июля[405]. В Белоруссии и Литве, как и на Украине, полякам удалось избежать окружения. Они уходили, бросая материальную часть и по возможности выво-

дя личный состав. Войска Западного фронта понесли значительные потери при прорыве фронта противника. В некоторых частях они доходили до 40–60 %. Наступавшие войска испытывали острую нужду в боеприпасах (обеспеченность на 55–60 %), инженерном имуществе (на 40 %) и транспорте (на 35 %)[406]. Положение со снабжением обмундированием и обувью также было весьма тяжелым – ВЦИК призывал бойцов Красной Армии бережнее относиться к своим сапогам, гимнастеркам и шинелям[407].

У поляков таких проблем не было. Их снабжала англо-франко-американская коалиция. Правда, теперь перед польскими войсками возникла другая опасность. 11 июля командующий Юго-Западным фронтом А.И. Егоров отдал приказ о наступлении на Брест, навстречу войскам Западного фронта[408]. Перед войсками Пилсудского вставала угроза окружения. Некоторым разбитым польским и петлюровским частям удалось найти убежище в Румынии, к границе с которой на большом протяжении стали опять выходить советские войска. В связи с опасностью расширения конфликта 20 июля командование Юго-Западного фронта категорически запретило переход линии Днестра или какие-либо враждебные действия по отношению к румынам. «Поведение наших войск, – говорилось в приказе, – не должно давать повода к обвинению нас в агрессивных намерениях против Румынии»[409]. Во время разгрома польской армии крайне обост-

рились пограничные споры на северо-восточных, западных и юго-западных границах Польши.

После освобождения Вильно из состояния нейтралитета вышла Литва, претендовавшая на древнюю столицу Великого Княжества Литовского. Литовские войска начали захватывать спорные территории, но уклонялись от сотрудничества с Красной Армией[410]. Литовцы выступили как нельзя вовремя – их небольшие силы могли создать серьезную опасность растянутым и плохо защищенным тылам Западного фронта, шедшего на Варшаву. 12 июля в Москве был подписан советско-литовский договор. РСФСР признавала независимость Литовской республики (Ст. 1), а также переход к Литве не только Вильно, но и Гродно, Лиды, Августова, Ошмян и Свенцян (Ст. 2). В Литву должно было быть возвращено эвакуированное во время войны имущество, частное и государственное (Ст. 3 и 4). Для поддержки разоренной войной Литвы Москва согласилась отказаться от претензий по выплате пропорциональной части общего государственного долга, а также передать ей 3 млн руб. золотом и дать право на рубку леса на территории в 100 тыс. десятин (Ст. 12)[411]. Таким образом литовцы, только пострадавшие от насилия поляков, выступили с требованиями на территории, на которых представляли абсолютное меньшинство. Соглашение о разграничении между советскими и литовскими войсками было достигнуто только 18 июля[412]. Вильно был передан ли-

товцам 27 августа, то есть на этапе отступления Западного фронта[413].

У Праги также было свое видение исторических границ, и в январе 1920 г. она подтвердила его, начав наступление в спорной области – т. н. Тешинской Силезии. Экономически развитый и стратегически важный район имел смешанное польско-чешское население. Конфликт был остановлен в результате вмешательства Антанты, стороны согласились на плебисцит. Но в июле 1920 года чехословаки потребовали раздела спорной территории без голосования. Варшава вынуждена была согласиться с чехословацким требованием. Из 2222 кв. км с населением в 435 тыс. чел. Прага получила 1200 кв. км и 293 тыс. чел. Были проблемы и на словацко-польской границе, которые удалось урегулировать только в 1925 году. Как выяснилось позже – ненадолго[414].

Весьма амбициозными планы поляков и в отношении Германии. Получив по решению Версальской конференции район Позена (совр. Познань), польские власти сразу же наметили план этнических чисток на этих территориях. Ответственный за полонизацию края Станислав Грабский отметил недопустимо большое количество немцев и изложил программу правительства на будущее просто и ясно: «Польская страна исключительно для поляков»[415]. Варшава претендовала и на отторгнутый от Германии по условиям Версаля Данциг. Эти претензии поддерживала Франция, но Ве-

ликобритания категорически воспротивилась подобной схеме[416]. Немецкое население города и войска отбили в 1919 году попытки поляков решить этот вопрос силой, затем в город были введены войска Антанты[417]. В Данциге разместилась ставка британского командования на польско-немецких территориях[418].

В результате по условиям Версальского мира Данциг был отторгнут от Германии в пользу союзников, которые обязались устроить тут вольный город. В промежуток он должен был управляться особым верховным комиссаром, назначаемым победителями, который и должен был решать все проблемы в отношениях города с Польшей (Часть III. Отдел XI, Вольный город Данциг, Ст. 100–108)[419]. Перед 1914 годом 96 % его населения составляли немцы. Данциг был одним из центров германского судостроения – здесь на верфи «Шихау» стоили подводные лодки и линейные корабли. Пригород Данцига – Цоппот (совр. Сопот) с немецким населением – был передан Польше[420]. Горожане понимали неизбежность навязанного им силой статуса, но он был несравненно лучше перспективы оказаться под властью Польши – единодушие в неприятии этой угрозы было общим. Единственным выходом из положения было сотрудничество с представителями победителей, а затем и с Лигой Наций[421].

Два батальона союзников подчинялись первому верховному комиссару Лиги Наций сэру Реджинальду Тауеру[422].

Он прибыл в Данциг из Парагвая, где представлял интересы британской короны. В 1903–1906 гг. сэр Реджинальд был министром-резидентом при баварском и вюртембергском Дворах, что, очевидно, определило его назначение в этот немецкий город. С февраля по ноябрь 1920 г. именно этот дипломат стал вершителем судеб Данцига. Положение было тяжелым – немцы не хотели уступать полякам ни в чем, а те пытались развить свои экономические права в политические[423]. В мае 1920 г. послы Антанты в Варшаве приняли решение – в городе не будет польских военных объектов[424].

Жители Данцига с самого начала с надеждой смотрели на Берлин. Тем временем президент Германии Фридрих Эберт 20 июля 1920 года заявил о нейтралитете своей страны в советско-польской войне[425]. Между тем дважды – в июле 1919 и в августе 1920 года – поляки предпринимали попытки вооруженным путем отторгнуть у Германии промышленно развитую провинцию Верхняя Силезия. Были претензии и в отношении Восточной Пруссии, но здесь Варшава вынуждена была согласиться на плебисцит. В августе 1920 г. он был проведен в спорных районах. За присоединение к Польше проголосовало 15 тыс. чел., против – 447 тыс. чел[426]. Причина была простой. Каунасская газета «Литовское эхо» не без ехидства прокомментировала причину поражения Варшавы: «Стало уже трюизмом повторять, что всякая польская политика последних лет – политика отчаянного насилия»[427]. Это-

му насилию и сопротивлялось местное население. У немцев не было армии, бои в Силезии вело местное ополчение, но в основном это были ветераны войны, сумевшие отразить нашествие интервентов[428].

Союзники заметили происходившее и в июне 1920 г. категорически потребовали от Берлина продолжить разоружение – в особенности это касалось иррегулярных частей, то есть тех самых ополчений[429]. С другой стороны, в условиях кризиса на советском фронте Варшава не смогла серьезно поддержать свою вооруженную авантюру на западе. В Силезию были введены итальянские и английские войска. Они в целом занимали довольно беспристрастную позицию, что, естественно, не нравилось Варшаве[430]. Но все же главным для Пилсудского был вопрос о землях на востоке. Следует отметить, что Лондон не всегда поддерживал польские территориальные увлечения[431]. Поражения на Украине и в Белоруссии вызвали шок в Варшаве. Премьер-министр Владислав Грабский и министр иностранных дел Станислав Патек отправились во Францию, где на курорте в Спа 5-16 июля работала конференция Антанты[432]. Польская делегация сразу же заявила о «большевистском вторжении»[433]. Она настаивала на военном вмешательстве в конфликт, развязанный их страной[434].

Пилсудский слал письма, в которых сообщал о том, что

считает ситуацию безнадежной[435]. В результате побед Красной Армии произошло чудесное прозрение польской дипломатии и изменение ранее твердой польской позиции. 9 июля Грабский заявил: «Польша понимает, что она сама виновата, оказавшись в таком положении, и что она должна изменить свою политику как в отношении своих соседей, так и союзных держав. Она признает необходимым предоставить решение вопроса о её жизненных интересах, даже вопроса о её собственных границах. До сих пор, хотя ей давали совет поступить подобным образом, она полагалась на свою собственную военную силу. Польша была увлечена с правильного пути сильными людьми, имевшими широкие планы, однако планы эти не соответствовали ни здравому смыслу, ни чувству патриотизма огромного большинства народа. Ни Киев, ни граница 1772 года не являются национальными целями»[436].

Внезапно проявившееся миролюбие и здравомыслие Варшавы были направлены по верному адресу. Дэвид Ллойд Джордж и Джордж Керзон с трудом терпели Грабского, его претензии и раскаяние их раздражали, тем более что в Англии разворачивалось рабочее движение в поддержку Советов, а лозунг «Руки прочь от России!» стал появляться даже в газетах консервативного толка. В этой обстановке и появилась идея выступления главы Форин-офис с предложением перемирия и разграничения, причем по линии, которая ка-

тегорически не устраивала поляков[437]. Впрочем, уступка все же была необходима. Даже демонстрация уступки усиливала внутриполитическое положение правительств Великобритании и Франции. С другой стороны, провалившаяся военная авантюра не должна была привести к провалу антисоветской Польши. «Участь правительства господина Пилсудского, – писал в это время Мархлевский, – всецело зависит от милости держав Согласия, властное слово которых должно определить очертания границ Польского государства. Купить эту милость можно было лишь одной ценой: борьбой против социалистической России»[438].

11 июля лорд Джордж Керзон предложил провести конференцию в Лондоне на условиях заключения перемирия и отвода войск с линии возможного разграничения между РСФСР и Польшей. Она получила название «линии Керзона» и была близка к границе бывшего Царства Польского с Российской империей. В целом это был редкий случай, когда предлагаемая линия государственной границы совпадала с границей этнографической. В Восточной Галиции войска должны были остаться на занимаемых позициях. Кроме того, Керзон предлагал Москве немедленно заключить перемирие и с Врангелем, войска который обязался вывести свои войска в Крым, а Перекопский перешеек объявлялся при этом нейтральной зоной. Планировалось, что представители правительства генерала примут участие в конференции в Лондоне. Туда также предлагалось пригласить делега-

ции Финляндии, Эстонии, Польши и Литвы. В случае отказа принять требования ноты Великобритания и её союзники «…сочтут себя обязанными помочь польской нации защищать свое существование всеми средствами, имеющимися в их распоряжении»[439].

Глава НКИД Г.В. Чичерин предлагал принять предложения за основу, выйти на «линию Керзона» и начать переговоры с Варшавой, проводя их параллельно с Хельсинки, Ригой и Каунасом, но, естественно, не признавая правительства белого Крыма. Л.Б. Каменев возражал, и в конечном итоге Ленин прислушался к нему[440]. Он считал, что международная обстановка настоятельно требует «*бешеного* (выделено авт. – А.О.) ускорения наступления на Польшу», что глава Совнаркома и ожидал от Западного[441] и от Юго-Западного фронтов. Судя по всему, Ленин не доверял главе британского правительства, а предложения Ллойд Джорджа он охарактеризовал как «сплошное жульничество ради аннексии Крыма, которая нагло выдвигается в ноте»[442]. 17 июля в ответной ноте Советское правительство не приняло предложения Лондона.

Чичерин подтвердил желание РСФСР жить в мире и напомнил Лондону, что именно Великобритания развязала интервенцию против Советской России и именно Польша начала неспровоцированную войну с ней, и что ни на этапе подготовки агрессии, ни на этапе, когда разворачивалось успеш-

ное наступление поляков, Лондон не вмешивался, что делает сомнительными его претензии на роль посредника в конфликте. Наркоминдел не ограничился критикой, а предложил следующую программу: Москва предпочитает прямые переговоры, которым должно предшествовать обращение правительства Польской республики; что касается трех прибалтийских стран и Литвы (в 1920-1930-е гг. к Прибалтике традиционно относились Латвия, Эстония и Финляндия), то с последней Москва уже заключила мирный договор 12 июля, а с остальными успешно ведутся соответствующие переговоры. В отношении Врангеля и попыток превратить Крым в освященное международным правом убежище для белогвардейцев нота Чичерина не оставляла ни малейших сомнений – данное предложение отвергалось. Это был полный отказ принять условия Антанты. Более того, нота содержала довольно прозрачный намек на возможность создания в Польше новой власти, что, по мнению наркома, стало бы залогом истинно мирных отношений этого государства с РСФСР[443].

19 июля было создано Польское бюро ЦК РКП (б) во главе с Ф.Э. Дзержинским, которое должно было курировать вопросы польского направления[444]. 20 июля Керзон сообщил по радио в Москву, что не настаивает на посредничестве и что Польша и РСФСР могут самостоятельно вступить в переговоры, но если просьбы Варшавы о мире будут проигнори-

рованы, то союзники окажут Польше поддержку[445]. 22 июля МИД этой страны направил телеграмму с просьбой о немедленном перемирии и начале переговоров. 23 июля Чичерин известил нового министра иностранных дел Польши Евстафия Сапегу о том, что Советское правительство дало распоряжение командованию Красной Армии немедленно вступить в переговоры[446]. До 30 июля поляки должны были прислать своих представителей. Встреча должна была состояться на шоссе Барановичи-Брест-Литовский 30 июля[447].

Наступавшие Западный и Юго-Западный фронты должны были соединиться в районе Бреста, взяв наиболее сильную группировку противника в гигантские клещи в районе Полесья. Этот план поддержал и член РВС Юго-Западного фронта И.В. Сталин. Главнокомандующий Вооруженными силами РСФСР С.С. Каменев выступил против ускоренных темпов наступления, но командующий Западным фронтом М.Н. Тухачевский отстоял их[448]. Советское командование приняло ошибочное решение об изменении наступления двух своих фронтов – Западного и Северо-Западного[449]. 22 июля Главком отдал распоряжение Тухачевскому продолжить наступление и не позже 12 августа выйти на линию Вислы, овладев Варшавой[450]. 24 июля Юго-Западный фронт получил приказ наступать на Львов[451]. Два советских фронта теперь двигались не по сходящимся направлениям к польской столице.

Антанта не могла допустить советизации Польши. Под такой же угрозой в этом случае оказалась бы Германия и, следовательно, вся Версальская система. США, Франция и Великобритания оказали огромную помощь Польше. Наиболее полонофильской была Франция. Её связывали с Варшавой и расчеты – чем больше будет новая Польша, тем увереннее она заменит Россию на восточных границах Германии, – и исторические и культурные связи[452]. Впрочем, часто и личные. 21 июля было принято решение направить в Варшаву союзную миссию. Её возглавил французский бригадный генерал Максим Вейган[453]. Он был талантливым офицером Генерального штаба, убежденным антикоммунистом, а его супруга Мари-Рени де Форзанц, наполовину полячка, сумела воспитать в супруге убежденного сторонника Польши[454].

25 июля миссия Вейгана прибыла в Варшаву. К этому моменту здесь уже работала французская миссия генерала Поля Анри. В нее входило около 400 офицеров (одним из них был капитан Шарль де Голль)[455]. Всего в польской армии с лета 1920 г. служило 9 французских генералов, 29 полковников, 196 капитанов, 425 лейтенантов, 2120 солдат[456]. Французы сделали очень много для того, чтобы поднять уровень боеспособности польской армии[457]. 26 июля начальник Генерального штаба генерал Тадеуш Розвадовский предложил организовать фланговый удар по основным силам Северо-Западного фронта, пытавшимся окружить польскую сто-

лицу. Поначалу Вейган предлагал отход вглубь страны с целью накопления сил[458]. Генерал исходил из опыта французов на Марне в 1914 г. Он фактически возглавил штаб Пилсудского и считал необходимым создать прочный фронт, прикрываясь которым можно было бы создать и накопить на флангах наступающей на Варшаву Красной Армии значительные резервы для контрудара. Ради этого Вейган был готов пойти и на территориальную уступки Галиции, где наступал Юго-Западный фронт. Речь шла даже о Львове и Дрогобыче, где располагались единственные в Польше нефтяные источники. Это было правильное, но весьма тяжелое для Пилсудского решение[459].

На Западе Москва могла рассчитывать только на поддержку рабочего движения. Уже в мае забастовки лондонских докеров стали серьезным препятствием для поставок оружия в Польшу[460]. Всеобщая забастовка железнодорожников во Франции, которую поддержали рабочие портов, привела к тому, что в течение месяца стало невозможным отправлять военные грузы в Польшу[461]. 21 июля II Конгресс Коминтерна призвал рабочих сделать все возможное, чтобы сорвать военные поставки в Польшу. В Англии под лозунгом «Руки прочь от Советской России!» начал работать «Совет действия»[462]. В Данциге антипольские настроения совпали с движением пролетарской солидарности. 21 июля докеры порта отказались разгружать военные грузы для Польши с

греческого парохода, 24 июля – с голландского[463]. Выгрузку произвели французские солдаты. Вскоре пришли еще три французских транспорта, и британский комиссар города заявил, что не ручается за последствия ввиду настроений рабочих[464].

На этом этапе головокружение от успехов началось в Москве. Здесь надеялись на советизацию Польши и выход в Германию. Еще в первые дни наступления Сталин предупреждал, что противник еще силен и было бы ошибкой считать его разбитым[465]. «Нет сомнения, – говорил он, – что впереди еще будут бои и бои жестокие. Поэтому я считаю неуместным то бахвальство и вредное для дела самодовольство, которое оказалось у некоторых товарищей: одни из них не довольствуются успехами на фронте и кричат о «марше на Варшаву», другие, не довольствуясь обороной нашей Республики от вражеского нападения, горделиво заявляют, что они могут помириться лишь на «красной советской Варшаве»[466]. Сталин был прав. РСФСР и Красная Армия не были готовы к походу в Европу или к битве за Варшаву. Не удалось вовремя взять Львов: поставленная на 29 июля задача по овладению городом не была выполнена; срок взятия города был перенесен на 30 июля[467] – результаты были те же. 2 августа 1-я Конная армия вновь получила приказ двигаться на Львов, отражая контрудары поляков[468]. К этому времени её части находились в 10 километрах от города. Каза-

лось, достаточно еще одного усилия – и Львов будет взят. Но армию вывели из боя[469].

При наступлении на Варшаву сказались отсутствие подготовки тылов и проблемы разоренных войной коммуникаций Западного фронта. Часть войск, переброшенных с других направлений, вступила в Белоруссии и Литве в бои без обозов. Снабжение было столь плохим, что начальник 27-й стрелковой дивизии В.К. Путна начал готовить перевооружение своей дивизии трофейными винтовками Маузера, благо и их, и патронов к ним хватало[470]. В Белоруссии войска Западного фронта получили мощную поддержку населения. Это привело командование к неверным прогнозам. «Положение в Польше, – вспоминал Тухачевский, – также рисовалось в благоприятном свете»[471]. После взятия Вильно войска вступили на территории с преимущественным польским населением, что сразу же почувствовали конники Гая, шедшие в авангарде наступления. Шляхта угоняла скот, крестьянство находилось под влиянием дворянства и католической церкви, комкор-3 вспоминал – «враждебное отношение к нам чувствовалось очень сильно»[472]. Необходимо было что-то делать.

23 июля 1920 года на заседании Политбюро было принято решение «об организации Временного революционного комитета в Польше»[473]. Еще ранее, в 1919 году, в Москве было создано Польское бюро ЦК РКП (б), которое централизован-

но занималось пропагандой среди польской армии, для этого в части Красной Армии было направлено около 7 700 польских коммунистов[474]. 28 июля был взят Белосток. 30 июля здесь на многочисленном митинге было провозглашено создание Польского Временного Революционного комитета во главе с Юлианом Мархлевским. В его первом коммюнике определялась задача комитета – заложить основы «будущего строя Польской Социалистической Республики Советов»[475]. Фактически формировалось новое правительство, в составе которого были созданы отделы промышленности, сельского хозяйства, пропаганды и агитации, юстиции и чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией. Комитет приступил к созданию органов новой власти на местах[476]. В тылу Западного фронта под Минском началась работа по организации дивизии польской Красной армии. Её намеревались комплектовать из пленных и добровольцев. Работа шла с трудом[477]. «Было ошибкой, – вспоминал через год Мархлевский, – что этот комитет возник слишком поздно, но это объясняется тем, что военные события развивались с молниеносной быстротой»[478].

1 августа Польревком обратился к польским солдатам с призывом к созданию Советов во имя будущего: «Гибнет Польша панов, но возникает новая великая Польша, Польша трудового народа, Польша воистину самостоятельная, независимая ни от царей, ни от кайзеров, ни от капитала Ан-

танты, социалистическая Польша рабочих, крестьянских и солдатских депутатов»[479]. Ленин придавал исключительно важное значение созданию этого органа и призывал сделать все возможное для распространения этого манифеста Польревкома[480]. Поначалу Комитет совершил весьма серьезную ошибку – в его работе наметился перекос в сторону сотрудничества с евреями[481]. Белосток был городом с преимущественно еврейским населением, в первых приказах Комитета использовались преимущественно русский язык и идиш, что оттолкнуло польских рабочих[482]. Эта ошибка была вскоре исправлена, Польревком был укреплен группой польских коммунистов, которые развернули широкую работу среди польского населения, что привело к постепенному изменению отношения поляков.

Огромное внимание с самого начала уделялось образованию и медицине[483]. 5 августа Белостокский Комитет призвал рабочих Варшавы взять власть в свои руки[484]. 10 августа он принял декрет о национализации промышленности и конфискации помещичьих, церковных, монастырских земель – отчуждению подлежали и участки, превышающие 20 гектаров. РСФСР и УССР оказали Польревкому помощь деньгами и зерном[485]. Если в городе успехи были достигнуты, то реквизиции, которые проводила армия, не были популярны у крестьянства – внешне оно оставалось пассивным, ней-

тральным[486], аграрная политика комитета не встретила поддержки[487]. И тем не менее работа с польским населением – раздача земли, хлеба, разъяснение политики коммунистов – была достаточно заметной. По свидетельству побывавшего в этих районах Пилсудского, усилия политотделов и поведение красноармейцев – все это не осталось без нежелательного для Варшавы следа[488].

Британская дипломатия с 29 июля по 4 августа постоянно повышала рамку требований к Москве, угрожая силой в случае невыполнения требования остановить наступление Красной армии. Почувствовав поддержку, польская делегация, явившись на переговоры в Барановичи 1 августа, сорвала их и вернулась в Варшаву[489]. Командир 9-й пехотной дивизии генерал Владислав Сикорский 30 июня обещал Пилсудскому продержаться в Бресте не менее 10 дней[490]. 1 августа город был оставлен[491], в тот же день была провозглашена независимость Советской Белоруссии. Законы, принятые польскими оккупантами, объявлялись утратившими силу, новое государство вступало в тесный союз с остальными советскими республиками[492]. 7 августа польское правительство телеграммой известило Москву о готовности приступить к переговорам о перемирии[493]. Обстановка оставалась крайне напряженной, и советское руководство ожидало начала враждебных действий англо-французского флота в бли-

жайшее время, начиная с 8 августа. Был отдан приказ немедленно приготовиться к отражению такого нападения[494].

Успехи Красной Армии в Белоруссии привели к изменению позиций латвийской дипломатии. Она поторопилась завершить переговоры о мире. Он был подписан в Риге 11 августа 1920 года[495]. 13 августа было подписано соглашение о перемирии с Финляндией, первоначально на 31 день с автоматическим пролонгированием по умолчанию[496]. Немедленно вслед за этим началось траление Финского залива. О масштабах работы можно судить по тому, что первое торговое судно после августа 1914 года в навигацию 1920 года прибыло в Петроград 11 ноября. Это был германский пароход Regina, который доставил на Родину около 800 русских пленных. Уже 25 декабря навигация была закрыта в связи с наступлением холодов[497].

По-прежнему сложным оставалось положение дел на крымском направлении. 2 августа Юго-Западный фронт был разделен на Юго-Западный и Южный, который должен был действовать против Врангеля. Опасность была признана столь высокой, что в ЦК возникло стремление заключить мир с Польшей для ликвидации последнего в европейской части России очага Гражданской войны[498]. Сталин возражал против такого решения, но Ленин счел необходимым во всяком случае поддержать это разделение ввиду опасности со стороны Врангеля[499]. 6 августа на укрепление нового фрон-

та были переброшены две бригады с Западного и одна дивизия с Карельского фронтов[500]. 11 августа 2-я Конная армия вступила в бой с врангелевцами[501].

10 августа Командзап Тухачевский отдал приказ о форсировании Вислы 14–15 августа. Он завершался словами «Политическая обстановка требует немедленного и полного разгрома живой силы противника»[502]. Но время уже работало против Красной армии. В конце июля положение польской армии было очень тяжелым, её потери велики. К 25 июля она потеряла около 30 тыс. убитыми и 200 тыс. заболевшими и ранеными. В строю находилось около 172 тыс. чел. Польское правительство, политические партии, католическая церковь сделали все возможное для мобилизации своих сил против Советской России. Польская пропаганда сравнивала наступление Тухачевского с походом И.Ф. Паскевича на Варшаву в 1831 году. Национальный подъем был очевиден. Было призвано 140 тыс. чел., армию усилили и 80 тыс. добровольцев[503]. В результате мобилизационных усилий Пилсудскому удалось восстановить боеспособность своей армии и сосредоточиться на левом берегу Вислы. Разобщенность движения советских фронтов также объективно работала на противника. 6 августа был отдан приказ о перегруппировке оборонявшихся. Она должна была закончиться через 10 дней[504].

В начале августа операция по взятию Варшавы достигла критического уровня. Польская столица была в полукольце,

но оно не было прочным. Фронт был растянут, части понесли большие потери и ослабели, тылы отстали[505]. Не было систематического подвоза продовольствия, фуража, боеприпасов, подкреплений. Обеспечить питание войск за счет местного снабжения было невозможно. Обувь и обмундирование у бойцов, которые делали длительные переходы, износились. В корпусе Гая, шедшем на острие наступления, полки сократились до 200 сабель. Армии фронта сократились до размеров дивизий[506]. 14 августа Председатель Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкий подписал приказ о наступлении на польскую столицу, который заканчивался призывом: «Сейчас, как и в первый день войны, мы хотим мира. Но именно для этого нам необходимо отучить правительство польских банкротов играть с нами в прятки. Красные войска, вперед! Герои, на Варшаву!»[507] В этот день в армиях Западного фронта самая крупная стрелковая дивизия насчитывала в строю 1,5 тыс., самая маленькая – 700 штыков[508].

Очень тяжелые бои шли на Юго-Западном фронте, который приближался к Львову. Общие проблемы здесь были такими же, что и под Варшавой. 1-я Конная армия понесла значительные потери. Не хватало продовольствия, фуража, горючего для бронемашин, люди и кони выбивались из сил, поддерживая темп движения артиллерии и обозов[509]. Бригады армии сократились до 500 сабель. Сопротивление поляков резко возросло[510]. В этот момент возникла идея пе-

ренаправить силы армии на помощь Западному фронту. 12 августа командование Юго-Западным фронтом предложило Главкому начать вывод 1-й Конной в резерв, для парирования возможного выступления Румынии на стороне Польши[511]. Сделать это быстро было невозможно, как нельзя было быстро и вывести армию из боя[512]. Тем не менее 13 августа последовало решение о переподчинении 1-й Конной Командзапу[513]. Член РВС фронта Сталин отказался подписать приказ армиям на развитие этой директивы на основании её полной несвоевременности. По мнению Сталина, директива или опоздала на три дня, так как армия из резерва фронта тогда была вновь введена в бой, или была преждевременной, до взятия Львова[514]. Сталин действовал в рамках своих полномочий и был абсолютно прав.

Армии Тухачевского достигли пика своего успеха, и 1-я Конная уже не могла бы успеть помочь им. 14–15 августа последние попытки атаковать под Варшавой отбивались противником огнем многочисленной артиллерии, бронепоездов и бронеавтомобилей[515]. 15 августа поляки нанесли мощный фланговый контрудар по Западному фронту[516]. Концентрация артиллерии и плотность огня приблизились к уровню Мировой войны[517]. При наступлении противник не жалел патронов и снарядов, советская артиллерия, оторвавшаяся от тылов, вынуждена была молчать[518]. Началось то, что по-

ляки называли «чудом на Висле»[519]. Вовремя и правильно оценить масштабы случившегося не удалось. Ленин опять и в категорической форме требовал взятия Варшавы и призывал Главное командование «не хныкать» и не требовать ускорения перемирия, а придумать «контрход»[520].

15 августа Главком отдал распоряжение вывести из-под Львова 1-ю Конную армию и передать её в распоряжение командующего Западным фронтом[521]. По приказу Тухачевского 12-я армия принимала фронт войск Буденного, которые, в свою очередь, за 4 дня должны были перейти в район Владимира-Волынского и сосредоточиться там для флангового удара по варшавской группировке[522]. Это было тем более сомнительное решение, что в ночь с 16 на 17 августа Юго-Западный фронт получил задачу по овладению Львовом[523]. 19 августа его передовые части были уже 6 километрах от города[524]. 16 августа штаб Западного фронта еще надеялся контрударами восстановить положение на левом берегу Вислы под Варшавой[525]. В этот момент особое значение приобрела слабость Красной Армии в области связи. Быстрое наступление – и особенно кавалерии – сделало радио единственным способом оперативной связи корпуса Гая и армии Буденного со штабами фронтов. Недостаточное количество шифровальщиков и требование оперативной подачи материала приводили к тому, что приказы и отчеты передавались открытым текстом. Польская радиоразведка регулярно пе-

рехватывала эти радиограммы, что облегчало планирование действий штаба Пилсудского[526].

Тем временем в Минске 17 августа начались переговоры. Стороны рассмотрели возможности условий будущего мира[527]. Советская делегация внесла свои предложения – РСФСР и УССР признавали независимость Польши, право польского народа выбрать форму правления (Ст. 1), отказывались от контрибуции (Ст. 2), в качестве границы принималась «линия Керзона» с небольшими отступлениями в пользу Польши в районе Белостока и Холма (Ст. 3), Польша брала обязательства ограничить армию численностью в 50 тыс. чел., которую предполагалось усилить рабочей и гражданской милицией (Ст. 4), сразу же после подписания прелиминарий Варшава должна была приступить к демобилизации (Ст. 5), выдать лишнее оружие и боеприпасы советской стороне (Ст. 6), прекратить производство вооружения на своей территории (Ст. 7) и т. п[528].

Последним успехом Западного фронта был выход 18 августа красной кавалерии в Данцигский коридор. Это позволило перерезать на время кратчайший путь военных поставок из Европы[529]. Впрочем, это уже не имело значения. Очень скоро выяснилось, что маятник военной удачи качнулся в другую сторону и Варшава больше не нуждается в подобного рода переговорах. К 17 августа сражение под Варшавой было уже выиграно поляками[530]. В этот момент Ленин, очевид-

но, понимая, что советизация Польши провалилась, требовал держаться для другой цели. «Издайте, если считаете полезным, приказ войскам о том, – телеграфировал он 18 августа члену РВС Западного фронта И.Т. Смилге, – что удесятерив усилия теперь, они обеспечат России выгодные условия мира на много лет»[531]. Сделать этого не удалось. Комфронта Тухачевский не справился с управлением войсками, последовала катастрофа. Территории с польским населением пришлось оставить. 19 августа Польревком покинул Белосток и переехал в Минск[532].

14 августа врангелевцы высадили десант на Кубани, надеясь поднять здесь восстание[533]. Командование Русской армии рассчитывало в случае успеха отрезать РСФСР от границы с Грузией и поставить под контроль нефтеносные районы Кавказа. Это могло вновь привлечь внимание Лондона к «белому делу» и укрепить положение правительства в Крыму[534]. Кубань не была окончательно поставлена под контроль Советской власти, остатки армии Деникина продолжали сопротивление, их численность оценивалась советским командованием от 7 до 10 тыс. чел. Бои на Кубани затянулись[535]. Отношение к этим событиям было самым серьезным. В условиях развернувшегося кризиса на Западном фронте 19 августа Политбюро ЦК РКП (б) приняло решение признать главным Врангелевский фронт[536].

7 августа на Днепре Красная Армия заняла территорию в

районе Каховки – это была территория площадью свыше 200 кв. км и 10–16 км в ширину. Она немедленно начала укрепляться. Было создано три линии обороны, последняя проходила непосредственно у местечка Каховка, которое внезапно приобрело стратегическое значение. Таким образом был создан плацдарм, без ликвидации которого врангелевская армия не могла рисковать дальнейшим развитием наступления в районе Днепра[537]. Красная Армия не ушла в пассивную оборону. 9 августа 2-я Конная армия прорвала фронт Врангеля и ушла в рейд по его тылам на плацдарме в северной Таврии. 1 сентября конники Городовикова вошли в связь со своими войсками[538]. На Кубань и в Таврию были направлены значительные резервы. 9 сентября Врангель вынужден был эвакуировать свой десант в Крым[539]. В тот же день Ленин известил Орджоникидзе: «Быстрейшая и полная ликвидация всех банд и остатков белогвардейщины на Кавказе и Кубани – дело абсолютной общегосударственной важности» [540]. К 10 сентября зачистка региона от отрядов деникинцев и мелких банд была в целом завершена, хотя сопротивление еще продолжалось, оно уже не могло принять угрожающие для новой власти размеры[541].

19 августа 1-я Конная армия получила приказ о выводе своих частей из-под Львова. Переход был затруднен начавшимися дождями, резко испортившими и без того разбитые дороги. В решающие дни сражения в центральной Польше 1-

я Конная армия провела на марше, будучи уже выведенной из боев под Львовом и не имея еще возможности повлиять на положение у Варшавы. Только 25 августа она была брошена в рейд на Замостье. Господство польской авиации в воздухе сделало это сосредоточение очевидным, противник имел возможность подготовиться к рейду и отразить его. Люди и конский состав были утомлены длительными переходами и бесконечными боями. Полесье с его болотами, лесами и раскисшими от дождей дорогами было не лучшим районом для действий кавалерии. К 29 августа стало ясно, что набег не удался[542].

Часть Западного фронта была прижата к границам Восточной Пруссии и интернирована. 26 августа остатки героического корпуса Гая, совершив пять прорывов, уничтожив рацию и штабные документы, ушли на немецкую территорию. Они вели с собой 2 тыс. польских пленных и 11 трофейных орудий[543]. Другая часть войск Тухачевского отошла с боями в Белоруссию. Командзап утратил управление армиями при отходе. К 25–28 августа поляки снова взяли Гродно, Белосток, Лиду[544]. Над 1-й Конной также нависла угроза окружения, но 1 сентября Буденный начал прорыв. Он оказался успешным[545]. К 6 сентября армия установила контакт со своими во Владимире-Волынском[546].

В результате поражения под Варшавой было утеряно 200 орудий и около 1 тыс. пулеметов, в плен попало до

70 тыс. чел., в Восточной Пруссии было интернировано около 80 тыс. чел[547]. Всего в ходе боев 1919–1920 годов в плен к полякам попало не менее 157 тыс. чел. (это были не только красноармейцы, но и войска Западно-Украинской Народной республики и т. п.), в том числе во время Варшавской битвы до 50 тыс. чел. В РСФСР вернулось 75 699 чел. Польский плен с самого начала могли пережить далеко не все. Поляки широко практиковали расстрелы красноармейцев, но в первую очередь убивали командиров, комиссаров и евреев. Те, кому повезло добраться до лагерей, попадали в настоящие застенки. Отсутствие медицины, адекватного снабжения и, наконец, тиф – все это привело к высокому уровню смертности. Учета умерших и расстрелянных не велось. Численность погибших только от болезней определяется условно – от 25 до 28 тыс. чел[548]. Одним из способов уничтожения зимой 1920–1921 гг. ослабевших пленных была баня – их раздевали на морозе и заставляли ждать очереди на помывку, а затем на переодевание. Смертность после таких экзекуций резко увеличивалась[549]. Общая численность казненных, замученных и умерших оценивается некоторыми историками до 60 тыс. чел[550].

Вслед за поражением соседа вынужден был отойти и Юго-Западный фронт. Вместе с поляками вновь активизировались петлюровцы. 6 сентября Петлюра встретился с Пилсудским в Станиславове (совр. Ивано-Франковск), где пан «го-

ловной атаман» предложил пану «начальнику государства» осуществить новый поход на Киев. Тот не согласился повторять такой опыт, но предложил Петлюре добиться самостоятельного успеха в Подолье. В случае успеха, взятия нескольких крупных городов – например Винницы, Пилсудский обещал поддержку. 16 сентября петлюровцы заняли Проскуров (совр. Хмельницкий) и Каменец-Подольский. Казалось, у УНР вновь возникает своя территория[551]. 8-12 октября польский кавалерийский корпус в составе двух дивизий прошелся рейдом по тылам фронта. 9-10 октября поляки взяли станцию Коростень Житомирской губернии и вывели из строя на несколько дней железнодорожное сообщение, питавшее фронт[552]. Инициатива полностью принадлежала им.

Это был результат того, что, как отмечал В.К. Триандафилов, «наступление не было соразмерно с наличными ресурсами и с нашей экономикой вообще»[553]. Западный фронт продолжал отступление, стремясь оторваться от противника. В октябре от Немана до Бреста при отходе части делали по 40–60 верст в сутки, без соприкосновения с противником. Армии фактически вернулись на те позиции, с которых они начали наступление. «Моральный «эффект», о котором так много говорилось в газетах, – вспоминал начальник штаба 3-й армии Н.В. Лисовский, – конечно, мы произвели, но заплатили за него очень дорого. Может быть, этот эффект был очень силен в Европе. Но на нас, непосредственных участ-

ников кампании, возвращение к разбитому корыту произвело тягостное впечатление»[554].

Состояние Западного фронта действительно было самым печальным. «Грандиозное здание смело построенной операции, – вспоминал в 1923 году командующий 4-й армии фронта Е.Н. Сергеев, – лежит в развалинах; из мощной массы армий Западного фронта остались только глубокие тылы и тонкая ниточка фронта, едва справлявшаяся с ролью сторожевого охранения»[555]. 12 октября был подписан договор о перемирии и предварительных условиях мира между Украиной, Россией и Польшей сроком на 21 день. Стороны имели право отказаться от него с предупреждением за 48 часов до разрыва[556]. Успехи в борьбе с советскими войсками дали Варшаве возможность сосредоточиться на других вопросах. Одним из самых желанных трофеев для Пилсудского был Виленский край.

9 октября 1920 г. генерал Люциан Желиговский захватил столицу Литвы Вильно. Формально он действовал по собственной инициативе, и даже был объявлен «начальником государства» мятежником[557]. Особого сопротивления корпус Желиговского не встретил, несмотря на призывы литовских властей остановить с оружием в руках польское нашествие на столицу. 12 октября Желиговский провозгласил создание «Срединной Литвы». Лига Наций была возмущена этим актом насилия и потребовала немедленно освободить

занятые территории, иначе 26 октября она соберется на экстренное собрание. Желиговский остался, собрание было собрано[558].

Схожие приемы попытались использовать и на других направлениях. Собственных сил на это не хватало. После подписания перемирия поляки предоставили возможность белогвардейским и петлюровским отрядам продолжать нападения на советскую территорию из-за линии разграничения. Для этого была развернута работа среди пленных красноармейцев. Из них пытались создать армию, которая должна была бы стать резервом других антисоветских отрядов. В Варшаве был сформирован Русский политический комитет во главе с Б.В. Савинковым[559]. Во время советско-польской войны тот полностью поддержал Польшу, его не любили белогвардейские офицеры, абсолютное большинство которых категорически не желало служить полякам и предпочитало уезжать в Крым к Врангелю. Впрочем, были и такие, которые предлагали польским военным различные планы сотрудничества[560]. На этом фоне Савинков был явно предпочтительнее для Пилсудского, хотя пан «начальник государства» как бывший революционер не доверял и ему. Маршал предпочитал переговоры на личных встречах и воздерживался от переписки и письменных соглашений[561].

Поддержка со стороны Польши была оказана. В результате началось формирование русской Народной Доброволь-

ческой армии. «Будет новая «Третья» Россия, Россия демократическая, крестьянская, свободная, никого не насилующая и живущая в дружбе с народами, – обещал его штаб. – Борцом за эту «Третью» Россию является Б.В. Савинков»[562]. Выстроить светлое несоветское будущее страны, по убеждению этого политика, разумеется, должно было крестьянство, которое объединится не для реставрации старых порядков, а для строительства нового строя, основанного «на началах равенства и свободы»[563]. Именно крестьянство, по его убеждению, выступив за свои права, обеспечит спасение России от власти большевиков[564].

Савинков обещал благодарность покровителям: «Мы никогда не забудем, что на польском фронте совместно с польскими войсками сражались русские войска ген. Булак-Балаховича, снабженные Польшей, поддержанные поляками»[565]. По заявлению нового кандидата в спасители России от власти большевиков, в составе его Народной армии к осени 1921 г. было три пехотные и одна кавалерийская дивизия. Главной ударной силой была 1-я пехотная дивизия, созданная на основе отрядов польского генерала Станислава Булак-Балаховича. Савинков не чаял в нем души и называл настоящим революционером и прекрасным солдатом, особо отмечая и то, что он боролся с погромами. Его бойцы, по словам бывшего бомбиста, были глубоко проникнуты идеей «третьей России», т. е. выступали «против старого строя и

против коммуны»[566].

Булак-Балахович был природным авантюристом, пользовавшимся значительным авторитетом на части территории Белоруссии. Его банда формировалась в Люблине. В ходе войны 1920 г. она отметилась дикими грабежами и еврейскими погромами[567]. Центром антисемитизма традиционно была Украина – за 1919–1920 гг. здесь произошло около 2 тыс. погромов, в Белоруссии их история была в основном связана с Булак-Балаховичем[568]. Сам он называл себя белорусом, так же как его коллега Желиговский называл себя литвином. Генерал был популярен среди части белорусского крестьянства: он предпочитал не реквизировать подводы, лошадей и хлеб, как это делали проходящие одна за другой армии, а расплачиваться за это вещами и деньгами, отнятыми во время погромов у евреев. Подобный подход имел успех – крестьяне даже называли Балаховича «Батькой», но Савинков требовал прекратить погромную практику[569]. При встрече с ним генерал стал излагать планы нанесения удара из Пинских болот (Пинск по условиям перемирия, а затем и мира оставался за Польшей) по Москве. Предполагалось создание белорусского государства, Балахович планировал объявить себя его начальником[570]. «Батька, – вспоминал брат Савинкова, присутствовавший на этих встречах, – был прирожденный актер и враль»[571].

Казачья бригада есаула В.С. Яковлева и отряд генерала

Б.С. Пермикина должны были вместе с петлюровцами нанести удар через Украину на соединение с Врангелем. С ним было заключено соглашение, по условиям которого эти русские части соединялись в 3-ю Добровольческую армию. Их сотрудничество с командованием украинской армии начиналось не без анекдотической символики. Переговоры стартовали в местечке Сахарный Завод, на столе переговоров находился огромный торт с шоколадным трезубцем. Проблему поначалу вызвало финансирование. Польское казначейство через Савинкова передавало для расплат на контролируемых территориях в Подольской губернии бумажные рубли дореволюционного периода. В результате переговоров петлюровцами было принято решение не считать «царские карбованцы» монархической пропагандой[572]. Как эта «Добровольческая армия» собиралась в случае успеха сотрудничать с Русской армией Врангеля – непонятно. Программа Савинкова строилась на идее созыва Учредительного собрания, признании права всех народов на самоопределение и признании права мелкой собственности на землю[573].

14 октября 1920 года был подписан мир между РСФСР и Финляндией[574]. Финские претензии на Восточную Карелию были отвергнуты, но Москве пришлось уступить Печенгу (финск. Петсамо) и выход к Баренцеву морю. Финские националисты были недовольны – они хотели гораздо большего[575]. 10 октября под руководством Свинхувуда был со-

здан «Карельский союз», пропагандировавший объединение Финляндии и Карелии, правительство не торопилось отдавать приказ об эвакуации территорий, которые должны были вернуться к РСФСР. Вместо положенных 45 дней прошло более полугода, а финские войска остались на занятых позициях[576]. В Финляндии тем временем активно шло военное строительство. По данным советской разведки, к лету 1921 года финская армия мирного времени (9 пехотных, 3 кавалерийских полка, 3 егерских батальона, артиллерийские, инженерные части и т. п. – всего 36 тыс. чел.) могла быть увеличена до 180 тыс., 126 тыс. из которых могли быть использованы для активных действий[577]. Хельсинки не упускал ни малейшей возможности и при каждом осложнении положения дел в России пытался захватить часть пограничных территорий. Граница с Финляндией была по-прежнему неспокойной.

Заключая перемирие с Польшей, Советское командование и политическое руководство не было уверено в том, что Пилсудский не нарушит мира. Для этих сомнений были все основания. Поэтому РСФСР вынуждена была держать значительные силы на польском направлении, ликвидируя белый Крым Врангеля[578]. Кроме того, на Подолье все еще оставался удерживаемый Петлюрой плацдарм. В это время для руководства борьбой с Врангелем из Ташкента был вызван М.В. Фрунзе. 10 сентября он сдал командование Тур-

кестанским фронтом и выехал в Россию[579]. 21 сентября был вновь создан Южный фронт[580], 26 сентября Фрунзе прибыл в Харьков, где располагался штаб фронта, и ранней ночью 27 сентября принял командование[581]. Он должен был быстро решить крымскую проблему и не допустить, чтобы гражданская война затянулась в Европейской части РСФСР еще на один год[582]. Но прежде всего его задача сводилась к тому, чтобы остановить наступление Врангеля с днепровского плацдарма и снять угрозу Донбассу. Потеря этого района даже на время исключалась Главным командованием[583].

Гарантией удержания Донбасса становился Каховский плацдарм. С августа 1920 г. здесь шли бесконечные бои, положение было тяжелым. В октябре артиллерия была обеспечена снарядами на 5–6 дней боев, до 30 % бойцов не имели шинелей, многие были босыми, продовольствия не хватало. Тем не менее в боях 13–16 октября плацдарм удалось удержать[584]. В это время активизировались петлюровцы. К концу лета 1920 г. в петлюровской армии числилось 6 стрелецких, 1 пулеметная и 1 конная дивизии. Их численность постоянно менялась, подсчет велся условно, командование националистов насчитывало в рядах своей армии от 25 до 50 тыс. чел. Вместе с ними действовали отряды, подчинявшиеся Савинкову[585]. Это был «корпус» Пермикина и казачья бригада Яковлева. Петлюра решил наступать, но без прямой поддержки поляков это наступление было недолгим. Поддержки

со стороны крестьян петлюровцы не получили. Власть здесь за 2 года Гражданской войны менялась 15 раз, люди устали, Подолье было разорено[586].

В конце октября начал действовать и Булак-Балахович с савинковской «Русской народной Добровольческой армией»[587]. Тогда ее численность равнялась примерно 20 тыс. чел., но вскоре она быстро стала сокращаться – разбегались завербованные красноармейцы[588]. Савинков, по его позднему признанию, принял участие в походе «как простой солдат»[589]. Он описывал планы экспедиции следующим образом: «Предполагалось прорвать большевистский фронт в районе Мозыря и, не закрепляя тылов, двинуться на восток по любому из направлений – Смоленск, Брянск, Чернигов, Киев, словом, по обстановке»[590]. В начале ноября Балахович перешел Припять, 7 ноября он взял маленький городок Петриков Мозырского уезда, а 10 ноября – сам Мозырь. Это был небольшой город, где проживало примерно в 12 тыс. чел[591]. Его население на 95 % было еврейским. Часть советского гарнизона перешла на сторону савинковцев. Немедленно начались погромы[592]. Войска Балаховича приступили к ним сразу же после перехода границы[593]. Но более всего они развернулись в Мозыре[594].

«Всю ночь, – вспоминал переживший погром свидетель, – по городу стояли душераздирающие крики»[595]. Здесь планы

савинковцев изменились. Теперь они планировали завоевать Белоруссию. 12 ноября в Мозыре была провозглашена Белорусская Народная республика[596]. Её должен был возглавить Балахович, указавший на встрече с местными евреями на образец устройства – польский Пинск. Там, по его словам, был рай. Савинков обвинил в погроме красноармейцев и пожаловался на непонимание – «…евреи страшно любят преувеличивать»[597]. Призывы не подействовали. Вскоре Савинков вынужден был констатировать: «Крестьяне массою не восстали. Красные массою не положили оружия. Армия в целом не смогла удовлетворить требованиям, поставленным ей»[598]. Речь, разумеется, шла о той армии, которая шла грабить и убивать вместе с Булак-Балаховичем. Красная Армия действовала удачнее.

В середине октября 1920 г. командующий Южным фронтом готовил прорыв фронта, в который должна была пойти кавалерия. На этот раз подготовка удара была более тщательной. 9 октября Фрунзе отдал приказ Городовикову о начале рейда: «Теперь на вас лежит самая ответственная задача, от быстроты и энергии выполнения которой зависит вся судьба решающей операции. Сильным и энергичным ударом все, что переправилось, должно быть смято и уничтожено»[599]. В боях 21–28 октября в районе Северной Таврии основные силы Врангеля были разгромлены. Командование наступавших 4-й и 13-й армий Южного фронта не сумело справить-

ся с управлением ими после прорыва. Движение советских войск было слабо организовано, что облегчило задачу противника по возвращению на полуостров[600]. Тем не менее белые вернулись на полуостров ослабленными численно и морально[601]. В плен попало около 20 тыс. врангелевцев, было захвачено свыше 100 орудий, 100 паровозов, 2 тыс. вагонов, большое количество складов с боеприпасами и армейским имуществом[602]. Понеся большие потери, остатки Русской армии смогли уйти в Крым. Врангель понимал – его войска были уже не боеспособны[603].

Это понимал и Фрунзе. 5 ноября он дал директиву: «Дезорганизованный и надломленный морально последним разгромом противник, укрывшись за естественными и искусственными укреплениями перешейков, в связи с растущим повстанческим движением в тылу не в силах быстро оправиться и в случае дальнейшего наступления будет не в состоянии оказать серьезного отпора»[604]. Вскоре эта оценка подтвердилась на практике. В ночь на 8 ноября 15-я и 52-я стрелковые дивизии форсировали Сиваш и утвердились на северной окраине Литовского полуострова. 51-я стрелковая дивизия атаковала в лоб укрепления на Турецком Валу, но была отбита с большими потерями. Впрочем, это уже не имело значения. Угроза с Литовского заставляла командование белых брать части с Турецкого Вала. Вернуть позиции за Сивашем Врангелю не удалось, а утром 9 ноября был взят и

сам Турецкий Вал. Войска Русской армии отходили к Юшуню[605]. Южный фронт 12 ноября овладел воротами на Крымский полуостров – Перекопским и Чонгарским перешейками. К 16 ноября остатки разбитой Русской армии покинули Крым, победа войск Фрунзе была полной[606].

Сразу же после получения новости о поражении Врангеля савинковские части начали отступать из Подолья. Как отметил Пермикин: «Внезапная катастрофа в Крыму делает ненужными наши дальнейшие усилия»[607]. Практически одновременно с этим с территории Украинской Советской Социалистической республики были окончательно выбиты и петлюровцы. По ним ударила Красная Армия. 9 ноября против них начала действовать бригада Котовского. За 12 дней котовцы прошлись по тылам противника, громя их и лишая националистов малейшей надежды на успех. Петлюровцы откатились к пограничному Волочиску, где они снова были разбиты и отброшены через границу, за реку Збруч. Бежавшие оставили 18 легких и 2 тяжелых орудия, 200 пулеметов и 2 бронепоезда. Был захвачен и правительственный поезд Петлюры[608]. 21 ноября остатки армии УНР отступили в Польшу, где были разоружены, армия прекратила свое существование[609]. Практически одновременно был восстановлен и контроль над Советской Белоруссией. Здесь также вскоре после взятия Крыма появились опытные, надежные, мотивированные и вдохновленные победами части. Отряды

Балаховича сразу же почувствовали их присутствие на себе[610]. «Народная армия» Булак-Балаховича была разбита, 21 ноября она была вынуждена оставить Мозырь[611]. Отход этой армии превратился в паническое бегство к польской границе. Балахович уже 5 декабря был в Варшаве, а остатки его войск выскочили из окружения и укрылись в Польше[612].

На Украине оставалась только одна организованная сила противников Советской власти – отряды Махно. 24–25 ноября 1920 г. его Повстанческая армия (до 3 тыс. чел.) также была разбита в районе Гуляй-поля, но сам атаман ушел с отрядом в 150 чел. и продолжал оказывать сопротивление[613]. В декабре 1920 года Ленин говорил депутатам съезда Советов о причинах принятого правительством решения: «Товарищи, вы знаете, конечно, также, что временные неуспехи наши в войне с Польшей и тяжесть нашего положения в некоторые моменты войны зависели от того, что мы должны были бороться против Врангеля, официально признанного одной империалистической державой и получавшего колоссальные средства материальной, военной и иной помощи. И мы должны были, чтобы закончить войну как можно скорее, прибегнуть к быстрому сосредоточению войск, чтобы нанести Врангелю решительный удар»[614]. Гражданская война в европейской части России закончилась. За её границами в самом первом приближении к началу 1921 года насчитывалось 1 964 000 беженцев[615].

Глава 2
Польша – уродливое детище Версаля

Итоги советско-польской войне подвел Рижский договор 18 марта 1921 г. Обе стороны признавали независимость Украины и Белоруссии, но Варшава удержала за собой территории Западной Украины и Западной Белоруссии (Ст. 2). Польша обязалась предоставить лицам русской, украинской и белорусской национальности все права и возможности для свободного развития культуры, языка, выполнения религиозных обрядов. Те же обязательства в отношении поляков брали на себя Украина и Россия (Ст. 7). Правительства Советской России и Украины брали на себя обязательства вернуть в Польшу культурные и исторические ценности и трофеи, захваченные или вывезенные с территории Польши в период с 1772 по 1918 гг. (Ст. 11), компенсировать экономический вклад Польши в развитие России выплатой в течение года 30 млн рублей золотом (Ст. 13), вернуть захваченный железнодорожный и речной транспорт (Ст. 14), компенсировать потерянные частными лицами вклады, депозиты, имущество (Ст. 15 и 16)[616].

Вряд ли будет преувеличением утверждение, что Варшава

говорила в Риге с делегациями советских республик языком победителя. Бессмысленное после подписания мира «правительство новой Польши» – Польревком – пришлось распустить[617]. В это время «начальник государства» в Варшаве думал о расширении границ за счет Германии. Решив вопрос на востоке, Пилсудский поспешил перебросить высвободившиеся силы на запад. Польская дипломатия напрягала все усилия, чтобы получить контроль над Данцигом или право располагать там свой гарнизон или военные корабли. На все последовал отказ. В период 10-месячной оккупации города силами Антанты поляки ввели туда и свой контингент под предлогом обеспечения военных поставок во время войны с Советской Россией. Забастовки докеров в Данциге поставили под угрозу снабжение Варшавы военными грузами. Солдаты разгружали суда вместо грузчиков. Но после ухода союзников польское присутствие стало очевидным и под давлением Лиги Наций Варшава вынуждена была вывести войска[618].

15 ноября 1920 г. Данциг с прилегающей территорией был объявлен «вольным городом» под покровительством Лиги. Это было маленькое независимое государство (1950 кв. км) с собственной конституцией, парламентом, правительством, валютой (данцигский гульден). Население его составляло 410 тыс. жителей, из них 210 тыс. были горожанами. 95 % граждан «вольного города Данцига» были немца-

ми, 3 % – поляками и кашубами[619], 2 % – евреями. Государственным языком стал немецкий. Все в новом государстве было немецким, но Данциг был объединен таможенной унией с Польшей[620]. Вследствие этого все таможенные доходы города шли в польскую казну, поляки получили право на владение железной дорогой, в порту под их контроль перешла почта[621]. Курс городской валюты – гульдена – был привязан к золотому фунту (1 фунт равнялся 25 гульденам), первый заем в 50 млн марок в 1920 году был предоставлен Рейхсбанком, вслед за чем был создан Данцигский Банк с активом в 300 тыс. фунтов. Городские власти старались защитить свою финансовую независимость от Варшавы[622].

По особому соглашению, оформленному с санкции представителей союзников от 22 июня 1921 г., Польша получила право оставить собственных «сторожей» у используемых пирсов и складов на небольшом полуострове Вестерплатте. Суверенитет Данцига над этой территорией сохранялся и признавался особым соглашением[623]. Польша не имела права вмешиваться в работу администрации порта или ограничивать полномочия данцигских таможенных чиновников. Вольный город сохранял право таможенной проверки товаров, поступавших на Вестерплатте под маркировкой «Военные материалы и взрывчатка»[624]. После этого успеха в августе 1921 г. Варшава вновь перешла в наступление, потребовав передачи под контроль польских властей управления

и эксплуатации железных дорог. План провалился исключительно в результате вмешательства британской администрации[625].

Гораздо активнее поляки вели себя в Силезии, на которую они также претендовали. Здесь также были размещены войска Антанты – англичане, французы и итальянцы. Их численность росла и от нескольких батальонов достигла 16 тыс. чел. В августе 1920 г. в Верхней Силезии появились польские вооруженные отряды, которые начали терроризировать местное немецкое население. Происходила классическая для XX века борьба за перераспределение территории, на которую по тем или иным причинам претендовали две стороны. Оккупационные войска, которые должны были поддерживать порядок, не вмешивались[626]. Еще в декабре 1918 года немцы начали организовывать самооборону и формировать фрайкоры. Это делалось практически по всей стране. Цели могли быть разными – от борьбы с левыми до противостояния местным инонациональным силам. В Силезии центром формирования фрайкоров стали промышленные центры Позен и Бреслау (совр. Вроцлав). Население первого было преимущественно немецким, во втором немцы доминировали. Первоначально ландверы боролись с городскими рабочими организациями – «красными», но в 1919 и 1920 гг. активно выступили и против поляков[627].

В марте 1921 года по настоянию Варшавы в Верхней Си-

лезии был проведен плебисцит, 707 605 голосов было подано за Германию, 497 359 – за Польшу. За выбор в пользу Варшавы в основном голосовало сельское население, против него – жители индустриальных центров[628]. Поражение поляков на плебисците было полным. Но Пилсудского это не остановило. Внешнеполитическое положение изменилось. При полной поддержке Франции Польша организовала очередную провокацию однотипную с той, которой командовал Желиговский в Литве. В ночь со 2 на 3 мая на спорную территорию были введены войска под видом повстанцев. Была захвачена основная часть оспариваемых территорий[629]. Даже по польской официальной статистике в 7 воеводствах Силезии непольское население составило около 50 % населения, в 3 воеводствах – свыше 75 % населения[630].

В результате 12 октября 1921 года Лига Наций, вопреки результатам плебисцита, передала Польше 29 % спорной территории, на которой проживало 46 % населения провинции и была сосредоточена большая часть ее промышленности: 76 % угольных шахт, 97 % добычи железной руды, все производство цинка и олова, около 50 % доменных печей и т. п[631]. Агрессивность Польши в отношении Силезии станет более понятной, если оценить приобретение в сравнительных цифрах. Три её угольных района – Домбровский, Краковский и Верхнесилезский в 1922 году дали по 7095, 1986 и 25 791 тыс. тонн соответственно. Выплавки чугуна в

границах бывшего Царства Польского в 1922 году составили 79 тыс. тонн, в Верхней Силезии – 401 тыс. тонн; показатели производства мартеновской стали по этим регионам составили 49 083 и 70 833 тыс. тонн, проката – 38 759 и 41 417 тыс. тонн соответственно[632]. Очевидно, что без оторванной от Германии Силезии экономика Польши была совсем другой.

Первыми шагами во внешнеполитическом устройстве связей Польской республики был польско-французский договор, подписанный в Париже 19 февраля 1921 года[633]. Он был направлен против Германии. Польская армия после демобилизации в 1921 году составила 350 тыс. чел., Франция помогла Варшаве преодолеть колоссальный дефицит 1921 года в 241 млрд польских марок при доходе в 135,2 млрд. Франция фактически взяла на себя содержание новой союзной армии на востоке[634]. 3 марта 1921 года Польша заключила сроком на 5 лет союзный договор с Румынией, к которому прилагалась и военная конвенция. Этот союз означал единый фронт против Советской России[635]. Договор продлялся в 1926, 1931 и в 1936 годах. Одновременно польская дипломатия вела работу по военно-политической консолидации Прибалтики. Определенные шаги предпринимались и местными государствами. 7 июля 1921 года был подписан договор о военном союзе между Латвией и Эстонией. Прилагавшаяся к нему военная конвенция разъясняла, что союз на-

правлен именно против России. 1 ноября 1923 г. он был развит в военно-политический союз сроком на 10 лет. Попытка Литвы присоединиться к этому договору была блокирована в результате протестов польской дипломатии[636].

13 марта в столице Польши началась конференция представителей прибалтийских стран. Это был, по верной оценке советского обозревателя, «приступ к польской концепции Балтийского союза»[637]. 17 марта 1922 года в Варшаве был подписан гарантийный договор между Польшей, Латвией, Эстонией и Финляндией, весьма приближавший эти страны к союзным отношениям. Они взаимно подтверждали признание договоров, заключенных с Советской Россией и брали на себя обязательства в случае нападения на них войти в консультации относительно возможных действий. Договор делал Польшу политическим центром лимитрофов северо-запада, но из стран, подписавших соглашение, ратифицировала его только Эстония[638]. Одной из причин этого была чрезвычайно нервная реакция в Германии. Берлин беспокоило укрепление позиций Польши в регионе и 20 апреля 1922 года последовало успокаивающее разъяснение сторон, что Варшавское соглашение направлено исключительно против РСФСР[639]. Польская дипломатия не останавливалась на достигнутом. 19–20 августа 1923 г. в Риге прошло тайное совещание военных экспертов Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии, в результате чего был подписан секрет-

ный протокол о создании в случае войны с Россией объединенного флота и использовании портов[640].

В результате завоеваний Пилсудского Польша стала страной с населением в 27 млн чел. (5-е место среди европейских государств), но при этом собственно поляки составляли абсолютное большинство только в бывшем Царстве Польском и австрийской Западной Галиции с центром в Кракове. В Польской республике, согласно польской же статистике, поляки составляли 54,5 % населения, украинцы – 17,22 %, евреи – 10,6 %, немцы – 8,3 %, белорусы – 5 %[641]. «Захватывая направо и налево земли соседей, – отмечал в 1926 г. Ф.Я. Кон, – Польша оказалась в положении древних троянцев, втащивших в свою страну коня, внутри которого скрывались вражеские силы, вызвавшие ее разрушение»[642].

Восточная граница Польши не устраивала польских военных – они считали, что естественные рубежи их страны должны проходить восточнее, за Витебском[643]. На приобретенные земли они смотрели, по словам генерала Сикорского, следующим образом: «…нужно возможно сильнее и существеннее спаять окраины с остальной страной, ассимилируя их в истинно-государственном, а не в механическом значении этого слова»[644]. Нацменьшинства рассматривались в Польше исключительно как объект культуркампфа, и никакие обязательства Рижского договора ни в чем Варшаву не ограничивали. На западных окраинах Варшава предприняла

ряд мер по дегерманизации и полонизации захваченных территорий. Польские власти вытесняли немецкое население. Практиковались самые различные методы, включая организацию массовых нападений на непольские семьи. В частности, только отошедшее Польше Поморье, т. е. часть Померании, покинули 400 тыс. чел., кроме этого, поляки фальсифицировали данные переписей. Совокупность дискриминационных мер дала желаемый для Варшавы результат: немецкое титульное население на захваченных землях с 1921 по 1926 гг. сократилось с 2,5 до 1,032 млн чел[645].

Весьма жестким был польский режим в Западной Белоруссии. Уже в 1922 года один из основателей белорусистики академик Е.Ф. Карский писал: «Унизительно тяжкое положение закордонных белорусов общеизвестно, и симпатии к западному соседу могут быть только у слепых и политически неразвитых людей. Если теперешнее положение продолжится, то белорусского вопроса в Польше лет через 30 совсем не будет: потомки теперешних белорусов станут ренегатами-поляками. Ясно, что одно теперь должно озабочивать всех – поскорее вырвать из неволи наших отторгнутых братьев…»[646]

Авторитетный пражский славяноведческий журнал «Словянский преглед» в 1936 г. писал о положении белорусского национального меньшинства в Польше: «Белорусское население не могло найти справедливости у польских властей… В целом можно утверждать… что белорусы как народ явля-

ются в Польше бесправными. Ни польские власти, ни польская общественность не сотрудничают с белорусским меньшинством»[647]. О масштабах и темпах полонизации можно судить по следующим цифрам: если в начале 1919 г. существовало 359 белорусских школ, 2 учительские семинарии и 5 гимназий, то к 1938–1939 учебному году не осталось ни одной белорусской школы. Желание получить образование на родном языке становилось поводом к подозрению в симпатиях к советской власти[648]. В захваченном у Литвы Виленском крае по литовским данным проживало 3,2 % поляков, 54 % белорусов, 1,4 % русских, 32,6 % литовцев, 7,1 % евреев, 1,7 % караимов, немцев и др. В 1922 году поляки провели свою перепись и насчитали уже 68,4 % поляков, 11,5 % евреев, 8,8 % белорусов, 7,2 % литовцев и т. д. Статистика исправлялась легко и просто – в поляки записывали всех католиков-славян, в том числе и сохранивших идентичность белорусов[649].

Самым развитым в промышленном отношении регионом Польши была отторгнутая у Германии Верхняя Силезия. Здесь 436 тыс. человек было занято в промышленности и 282 тыс. – в сельском хозяйстве. Восточные области нового государства в промышленном отношении напротив были развиты слабо. В Виленском крае только 52 тыс. чел. работали в промышленности и 343 тыс. – в сельском хозяйстве[650]. Основу польского экспорта составляли сельхоз продукция,

уголь из Силезии и нефть, которая добывалась в Галиции. После Румынии Польша занимала второе место в Европе по нефтедобыче[651].

Планы Варшавы относительно своих восточных окраин так и не были реализованы: ей не удалось абсорбировать население «восточных кресов» – когда в 1939 году это государство рухнуло как карточный домик, оказалось, что из 13 млн чел. населения перешедших к Советскому Союзу территорий Западной Украины и Западной Белоруссии только 1 млн был поляками[652].

Глава 3
Турция и РСФСР, начало отношений, советизация Закавказья

В Первой Мировой войне Османская империя потерпела поражение. 14 октября 1918 года, осознав последствия разгрома армии, младотурецкое правительство обратилось через испанского посла к президенту Вильсону с предложением начать мирные переговоры. 30 октября 1918 года представители Османской империи вынуждены были подписать перемирие на борту английского линкора HMS Agamemnon, стоявшего в бухте Мудрос на острове Лемнос. С 12:00 31 октября военные действия прекращались, турецкое правительство обязалось демобилизовать армию, передать военные корабли союзникам, вывести войска из Киликии, Сирии, Йемена, Месопотамии, передать стратегически важные туннели в районе горного хребта Тавр союзникам. Страны Антанты получили также право на оккупацию ряда территорий, включая армянские вилайеты и т. п[653]. За перемирием, которое больше походило на капитуляцию, последовал распад и расчленение Турции. Члены младотурецкого правительства бежали в Германию[654].

«Долгие годы мировой войны, – вспоминал первый президент Турецкой республики Мустафа Кемаль Ататюрк, – утомили и разорили турецкий народ. Те же, кто вовлек его в войну и явились виновниками разорения страны, скрылись, заботясь лишь о своей собственной жизни. Сам Вахеддин[655], этот выродок, порочащий трон султана и халифа, занят был лишь тем, чтобы спасти ценой хотя бы самых низких средств свою персону и трон, единственный предмет его забот»[656]. Страна воевала с небольшими перерывами начиная с 1911 года и была страшно разорена. Финансовые, человеческие и территориальные потери были колоссальными[657].

Османская империя была разделена на зоны оккупации, во главе оккупационных сил Антанты был поставлен британский генерал Джордж Милн, верховным комиссаром также стал британец – адмирал Сомерсет Калтроп. Оккупация Константинополя и района Проливов открыла для флота союзников Черное море и возможность активного вмешательства в Гражданскую войну на юге России[658]. Что касается Турции, то худшее для нее было впереди. Греция, оказавшись после победы в Мировой войне в стане победителей, решила воспользоваться этим обстоятельством. На кону стоял вопрос о возрождении Византии. Перед началом военных действий премьер-министр Элефтериос Венизелос обратился к герою Балканских войн полковнику Ионнису Метаксе за консультацией. Тот дал ответ – Греция не готова к войне и

без активной и масштабной поддержки союзников в Анатолии не может рассчитывать на успех. Тем не менее противник казался таким ослабленным, а цель, о которой мечтали многие поколения греков, – такой близкой… Афины все же решили выступить[659].

15 мая 1919 года греческие войска высадились в Смирне. В гавани их ждали тысячи местных греков. Они торжествовали. Войска благословлял митрополит Хризостом. Начались расправы над турецким населением[660]. Война сразу же стала приобретать форму межэтнического конфликта. Греки постепенно наращивали свои силы на занятых территориях. Десанты осуществлялись при поддержке или прямом участии со стороны британского флота[661]. Высадившиеся греческие войска терроризировали турецкое население, что сразу же усложнило положение. Началось партизанское движение[662]. Действия греков в Смирне, по словам Фрунзе, вызывали «особое озлобление среди турецких националистов»[663].

23 июля 1919 года в Эрзеруме был собран конгресс турецких националистов, на котором выступил генерал Мустафа Кемаль-паша (с 1934 г. – Ататюрк), один из лучших высших командиров османской армии в прошедшую войну. Он сформулировал курс на национальную революцию, выступил за сохранение национальных границ и категорически против превращения Турции в подмандатную террито-

рию[664]. 28 января 1920 года созванный в Константинополе парламент неожиданно для султана Мехмеда и его покровителей принял Национальный обет. Его положения стали основой нового турецкого национализма: разделение арабов и «оттоманов» по этническим границам на основе свободного голосования (Ст. 1), возвращение Турции Карского, Ардаганского и Батумского пашалыков, население которых «со дня своего освобождения торжественным голосованием подтвердило свою волю возвратиться в лоно матери-родины» (в крайнем случае допускалось повторное голосование на данных территориях, Ст. 2), плебисцит в Западной Фракии (Ст. 3), безопасность Константинополя (Ст. 4), права меньшинств будут гарантированы так же, как и в других странах (Ст. 5), отказ от капитуляций (Ст. 6)[665].

В ответ на это в марте 1920 года союзники ввели войска в турецкую столицу и установили там военное положение. Парламент был разогнан. 23 апреля в Анкаре было созвано Великое Национальное собрание Турции, которое избрало своим председателем Мустафу Кемаль-пашу. Накануне генерал призвал войска и власти подчиняться только власти этого Собрания. 2 мая в противовес султанскому правительству в Анкаре было создано новое революционное правительство, которое поначалу не выдвигало антимонархических лозунгов. Его и возглавил Мустафа Кемаль-паша[666]. Султанское правительство, в это время остававшееся леги-

тимным, находилось в столице под контролем Антанты, а точнее – Великобритании. Оно не признало ВНСТ и вынесло смертный приговор Мустафе Кемалю[667]. Первым внешнеполитическим актом генерала было обращение к председателю Совета народных комиссаров РСФСР В.И. Ленину с предложением взаимного признания и установления дипломатических отношений[668]. Турецкую делегацию в Москву возглавил глава МИД анкарского правительства Бекир Сами-бей[669].

В Москве надеялись, что восстановление Турции на Проливах приведет к их закрытию для флотов Антанты и будет способствовать улучшению положения РСФСР на Черном море. Кроме того, на кемалистское националистическое движение возлагались определенные надежды как на таран англо-французской колониальной системы на Ближнем Востоке. Англичанам и французам пришлось потратить немало сил для установления контроля над подмандатными территориями на Ближнем Востоке. Более того, резко усложнилась обстановка в Египте, оккупированном еще в 1882 году и с 18 декабря 1914 года ставшем британским протекторатом[670]. С марта 1919 года здесь начались студенческие выступления, сразу же поддержанные горожанами, последовали забастовки рабочих и волнения феллахов. Египетская армия и полиция казались надежными, но британское командование предпочло перебросить сюда европейские ар-

мейские части – несколько десятков тысяч человек, которые давно уже ждали демобилизации. В кратчайший промежуток времени более 1 тыс. протестующих было убито, более 1,5 тыс. арестовано, 57 казнено[671]. Весьма тяжелым было и положение в британской Индии.

В 1917 году государственный секретарь по делам Индии лорд Эдуард Монтегю заявил о начале реформы в деле управления Индией – внедрения системы ответственного правительства в колонии как неотъемлемой части Британской Империи. Затянувшаяся подготовка вызвала активизацию Индийского Национального конгресса[672]. Положение в колонии было чрезвычайно сложным. Численность англо-индийской армии выросла со 155 тыс. чел. в 1914 году до 573 тыс. чел. в 1918 году. Формировалась она на добровольческой основе, большая часть солдат отправилась воевать за пределы субконтинента[673]. За годы войны через армию прошло свыше 1 млн чел., 62 тыс. из них было убито и 67 тыс. ранено. После её окончания индийские части по-прежнему активно использовались в Египте, на Ближнем Востоке, в Африке[674]. Людские и финансовые потери британской Индии были весьма велики.

В 1918–1919 годах только от эпидемии «испанки» умерло около 12 млн чел., власти ничего не предпринимали. Призывы Махатмы Ганди к ненасильственным протестам были поддержаны лишь частично. Выступления сопровожда-

лись столкновениями с полицией. В марте 1919 года в Дели колонна демонстрантов была обстреляна полицией, были жертвы. Митинги протеста стали собирать по несколько десятков тысяч человек. Один из них, проведенный 13 апреля 1919 г. в Амритсаре, закончился нападениями на европейцев. Бригадный генерал Реджинальд Дайер приказал открыть огонь. Войска – британцы и гуркхи – сделали 1650 выстрелов. Улицы покрылись трупами. Количество жертв колебалось от 500 до 1 тыс. чел. Генерал приказал индусам ползать по улице, на которой были совершены нападения на британку. Все индусы должны были приветствовать каждого европейца и т. д. Реакция колонии была весьма болезненной[675]. Даже Пенджаб, который традиционно давал значительное количество добровольцев для англо-индийской армии, оказался под впечатлением от случившегося. Здесь было введено осадное положение[676].

В ноябре 1919 года французы приняли решение приступить к оккупации Сирии[677]. Номинальным правителем её был принц Фейсал ибн Хусейн – союзник англичан в годы Первой Мировой войны. После её окончания он попытался создать единое арабское государство с центром в Дамаске, которое должно было включить в себя Сирию, Палестину и Ливан[678]. Эти планы не были реализованы. В июне 1920 года Лига Наций передала Сирию и Ливан в управление Парижу. 75–77 % населения были представлены мусуль-

манами, которые весьма негативно встретили эту новость[679]. Французские войска были введены в Ливан и двинулись в Сирию. Фейсал понимал свою обреченность и капитулировал, но его сторонники попытались остановить французов. 24 июля 1920 года около 3 тыс. арабов попытались остановить французские колонны в 12 км от Дамаска, на перевале Майсалун. Против 12 тыс. обученных войск генерала Анри Гуро, имевших поддержку артиллерии, авиации и бронетехники, у арабских ополчений не было ни единого шанса[680]. Они были разбиты, и 26 июля французы заняли Дамаск, через день Фейсал вынужден был покинуть Сирию[681].

Гуро победил, но настоящие проблемы для Парижа только начинались. Французских сил было совершенно недостаточно, чтобы контролировать территорию в 168 тыс. кв. км с населением около 2,882 млн чел[682]. Этнические и религиозные меньшинства Сирии, и прежде всего алавиты, начали оказывать вооруженное сопротивление[683]. Восстания следовали одно за другим, в июле 1920 года провинция была оккупирована и разделена на несколько «государств»[684]. Это были Великий Ливан, Дамаск, Алеппо и автономная территория алавитов, Государство друзов и районы военного управления. 1 июля 1922 года первые три из них были объединены в «Сирийскую Федерацию»[685]. В июле 1925 года в Сирии началось восстание друзов, на подавление которого Франция

была вынуждена направить значительные силы[686]. Положение усложняло то, что движение на этот раз быстро приобрело черты общеарабского[687].

Весьма сложным в 1920 году было положение и в британских зонах – Трансиордания была на грани восстания[688]. С 1919 года волнения начались еще в одном новообразованном государстве. Это был Ирак, созданный из трех османских провинций, оккупированных в ходе войны Англией – Басры, Багдада и Мосула, где проживало около 2,85 млн чел[689]. Здесь было провозглашено новое королевство, переданное Лигой Наций в управление Лондону. 75 % населения составляли кочующие и часто враждебные друг другу племена[690]. В июне 1920 года в Ираке вспыхнуло восстание[691]. Его руководителями были бывшие офицеры из арабской армии Фейсала, имевшие опыт военных действий. Англичане опасались проникновения сюда большевистских идей[692]. На подавление были брошены значительные силы. В северной Персии и Месопотамии действовало 12 тыс. британских и 61 тыс. индийских солдат и офицеров[693]. Их содержание в 1919 году обошлось британской казне в огромную сумму в 32 млн фунтов и правительство собиралось сократить численность контингента вдвое[694]. Общие потери англо-индийской армии в течение самой горячей фазы восстания составили 2 226 чел., потери повстанцев оцени-

вались в 8 450 чел[695]. К январю 1921 года оно было подавлено, власти изъяли около 35 тыс. винтовок[696]. 23 августа 1921 года королем был избран Фейсал, началось строительство органов государственной власти[697] – но спокойствие так и не наступило: в новом королевстве восстания следовали одно за другим[698]. В Иране разворачивалось массовое движение протеста против англо-иранского договора, заключенного 9 августа 1919 года. Фактически это было соглашение о протекторате[699]. Революция на Востоке могла способствовать революции на Западе, на которую советское руководство возлагало немалые надежды.

Следует учесть, что между Анкарой и Москвой существовали значительные разногласия относительно Кавказа и Закавказья, так как на контроль над этими территориями претендовали и РСФСР, и кемалистская Турция. С другой стороны, обе страны были заинтересованы в наведении порядка в этом регионе, который раздирался на части межнациональными конфликтами враждующих националистических правительств. Грузия, Армения и Азербайджан провозгласили границы, которые исключали возможность мирного сосуществования соседей. Они начали войны друг с другом. Политика Тифлиса, где к власти пришли меньшевики, должна была учитывать и необходимость борьбы с «внутренним врагом», прежде всего с не признававшими власть Грузии абхазами и осетинами. Далеко не все было просто и в Аджа-

рии, где большинство местного крестьянства было представлено грузинами-мусульманами со сложным этническим самосознанием. Батумская область была присоединена к Российской империи только в 1878 году и местные мусульмане (часть их составляли этнические турки) в культурном и политическом отношении тяготели к Турции.

Впрочем, если верить заявлениям главы правительства Грузии – Ноя Жордания, как раз внутреннего врага он не боялся, так как опирался на энтузиазм объединенных свободных масс[700]. Возможно, это было и так, если считать под свободными массами собственно грузинское население. Что до других национальностей, то практика правительства Жордания никак не свидетельствует в пользу правоты его слов. Тут уместнее другое свидетельство современника. Л.П. Берия вспоминал: «Меньшевики, – организаторы политики национал-шовинизма и натравливания народов Закавказья друг против друга. Это они – грузинские Пуришкевичи – организовали кровавый поход против национальных меньшинств Грузии – осетин, абхазцев, аджарцев»[701]. Интересно, что в эмиграции Жордания вновь заговорил о том, что «принцип равенства народов это принцип последовательной демократии, а так как ныне таковой является лишь социалистическая демократия, то и это учение составляет её монополию, один из характерных признаков, отличающих её от других партий»[702].

«”Самоопределившиеся“ и “независимые” республики Закавказья, – гласило Обращение Краевого Комитета большевиков летом 1919 г., – возглавляемые с одной стороны националистической интеллигенцией, а с другой – верхами народов, будучи насквозь пропитаны узконационалистическим эгоизмом и крайним шовинизмом, культивируют по отношению друг к другу национальную ненависть и национальный антагонизм в интересах господствующих классов. Уже за короткое время существования этих республик земли их не раз орошались кровью братских народов, и в настоящее время отношения между татарами и армянами с одной стороны, между армянами и грузинами – с другой, между грузинами и осетинами с третьей стороны, до такой степени натянуты, что в каждую минуту можно ожидать кровавых столкновений на этой почве. Что же касается национальных меньшинств в пределах образовавшихся республик Закавказья, – армян, осетин, абхазцев и т. д. в пределах Грузии, мусульман в пределах Армении, и наоборот, армян – в пределах Азербайджана, благодаря шовинистической политике и империалистическим поползновениям каждой из трех господствующих партий Закавказья (меньшевиков, дашнаков и мусаватистов), то их положение в высшей степени ненормально и плачевно»[703].

Действительно, в Закавказье шла война всех против всех и такое положение не могло продолжаться бесконечно. Соседние державы были твердо намерены покончить с этим,

но каждая имела свой взгляд на умиротворение региона. Москве был необходим мир для возможности сосредоточиться на других направлениях. Правительству Мустафы Кемаля необходима была поддержка в той борьбе, которую оно вело, не имея при этом ни военной промышленности, ни золотого запаса. В конечном итоге весной 1920 года стороны решили договориться, что обусловило относительно безболезненный характер советизации Азербайджана. Поначалу Ленин колебался относительно необходимости отвлечения сил с польского и финского направлений, но вскоре эти колебания были преодолены[704].

Занятие Бакинского нефтяного узла считалось абсолютно необходимым условием для нормализации экономики РСФСР. «Взять Баку нам крайне желательно, – инструктировал Ленин руководство Кавказского фронта. – Все усилия направьте на это, причем обязательно в заявлениях быть сугубо дипломатичными и удостовериться максимально в подготовке твердой местной Советской власти. Тоже относится к Грузии, хотя к ней относиться советую еще более осторожно»[705]. Силы 11-й Красной армии начали концентрироваться на границе Азербайджанской Демократической республики в Дагестане. На 18 апреля их основу составили три стрелковые дивизии и вспомогательные части – всего 20 тыс. штыков и 6–7 тыс. сабель. К ним на помощь шли еще две стрелковые дивизии и кавалерийский корпус[706]. Силы азер-

байджанской армии оценивались приблизительно в одну дивизию пятиполкового состава (12 тыс. штыков) и одну кавалерийскую бригаду (2 тыс. сабель). Вместе с полицией и разного рода добровольческими подразделениями в ней насчитывалось до 30 тыс. чел., 20 тыс. из них находились на линии фронта с Арменией в районе Зангезура[707].

27 апреля 1920 года в Баку началось восстание, подготовленное большевиками. Его поддержали рабочие, экипажи канонерских лодок «Карс» и «Ардаган», часть гарнизона. Созданный Азревком обратился с просьбой о признании и поддержке к Совнаркому РСФСР. Войска Красной армии перешли границу. На острие наступления шли 4 бронепоезда с десантом. Сопротивления почти не было[708]. Солдаты мусаватисткой армии разбегались, бросая артиллерию, пулеметы, обозы[709]. Передовой бронепоезд был несколько раз обстрелян, на этом все кончилось. Уже в 5:00 27 апреля бронепоезд «III Интернационал» прибыл на бакинский вокзал[710]. Турецкие солдаты и офицеры, находившиеся в Баку, перешли на сторону большевиков по приказу своего командования[711]. В городе был образован Временный Революционный Комитет во главе с Н.Н. Наримановым[712]. Комитет немедленно обратился за помощью в борьбе с контрреволюцией к РСФСР[713] и сформировал Совнарком новой советской республики, который также возглавил Нариманов[714].

Первые части 11-й армии подошли в город через два дня и до 30 апреля «III Интернационал» с его десантом был единственной вооруженной силой, пришедшей в город из РСФСР[715]. 5 мая «освобождение трудовых масс независимой Азербайджанской республики» приветствовал Совнарком РСФСР[716].

В Баку находилось около 300 млн пудов нефти, ежемесячная добыча равнялась 20 млн пудов. Это давало возможность быстрого решения проблемы топливного кризиса в РСФСР. Но нефть необходимо было довезти до Астрахани[717]. По окончании Гражданской войны на юге России остатки белогвардейцев на кораблях Каспийской флотилии уничтожили имущество в Петровск-Порте и ушли сначала в Баку, где правительство мусаватистов предложило им поднять флаг АДР. Принять это предложение команды отказались и ушли в персидский порт Энзели[718]. Они увели туда торгово-пассажирские и нефтеналивные суда, частично переделанные во вспомогательные крейсера. Техническая часть кораблей пришла в упадок, их команды, по сообщениям советской разведки, находились в угнетенном состоянии. Белое командование заменяло судовой состав офицерами, которые были настроены сражаться до последнего[719].

В Энзели находился британский гарнизон. В северную Персию англичане начали входить в январе 1918 года по мере того, как её покидали разложившиеся после революции

русские войска. Поводом для этого было недопущение в бывшую русскую зону оккупации турецких и германских войск. Уже в феврале 1918 года британцы заняли Энзели, который превратился затем в одну из важнейших баз для их действий в районе Каспия[720]. В августе 1918 года 1,5 тыс. солдат ген.-м. Лайонелла Данстервилла высадились в Баку и уничтожили там Советское правительство во главе со С.Г. Шаумяном. Вскоре им пришлось покинуть город, но уже в ноябре 1918 г. они вернулись. Британские военные находились в Баку до января 1919 года, после чего ушли в Энзели, что, разумеется, не означало ухода из региона. В Лондоне считали необходимым защищать в Закавказье свои экономические и идеологические интересы. Британцы поддерживали местных националистов и белых в борьбе против Советской власти. Не упускались из вида и стратегические задачи – защита дальних подступов к Индии[721].

Лорд Керзон мечтал прикрыть её «мусульманской цепью государств». Целостность Персии рассматривалась при этом как одно из важнейших условий создания этой преграды[722]. В январе 1919 года в Имперском Генеральном штабе была проведена стратегическая игра по отработке плана по защите Индии – он предполагал необходимость удержания трех линий обороны: 1) Константинополь – Батум – Баку – Красноводск – Мерв; 2) Константинополь – Батум – Баку – Энзели – Тегеран – Мешхед; 3) Северная Плаестина – Мосул

– Ханекин – Бирдженд. Для удержания первых двух было признано необходимым перебросить в регион еще 7 дивизий (две в Закавказье и 5 северную Персию). Такой возможности у Лондона не было. Военные считали, что смогут прочно удержать только третью линию. Форин-офис с января 1919 года постоянно получал информацию о том, что большевики наращивают свою силу и вскоре проявят её в Закавказье и северной Персии. Адмиралтейство также било тревогу – Первый лорд Уолтер Лонг считал абсолютно недопустимым потерю контроля над нефтью Персидского залива и готов был защищать её на Каспии[723]. К 1920 году советско-английское противостояние на этом море имело, таким образом, уже двухлетнюю историю. Энзелийский гарнизон мог получить поддержку со стороны оккупационных сил Месопотамии и северной Персии. Это не остановило решимости красного командования вернуть корабли[724].

Еще 18 марта 1920 года командующий Волжско-Каспийской флотилией Ф.Ф. Раскольников запросил руководство страны, что делать с кораблями в Энзели – ограничиться блокадой, перейти к комбинированным действиям на суше и море, или Совнарком ограничится дипломатическими требованиями вернуть корабли[725]. 20 апреля Троцкий предложил проект ответа на запрос Раскольникова: «Очищение Каспия от белогвардейских сил должно быть осуществлено во что бы то ни стало». Предлогом для операции должна

была стать неспособность персидских властей самостоятельно разоружить ушедшие корабли белых. Ленин согласился с этим предложением[726]. 1 мая 1920 г. командующий Морскими силами РСФСР А.В. Немитц подписал директиву на имя Раскольникова. Задачей операции было названо очищение Каспия от флота противника. «Так как для достижения этой цели потребуется десант на персидской территории, то он и должен быть осуществлен вами»[727].

14 мая Раскольников отдал приказ по Волжско-Каспийской флотилии о проведении операции в Энзели: «С целью не допустить возможности противнику вновь воссоздать боевую силу на море и в корне обеспечить за нами господство на Каспийском море необходимо захватить в свои руки все находящиеся в Энзели плавучие средства»[728]. По оценкам советской разведки в городе находилось 2–3 полка британской пехоты при 6–8 шестидюймовых орудиях на батареях приморского фронта (эти данные были завышены). На самом деле там стояли несколько батальонов 36-й индийской бригады под командованием ген.-м. Хью Фредерика Бетмен-Чемпэйна и персидские «казаки». Против них действовала Каспийская флотилия (три эсминца и три вспомогательных крейсера), усиленных двумя трофейными азербайджанскими канонерскими лодками (бывшие русские «Карс» и «Ардаган»), вооруженным пароходом. Раскольников командовал флотилией на эсминце «Карл Либкнехт». По бере-

гу из Ленкорани шел кавалерийский дивизион[729].

17-18 мая 1920 года флотилия внезапно нанесла удар по порту, принудив белогвардейцев к бегству, а британцев к капитуляции. Для советских моряков это была месть за «Кронштадтскую побудку»[730]. В 1920 году у Красного флота возникла возможность вернуть долг, и он ее не упустил. Уведенные корабли (10 крейсеров и 10 транспортов) и многочисленные трофеи – имущество, оставленное по условиям капитуляции, – были перевезены в советские воды и порты[731]. Среди призов флотилии было и 12 быстроходных английских минных катеров, 6 гидропланов, 50 орудий, 20 тыс. снарядов к ним и т. п[732]. Конечно, операция была проведена не ради эмоций красных моряков. Каспийское море стало безопасным для транспортных перевозок. «Притоку нефти к сердцу Республики, – докладывал Ленину Раскольников, – не угрожает никакая опасность»[733].

Огромный успех, сделавший Каспий безопасным для советского судоходства, не менял общего положения. Необходимо было наладить контроль над нефтедобычей. В мае 1920 года объём добычи нефти составил в Баку 18 500 тыс. пудов и в Грозненском районе 1741 тыс. пудов, после чего рос только в Грозном, достигнув в августе 5 819 тыс. пудов, в то время как в Баку упал до 12 200 тыс. пудов. Рост здесь начался только в 1921 году[734]. Новая власть сделала все возможное для мобилизации рабочих для восстановления нефтедо-

бычи[735]. Но весной 1920 года положение Советской республики было по-прежнему сложным. В конце апреля и начале мая 1920 года поляки наступали на всем фронте на Украине и в Белоруссии. 4 мая Ленин поддержал предложение Чичерина о приостановке действий в Закавказье и Крыму[736], в тот же день Г.К. Орджоникидзе получил телеграмму главы Совнаркома, обязывающую его «воздержаться от наступления на Грузию»[737].

Весна 1920 года была весьма тяжелым временем для Грузии. Многие районы страны были поражены голодом, что никак не делало ее позиции прочными[738]. Вопрос так и не был решен к концу года. Республика стояла на пороге острого продовольственного и топливного кризиса[739]. Тяжелой была и обстановка в национальных окраинах республики, которые не раз уже пытались освободиться от власти националистов. В марте 1920 года Кавказский краевой Комитет РКП (б) принял решение о подготовке восстания в Южной Осетии, центром которого должен был стать Цхинвал[740]. Тем не менее положение на фронтах РСФСР требовало концентрации сил на других направлениях. Только во второй половине мая стратегическая обстановка на Западном и Юго-Западном фронтах, противостоящих Польше, начала складываться в пользу Красной Армии[741]. Непростым было положение и на Дальнем Востоке, где по-прежнему велика была опасность столкновения с Японией. Необходимо было учитывать

и тот факт, что с начала 1919 г. Батумская область была занята войсками Антанты. Преимущественно это были англичане, которые сразу же поставили вопрос о контроле над железными дорогами в Грузинской республике и по всему Закавказью[742]. «Приход британских войск в Грузию в январе 1919 года, – заверяли лейбористов грузинские меньшевики, – был встречен всеми слоями населения с чувством удовлетворения»[743]. Среди оккупантов присутствовали также итальянцы и французы. С моря экспедиционный корпус прикрывала мощная эскадра[744].

В Москве начались переговоры между заместителем Чичерина Л.М. Караханом и посланцем Жордания Григорием Уратадзе. 7 мая они завершились подписанием мирного договора[745]. Мирный договор устанавливал границы по реке Псоу и Кавказскому хребту, но обязывал грузинские власти воздержаться от поддержки враждебных РСФСР действий, в частности – интернировать отступившие на территорию Грузии части белогвардейцев и передать РСФСР корабли русского торгового флота[746]. Секретное приложение к договору обязывало правительство Грузии признать право компартии на легальную работу, Тифлис обязывался воздержаться от репрессий против членов партии[747]. 12 мая было подписано дополнительное соглашение о будущей границей между Грузией и Советским Азербайджаном, которую должна была определить смешанная комиссия. Стороны обязались воз-

держаться от ввода дополнительных войск в Закатальский район[748]. В Закавказье РСФСР остановила свое наступление.

В мае 1919 года началась третья англо-афганская война, в ходе которой британцам не удалось добиться безусловного успеха. Формально она продолжалась до 1922 года[749].

В 1920 году регион от Батума до Кабула был политически нестабилен, и возникающие здесь проблемы могли существенно осложнить внешнеполитическое положение Советской России. В Центральной Азии антиколониальное движение все отчетливее принимало антибританскую направленность. «Энзелийская побудка» произвела значительное впечатление на регион. Это была демонстрация силы на фоне начавшихся волнений в Персидской монархии. 15 апреля 1920 года в Тегеране началось восстание под лозунгом изгнания из страны англичан и их сторонников. Восстание против англичан началось и в провинции Гилян. Бои здесь шли с перерывами с весны 1918 года. С января 1920 г. в советском руководстве обсуждались даже планы возможной советизации этого региона[750]. После высадки в Энзели была предпринята попытка оказать военную и политическую помощь вождю повстанцев Кучук-хану[751]. Он привел сюда свой отряд численностью около 200 сабель[752]. Эти силы, разумеется, не могли претендовать на самостоятельную роль в регионе, но именно эту роль и хотел играть Кучук-хан. Ему было

все равно, с чьей помощью бороться за власть – зимой 1918 года он пытался получить поддержку от британцев[753].

Центральное правительство в Тегеране имело в своем распоряжении вполне боеспособные силы: дивизию шахских «казаков» (создана русскими инструкторами в 1879 г. – 8 тыс. чел.), жандармерию (создана шведскими инструкторами в 1911–1915 гг. – 8 400 чел.) и бригаду южно-персидских стрелков (создана британскими военными в 1916 году – 6 тыс. чел.). Для борьбы с красными частями они не годились, но для победы над небольшой группой повстанцев этих сил хватило бы с избытком. Известие о высадке десанта в Энзели вызвало в Тегеране панику[754]. Шах немедленно обратился за помощью к Британии[755]. В Лондоне забили тревогу – «The Times» заявила о том, что англо-персидское соглашение оказалось под угрозой[756]. Правительство Великобритании колебалось, Военное министерство настаивало на выводе войск из северной Персии. Генералы считали, что не могут противостоять большевикам в этом районе[757]. Впрочем, вскоре выяснилось, что оснований для беспокойства все же нет. Поначалу Москва категорически запретила вмешательство во внутренние конфликты соседней страны: «Наши части не должны выходить за пределы Энзели ни под каким видом. Необходимо немедленно же декларировать, что, *не смотря* на присутствие русских частей, власть в Энзели принадлежит Персии»[758]. Масштабный и открытый конфликт с

Англией не входил в планы Москвы. В мае из Персии были выведены войска, и ее воды покинули корабли Волжско-Каспийской флотилии.

Временная приостановка наступила и в советизации Закавказья. Поэтому, когда 9 мая в Карсе и 10 мая 1920 г. в Александрополе (совр. Гюмри) началось восстание армянских большевиков и их сторонников[759], оно не было поддержано Москвой. Положение на Польском фронте требовало от Москвы концентрации сил на другом направлении. Уже 28 апреля последовало распоряжение Главкома С.С. Каменева о переброске войск с Кавказского фронта на Западный и Юго-Западный[760]. С другой стороны, Грузия приступила к мобилизации сразу после советизации Азербайджана[761]. После первых столкновений на границе в начале мая в районе Красного Моста через реку Храми части Красной армии отошли назад. В Грузии восприняли это как победу, началось ликование[762]. До 10 июня с Кавказского фронта на Западный были отправлены 4 стрелковые дивизии, 6 авиаотрядов, 3 дивизиона тяжелой артиллерии, два бронеотряда, два танковых дивизиона, два бронепоезда и т. д., на и Юго-Западный фронт – 3 стрелковые дивизии и 2 бригады, 1-я Конная армия, 1-й Конный корпус – всего 8 кавалерийских дивизий, 8 бронепоездов и т. д., большое количество вооружения, боеприпасов, 295 командиров и 54 политработника[763].

Закавказье временно перестало быть приоритетным на-

правлением, помощь восстанию в Армении не была оказана. Против восставших большевиков были брошены превосходящие силы, верные правительству[764]. Восстание было подавлено 17 мая, когда дашнаки вернули себе контроль над Сарыкамышем. Последние очаги сопротивления были ликвидированы к 23 мая[765]. Начались расправы над участниками восстания и руководителями большевистских организаций[766]. 17 мая Министерство иностранных дел Армении известило через Тифлис правительства стран Антанты, что «большевистские движения в Армении окончательно подавлены благодаря крутым мерам, принятым правительством»[767].

Устанавливая контроль над новой советской республикой – Азербайджаном, партийно-советское руководство сразу же особое внимание уделило и проблеме межнациональных конфликтов. Уже 5 мая 1920 года С.М. Киров, выступая на Бакинской партконференции, заявил: «Тому, что делается в Карабахе и в других местах Азербайджана, тому, что называется племенной враждой, должен быть положен конец окончательно раз и навсегда, под знаменем Советов»[768]. К середине 1920 г. Красная армия заняла пограничные спорные между Азербайджаном и Арменией районы – Нахичевань, Карабах, частично Зангезур[769]. В июле в районе Нахичевани был установлен контакт с войсками турецких националистов. Были остановлены межнациональные конфлик-

ты, начали возвращаться беженцы[770]. По приказу, отданному войскам 11 армии, они должны были занимать эти территории до определения вопроса об их принадлежности, выставляя при этом гарнизоны «достаточно сильные для поддержания порядка и недопущения национальной резни»[771].

Этих сил явно не хватало. Представители власти на низовом и среднем уровне остались на месте. Воинскими частями в гарнизонах вне Баку командовали офицеры армии мусаватистов. Они подготовили и возглавили мятеж в Гяндже, который начался внезапным нападением на части Красной армии в ночь с 25 на 26 мая 1920 г. Успехи националистов были временными, к 31 мая мятеж был подавлен[772]. Уже 9 июня 1920 г. мусаватисты во главе с турецким генералом Киллигилем Нури-пашой подняли мятеж в районе Гянджи. Основные районы мятежа были разгромлены немедленно, сопротивление не было долгим[773]. 13 июня Орджоникидзе докладывал в Москву о полном подавлении мятежа, руководители которого бежали за границу[774]. Он был уверен – их поражение вызвано тем, что крестьянская масса не поддержала контрреволюцию[775]. Мятежники бросили 8 орудий с упряжкой и лошадьми, 26 пулеметов, большое количество боеприпасов[776].

8 июня 1920 года большевики начали восстание в Южной Осетии. Гарнизоны грузинского меньшевистского правительства были разоружены, чиновники изгнаны. Восстав-

шие провозгласили установление Советской власти, центром Южной Осетии стал город Цхинвал[777]. Подавление восстания быстро приобрело характер этнической чистки. Тифлисское правительство не склонно было доверять кадровым офицерам императорской армии, которых оно подозревало в сочувствии Белому движению, – в противовес армии меньшевики предпочитали развивать отряды Народной гвардии, которые не отличались дисциплиной и высокой боеспособностью. Наиболее яркие свои качества они проявили во время карательных операций. Эти отряды и были направлены на Цхинвал. «Мы спешно перебрасываем туда силы и скоро проучим этих прохвостов, – отметил в своем дневнике Валико Джугели, командир Наргвардии. – Осетинские националисты – наши злейшие враги… И нам уже надоели эти бесконечные мятежи. И мы решительно отобьем у южно-осетинских банд всякую охоту к вооруженному импрессионизму»[778].

Грузинские каратели методически разрушали одно осетинское село за другим. Всего за 10 дней было уничтожено 25 крупных и множество мелких сел, жители которых были уничтожены[779]. Народная гвардия фактически была неуправляемой силой. Гвардейцы буйствовали и убивали людей, военные и политики делали вид, что не замечают этого[780]. Джугели был образованным человеком и эстетом. Он сравнивал юг Осетии с Вандеей. Грузинский якобинец спа-

сал Республику и был безжалостен и поэтичен в описании зрелища деяний своих подчиненных: «Повсюду вокруг нас горят осетинские деревни. Ужасная расправа, но иного пути нет»[781].

Всего наргвардейцы сожгли около 40 селений, спасаясь от террора националистов, на север Осетии через горы ушло около 20 тыс. беженцев[782]. Джугели особенно раздражало, что восставшие подняли красный флаг: «Осетины, эти безмолвные рабы старого самодержавия, эти верные псы наших помещиков и старых приставов, эти прирожденные стражники – теперь выступают в красной мантии, под видом революционеров»[783]. В Грузии после подавления восстания начались преследования членов компартии, аресты и закрытие органов печати коммунистического управления. Полпред РСФСР в Грузии С.М. Киров постоянно протестовал против нарушения условий договора с Советской Россией со стороны Тифлиса[784].

Положение советского постпредства в столице Грузинской республики было исключительно тяжелым. Оно фактически было взято в осаду местной полицией, которая подвергала аресту или задержанию каждого посетителя. Дело дошло до того, что Киров вынужден был предупредить местный МИД, что в случае продолжения провокаций те же меры будут предприняты в Москве против грузинского посольства[785]. Меньшевистские власти нарушали соглашение

и в отношении остатков белогвардейских войск, допуская их переход в Крым через Батум[786]. «Каждый успех Врангеля, – докладывал советский постпред Ленину, – вселял здесь большие надежды, и это чувствовалось во всем»[787]. Кроме того, грузинское правительство ввело дополнительные войска в нейтральную зону, что также было нарушением советско-грузинского договора[788]. Тифлис постоянно колебался между Антантой и РСФСР в выборе, который все равно пришлось сделать. Экономическое положение республики продолжало ухудшаться. 30 августа Киров докладывал Ленину: «А тем временем хозяйственная жизнь Грузии расстраивается с каждым днем все больше и определеннее, и весьма уже недалек тот момент, когда Ною Жордания вместе с экзархом Грузии придется запеть “На реках Вавилонских”»[789].

Что касается Армении, то поначалу её руководство попыталось удержать за собой пограничные с Азербайджаном спорные территории. Попытки дашнаков организовать сопротивление Красной армии в Карабахе провалились, в том числе и по причине массовой поддержки жителями армянских сел советской власти. Они, как докладывал в Эривань Дро[790], «…отказались признать нашу власть и открыто признали себя большевиками. Выяснено, что у них с большевиками тесная связь, усиленно работают агитаторы»[791]. Приход Советской власти был весьма своевременен. Местное население явно устало от межэтнических конфликтов и видело

в 11 Красной армии силу, которая вернет в регион мир и порядок. Что касается собственно Армянской республики, то Политбюро 30 июня 1920 года приняло решение о приостановке движения советских войск в Армению[792].

10 августа 1920 г. полпред РСФСР в Армении Б.В. Легран подписал с представителем дашнакского правительства Аршаком Джамаляном договор. Военные действия прекращались, стороны договорились, что занятием спорных территорий «не предрешается вопрос о правах на эти территории», и он должен быть решен в будущем соглашении между Арменией, РСФСР и Советским Азербайджаном[793]. По иронии судьбы в тот же день, 10 августа 1920 года, под Парижем был подписан Севрский мирный договор – единственный из системы, порожденной Версалем, который не удалось реализовать[794]. Возможно, одной из причин этого было то, что даже как проект Севрский договор не устраивал никого – ни французов, ни итальянцев, ни американцев, ни греков, считавших, что больше всего получают англичане, ни самих англичан. И уж естественно, он не устраивал турок[795].

Турция обязана была уступить значительные территории соседям – Греции, Армении, новые границы проводились в Сирии и Месопотамии (Часть II, Ст. 27)[796]. Константинополь оставался столицей Османской империи, но находился в зоне международного контроля. В случае несоблюдения условий договора Державы оставляли за собой право изме-

нить статус города (Часть III. Политические положения. Отдел I. Константинополь. Ст. 36)[797]. Укрепления на Проливах уничтожались, контроль над ними фактически переходил к союзникам (Отдел III. Ст. 37–61)[798]. Смирна формально оставалась автономией в составе Турции, но получала широкое самоуправление, а через 5 лет должно было быть принято решение Лиги Наций о переходе этой территории к Греции (Отдел IV. Смирна. Ст. 65–83.)[799]. Фактически за Турцией оставалось только Малоазиатское нагорье. Территория страны сокращалась на 4/5. Флот сокращался до 6 миноносцев и 7 шлюпов, армия сокращалась до 50 тыс. чел, жандармерия – до 35 тыс. чел., войска были ограничены в вооружении, лишались права иметь тяжелую артиллерию и т. п. (Часть V. Ст. 151–181)[800]. Восстанавливался режим капитуляций, устанавливались репарационные выплаты, внешнее управление финансами страны (Часть VIII. Финансовое положение. Ст. 231–243)[801]. Это была программа окончательного уничтожения турецкого государства. Не удивительно, что ВНСТ отказалось ратифицировать и принять этот документ[802].

Анкарское правительство не желало рисковать остатками своего флота, а правительство РСФСР предоставило убежище нескольким турецким кораблям[803]. 17 сентября 1920 г. в Новороссийск пришла турецкая канонерская лодка «Айдин-реис», 17 октября – однотипная с ней канлодка «Пре-

вез». Правительство Мустафы Кемаля предоставило советскому командованию эти корабли в распоряжение для борьбы с Врангелем, их экипажи вывез 12 ноября транспорт «Шан»[804]. Начавшаяся советизация Закавказья дала возможность Советскому правительству оказать поддержку Анкаре. Между тем новое правительство установило контакты с французскими оккупационными властями в Киликии и заключило с ними перемирие на 20 дней[805]. Французы были явно недовольны ростом влияния Англии, поддерживавшей греков. В феврале 1920 года французы покинули часть Киликии, куда вошли войска националистов и добили оставшееся там армянское население в ходе ряда погромов[806]. 11 июля 1920 года греческую армию возглавил король Константин и она вновь продвинулась вперед в зоне своего контроля[807]. Большим сторонником наступления был премьер-министр Венизелос. Вскоре успехи закончились. В военном отношении греческая армия, как и предсказывал начальник её Генерального штаба Иоаннис Метаксас, не была подготовлена к длительной и масштабной войне. Пока сопротивление оказывали полупартизанские формирования, грекам сопутствовал успех, но потом пришлось бороться и с турецкой армией, и с партизанами. Греки вынуждены были остановиться для организации своих тылов[808].

Разобщенность действий противников Анкары позволяла ей концентрировать силы на одном из направлений. В июле-

августе 1920 года на переговорах в Москве были оговорены формы и размеры помощи кемалистам. Москва предоставляла Анкаре 10 млн золотых рублей и оружие[809]. Но реализовать эти обещания было сложно. Между государствами не было общей границы, перевозки по морю были затруднены. Тем не менее летом 1920 года туркам было передано 6 тыс. винтовок, свыше 5 млн патронов, 17,6 тыс. снарядов и около 200 кг золота в слитках[810]. 1 сентября 1920 г. в Баку был открыт Съезд представителей народов Востока. Он проводился в дни поражения в Польше и Белоруссии, демонстрируя готовность Москвы приветствовать революцию на Востоке[811].

Официально на нем был представлен 1 891 делегат от народов от Ближнего до Дальнего Востока (именной список несколько выше – 2050 чел.). Примерно половина делегатов была представлена людьми коммунистической ориентации – 1071 коммунист, 31 комсомолец, 334 сочувствующих. 336 делегатов были азербайджанцами, 273 – турками, 218 – лезгинами, 204 – персами, 160 – армянами, 110 грузинами, 109 русскими и т. д[812]. На съезде присутствовал бывший военный министр Оттоманской империи Энвер-паша. Весной 1920 года на него сделали ставку К.Б. Радек и Г.Е. Зиновьев. Присутствие Энвера в Баку вызвало беспокойство Мустафы Кемаля. Они не симпатизировали друг другу. Вскоре и в Москве пожалеют о своей ставке на этого интригана и

палача[813]. Съезд принял Манифест, в котором содержался призыв к священной войне под красным флагом «против вековой угнетательницы всех народов Востока, против империалистической Англии»[814].

Руководство Армении в этот период явно переоценило свои возможности и недооценило готовность противника к военным действиям. Уже в боях 1918 года проявились все недостатки армянской армии. Она так и не смогла преодолеть болезни роста периода формирования[815]. Период был явно неблагоприятен для армейского строительства. В республике царили голод и эпидемии, она была переполнена беженцами из Западной Армении. Их насчитывалось более четверти миллиона[816]. Значительная часть призывников попросту бежала из армии даже в мирное время. В конце декабря 1919 года в 11 уездах, контролируемых Эриванским правительством, было арестовано 17 665 дезертиров. Пальму первенства держали уезды: Александропольский – 4 516 чел., Эриванский – 3747 чел., Нор-Баязетский – 2 840 чел., Карский – 1729 чел[817]. 24 сентября 1920 г. армянские войска перешли в наступление, которое было остановлено уже через несколько дней. Началось контрнаступление противника. 29 сентября турки уже были в Сарыкамыше, 30 октября – в Карсе. Его не обороняли. Взятие этой крепости, где по-прежнему находились большие запасы еще русской императорской армии, было весьма важным успехом для ке-

малистов[818]. По словам Ататюрка, сопротивления почти не оказывалось[819].

Между тем дашнакское правительство успокаивало своих граждан. Накануне падения Карса, 25 октября в «Правительственном бюллетене» говорилось: «Имеется большая надежда, что в близком будущем все будет ликвидировано и турки будут отброшены от наших границ»[820]. А войска кемалистов продолжали наступление. 30 октября Эривань обратилась за помощью к Антанте, 5 ноября – к США. 6 ноября турки взяли Александрополь[821]. Вмешиваться в конфликт ни одна из Великих Держав не имела желания, Армения была брошена на произвол судьбы[822]. Турецкое наступление сопровождалось резней, а фактически этническими чистками на подконтрольной территории. Новое правительство Симона Врацяна было вынуждено констатировать безвыходное для Армении положение[823]. Капитан С.Г. Мусаелян, один из расстрелянных руководителей майского восстания в Александрополе, в начале большевистского выступления предсказывал: «…я верю, что при дашнакском правительстве действительно наши соседи предпримут поход против Армении и тогда мы ни от кого никакой помощи ожидать не можем. Единственный народ, который может спасти нас, – это русский революционный пролетариат»[824]. Вскоре эти слова подтвердились.

8 ноября Эривань обратилась к командующему турецкой

армией генералу Кязым Мусе Карабекир-паше с просьбой о переговорах. На следующий день тот изложил условия: в 24 часа сдать в полном порядке 20 тыс. винтовок, 20 станковых и 40 легких пулеметов, 3 батареи, передать значительное количество снарядов и патронов, начать отвод войск[825]. К этому времени армянское государство агонизировало. «В настоящее время в Армении почти нет никакой власти, – докладывали в бюро ЦК РКП (б) с места. – Вся железная дорога от Кучука до Айрума находится в руках Кемаля»[826]. 12 ноября турки вышли в Араратскую долину, возникла угроза взятия Эривани. 15 ноября правительство Армении предложило кемалистам перемирие для заключения мира. 26 ноября 1920 г. начались армяно-турецкие переговоры[827]. Они сопровождались новой массовой резней армянского населения, устроенной турецкими войсками[828].

Ход переговоров не прервало даже восстание в Армении, подготовленное большевиками. Оно началось 29 ноября, была провозглашена Советская Армения[829]. В «Декларации» подводился итог власти дашнаков: «Города разорены, деревни опустошены, железные дороги приостановлены, лучшие силы народа загублены в авантюрных войнах из-за границ и межнациональных распрей, которыми питало народ и питалось само дашнакское правительство. Стон и вопль проносится из конца в конец по всей Армении, и в этот момент, покинутые своей покровительницей Антантой, остат-

ки дашнакской плутократии при помощи пары жалких соглашателей из лагеря меньшевиков и эсеров пытаются спасти свое положение заключением какого угодно мира»[830]. На следующий день был взят город Дилижан, откуда образовавшийся Временный Ревком обратился к правительству РСФСР с просьбой о помощи[831]. К этому времени власть дашнаков ослабла настолько, что сопротивления почти не было. Часть левых дашнаков и генерал Дро заявили о своей готовности к сотрудничеству[832]. До приезда в столицу Ревкома власть была передана военному командованию во главе с Дро[833]. «Итак, еще одна Советская Республика», – торжествовал Орджоникидзе[834]. В Армению вошла 11-я Красная армия. Спорные территории – Зангезур, Карабах и Нахичевань – немедленно были признаны председателем СНК АзССР Нариманов перешедшими под власть АрмССР. «Этого ужасного вопроса больше нет», – заявил он под бурные аплодисменты[835].

Это решение было поддержано Серго Орджоникидзе: «Товарищи! Советский Азербайджан, выступивший сегодня в лице т. Нариманова, доказал всему миру и прежде всего рабочим и крестьянам Армении, что только советская власть способна разрешить все проклятые вопросы, связанные с межнациональной враждой, которые были здесь и которых очень много во всем мире»[836]. 2 декабря было подписано соглашение между РСФСР и Советской Армением

– до съезда Советов республики признавалась власть Ревкома (Ст. 2), оговаривались границы Армении – Эриванская губерния, части Тифлисской, находившиеся под контролем Армянской республики до 23 октября 1920 г., Зангезурский уезд, часть Казакского уезда (Ст. 3). Офицеры армянской армии и члены партии дашнакцутюн освобождались от ответственности за действия, совершенные до провозглашения Советской власти (Ст. 4 и 5). Советское правительство брало на себя обязательство к «немедленному сосредоточению сил, необходимых для защиты независимости ССРА» (Ст. 7)[837]. Вслед за заявлением 2 декабря последовала соответствующая декларация Ревкома Азербайджана: Зангезур и Нахичевань были признаны неотъемлемой частью Армении, Карабаху предоставлялось право самоопределения[838]. 4 декабря это решение приветствовал Сталин. «Только идея Советской власти принесла Армении мир и возможность национального обновления»[839].

В тот же день дашнаки, формально еще контролировавшие столицу, подписали в Александрополе мир. Это был первый международный договор, заключенный правительством Анкары, и это была полная победа. Фактически Армения капитулировала. «Она, – вспоминал Ататюрк, – передала нам, т. е. национальному правительству, территорию, которые «оттоманское» правительство потеряло в 1876–1877 гг»[840]. Потери Армянской республики были огромны-

ми. Она отказывалась от условий Севра и отзывала свои делегации из стран Антанты (Ст. 9). Дашнаки отказывались от претензий на спорные с Азербайджаном территории, уступали Карскую область и т. п. Армения сокращалась до территории вокруг Эривани и частично Севана, признавала особую администрацию в Нахичевани и право Турции держать её под защитой, обязалась не вмешиваться в этот вопрос (Ст. 2). Воинская повинность отменялась. Республика сохраняла небольшие жандармские силы и «армию» в 1,5 тыс. чел. с 20 пулеметами и 8 орудиями, горными или полевыми. Иметь артиллерию калибром свыше 150 мм запрещалось (Ст. 4). Турецкий посланник получал право на военную инспекцию, Анкара обещала оказать военную помощь в случае необходимости (Ст. 5). Эривань передавала Анкаре контроль над своими железными дорогами, предоставляла льготный беспошлинный режим перевозок и т. п. (Ст. 11). Правительство Турции получало право предпринимать в случае необходимости «военные меры» (Ст. 12). За это Турция обещала помощь дашнакскому правительству «в развитии и укреплении его авторитета (Ст. 8)[841].

Вряд ли будет преувеличением сказать, что договор фактически превращал Армянскую республику в турецкий протекторат[842]. Дашнаков устраивало и это, потому что они надеялись получить помощь от турок для борьбы с большевиками[843]. Впрочем, это уже не имело значения. 2 декаб-

ря было подписано соглашение между РСФСР и АрмССР о признании независимости Армении. Статья 7 гласила: «Российское Советское правительство принимает меры к немедленному сосредоточению сил, необходимых для защиты ССРА»[844]. 4 декабря Красная армия овладела Эриванью[845]. Александропольский договор не был ратифицирован, новая, советская Армения не признала его, а Турция, по свидетельству её первого президента, пошла на уступки ради сохранения контактов с Москвой[846]. Полного контроля над Арменией не было, дашнакские отряды или не разоружались, или разоружение проводилось частично и формально[847]. Часть дашнаков во главе с премьер-министром Врацяном и полковником Гарегином Нжде ушли в горные районы Зангезура[848].

Не было полного контроля и над всей территорией Азербайджана. С июля 1920 г. в районе Ленкорани началось активное повстанческое движение. Граница с Персией фактически не существовала на деле, её легко переходили вооруженные отряды, усиливавшие сопротивление мусаватистов. Формировались бандгруппы до 150–200 сабель. Местность весьма способствовала успеху партизанских действий – это были лесистые горы, болотистые низины Куры и Аракса, отделенные от Баку солончаками Муганской степи. Численность войск 11-й армии здесь была крайне невелика, гарнизоны разбросаны по прибрежной полосе длиной около 50 км

и шириной от 3 до 10 км, остальная часть уезда контролировалась бандами. Они и составили ядро повстанческой армии в 5–6 тыс. чел. Связь с гарнизонами к концу 1920 г. поддерживалась только по морю. Возглавивший повстанцев турецкий офицер Джемаль-паша в первых числах декабря 1920 г. начал наступление на Астару. Город пришлось сдать, советский гарнизон – около 150 человек – вывезти по морю. Успехи повстанцев были остановлены действиями группы эсминцев Каспийской флотилии. Попав под огонь корабельной артиллерии, они разбежались. В конце декабря 5 транспортов при поддержке трех эсминцев и одной канонерской лодки высадили десант в Астаре. Контроль над городом был возвращен, к началу 1921 года восстание было подавлено[849].

Вслед за Азербайджаном и Арменией наступила очередь Грузии. Большевики организовали восстание в Лорийской области. Это был спорный между Эриванью и Тифлисом район, бывший уже ареной армяно-грузинской войны в 1918 году. По распоряжению британских представителей он был объявлен нейтральной зоной, но во время армяно-турецкой войны грузинские власти ввели сюда войска и развернули здесь сеть гарнизонов. Армия развязала террор, который в конечном итоге лишь помог большевикам. Выступление было подготовлено извне, приказ о его начале был отдан 8 февраля[850]. Восстание вспыхнуло в ночь на 12 февраля. Повстанцам удалось добиться успеха, частично разоружить и оттеснить грузинские части из Лорийского района.

16 февраля 1921 года в селе Шулаверы был образован Ревком Грузии, который обратился за помощью к Совнаркому РСФСР[851].

В обращении Ревкома говорилось об опасности подавления восстания силами грузинской и международной контрреволюции. «Мы надеемся, мы уверены, – говорилось в нем, – что страна не только Великой пролетарской революции, но и великих материальных возможностей не оставит нас в неравной борьбе и придет на помощь новорожденной Советской Социалистической Республике Грузии»[852]. 11-я Красная армия немедленно начала наступление по трем направлениям – из Азербайджана и Осетии в сторону Тифлиса и по побережью Черного моря в Абхазию. В Кахетии войска поначалу столкнулись с серьезным и упорным сопротивлением[853]. В грузинском правительстве царила полная растерянность[854], но командующий войсками ген. Георгий Квинитадзе сумел организовать оборону. Был взорван стратегически важный мост на границе, на ремонт которого у тылов 11-я армии ушло три дня[855]. Премьер Жордания не доверял командующему[856], но тот оказался единственным способным человеком среди руководства грузинской республики.

Задержку наступления 11-й армии вызвало и восстание, которое началось 13 февраля в тылу группы советских войск. Она была относительно немногочисленной – в Арме-

нии Красная армия насчитывала 6 тыс. штыков, 900 сабель, 45 орудий и 400 пулеметов. Накануне восстания численность красных сил в республике понизилась до 4 тыс. чел. и 2 бронепоездов[857]. Восстание подготовили и возглавили дашнаки. Их силами командовал Нжде. Поначалу движению явно не уделили должного внимания. Часть дашнацких отрядов не была разоружена, некоторые из них перешли к Нжде. Ему удалось нанести поражение нескольким отрядам Красной армии[858]. 17 февраля стало ясно, что положение в республике действительно является сложным и требуются подкрепления. 18 февраля дашнаки вновь овладели Эриванью. В городе было введено осадное положение, начались расправы над большевиками[859].

Красная армия и советское правительство контролировали до половины территории республики. В Эривани был организован «Комитет спасения Родины» во главе с Врацяном[860]. Он обратился за помощью к Турции. В письме Врацян убеждал Мустафу Кемаля в том, что Турции необходима независимая Армения, и просил оказать помощь боеприпасами, а также освободить армянских пленных. Бывший премьер при этом ссылался на обязательства Турции по Александропольскому договору вводить войска и защищать Армянскую республику[861]. К 25 февраля силы дашнаков выросли до 6 тыс. штыков, 1 тыс. сабель и 28 орудий[862]. Для того, чтобы удержаться у власти, этого было явно

недостаточно. Нужна была внешняя поддержка. Очевидно, что Нжде был прав, описывая политическую культуру своих единомышленников следующим образом: «Попрошайничество и плаксивость – психология целого периода, наше единственное политическое оружие»[863]. Разумеется, воевать ради неудавшегося протектората с единственным союзником в Анкаре не собирались, особенно во время наступления греков на Анкару, но восстание поставило крест на планах передачи спорных территорий Эривани. Даже советской.

Используя предоставленную обстоятельствами передышку, войска Квинитадзе даже перешли в частичное контрнаступление при поддержке бронепоездов, 58-я стрелковая бригада понесла серьезные потери. Но вскоре мост был отремонтирован, и уже 23 февраля по железной дороге пошли бронепоезда, которые взломали оборону грузин. Большую роль в успешном наступлении сыграли несколько танков, которые также были перевезены под Тифлис по отремонтированному мосту. Командующий 11 армией А.И. Геккер планировал обходящими ударами окружить основные силы противника. Попытки оборонявшихся перехватить инициативу и контратаковать сметались красноармейцами. Тифлис к 24 февраля оказался в мешке, из города оставался только один свободный выход – в направлении на Мцхету. 25 февраля Квинитадзе начал отступление. Вечером того же дня в столицу Грузии вошла 11-я армия[864]. 25 февраля Орджоникидзе сообщил телеграммой: «Над Тифлисом реет Красное зна-

мя Советской власти! Да здравствует Советская Грузия!»[865] Войскам Красной армии был дан строгий приказ поддерживать дисциплину и порядок: «Пусть трудовые массы Тифлиса и всей Грузии на опыте убедятся в сознательности и дисциплинированности красноармейцев»[866].

Восстание началось и в Абхазии, куда также вошли советские войска. «Темная ночь опустилась над нашей Абхазией! – гласил призыв Абревкома. – Но эта ночь не надолго. Уже близится рассвет, уже наступает день освобождения!»[867] Меньшевистское правительство бежало в Аджарию. Квинитадзе надеялся организовать оборону в Батуме, но застал в городе полный хаос[868]. Еще в 1887 году здесь была основана Михайловская крепость, которая постоянно укреплялась[869], разумеется, эти работы продолжились и во время Первой Мировой войны. После крушения Кавказского фронта город и крепость последовательно переходили в руки грузин, турок, англичан и снова грузин. Еще в феврале 1920 года Джугели заверял: «Батум – наши легкие, наши глаза, наша прекрасная легенда, наша мечта и надежда! Батум – это мы сами. И никакой силе мы не уступим его. Тем более Турции! Этой варварке, преступнице, авантюристке…»[870]

«Меньшевистской армии нет, – заявил 9 марта Орджоникидзе. – Она разошлась по домам, а небольшие остатки ее не выдерживают ни малейшего соприкосновения с поступательным движением Красной Армии»[871]. Народная гвардия

Джугели тоже разбегалась, на железных дорогах творился хаос, Военное министерство не имело представления, где и какие части находятся, в правительстве, по словам Квинитадзе, «царствовала растерянность». В это время на улицах Батума уже начали наводить порядок турецкие патрули[872]. Жордания был занят организацией совещания Учредительного собрания и на всякий случай жил в вагоне[873]. 14 марта было объявлено перемирие, а 16 марта бывшее уже правительство Грузии капитулировало, признав Ревком и подписав с его представителями соглашение о передаче власти. Оставалась еще одна проблема в Аджарии. Советское руководство еще перед началом операции в Грузии приняло решение о недопустимости захвата Батума турками[874].

В Аджарию была направлена 18-я кавалерийская дивизия под командованием Д.П. Жлобы. Он получил приказ не допустить захвата Батума турецкими войсками, не допустив при этом вооруженных столкновений с ними[875]. Это была сложная задача. Сопротивления со стороны грузинской армии уже не было. Главной проблемой была погода. Дивизия Жлобы должна была пройти через труднопроходимый Годерзский перевал, где лежал высокий снег[876]. 17 марта турецкое командование отдало приказ о переходе Батума под юрисдикцию Турции. В городе был введен комендантский час, был назначен генерал губернатор[877]. На подходе к Батуму турки несколько раз попытались задержать движение

красной кавалерии, но без успеха. Конники Жлобы вошли в город, а вскоре на помощь к ним подошла и стрелковая дивизия. Карабекир предпочел не рисковать и отступил[878].

В Москве тем временем шла советско-турецкая конференция, определявшая характер и размер помощи, которую РСФСР должна была оказать кемалистам. Без сомнения, эти обстоятельства также сыграли свою роль в решении судьбы Батума[879]. Турецкая армия покинула город. Его заняла Красная армия[880]. «Наши части заняли г. Батум 18 марта, – сообщало командование 11-й армии. – Правительство меньшевистской Грузии эвакуировалось на итальянском пароходе в Константинополь под прикрытием французских миноносцев. Все ценности и большое имущество правительство увезло с собой»[881]. Победа в Грузии позволила высвободить часть сил для решения проблемы с тылом 11 армии в Армении. 27 марта началось контрнаступление на Эривань, и 2 апреля город был взят, Советская власть восстановила контроль над столицей Армении[882]. Командование Красной армии предложило дашнакам переговоры с целью мирного очищения горных районов Зангезура. Те отказались. За этим последовали военные действия[883]. Остатки отрядов Нжде в июле бежали в Иран[884]. По требованию НКИД персидское правительство взяло на себя обязательство по их разоружению[885].

Сотрудничество Турции и Советской России не затрагивало идеологии. Мустафа Кемаль в интервью «Таймс» в марте 1921 года заявил: «Наши отношения с русскими продолжают быть дружественными, но коммунизм – социальный вопрос. Положение и социальные условия нашей страны не позволяют нам применить коммунизм»[886]. Это не мешало партнерству. 16 марта 1921 года в Москве был подписан советско-турецкий договор «О дружбе и братстве»[887]. Обе стороны договорились не признавать соглашений, которые будут навязываться им силой (Ст. 1), Турция отказывалась от претензий на Батум в пользу Грузии, которая обязывалась предоставить соседу право беспошлинного пользования портом (Ст. 2). Спорная между Арменией и Азербайджаном территория – Нахичевань – передавалась Азербайджану на правах автономии при условии, что Баку не уступит эту территорию третьей стороне (Ст. 3). Обе стороны признавали «соприкосновение» освободительной борьбы народов Востока с социальной революцией трудящихся России (Ст. 4). В будущем режим Проливов должен был быть установлен на международной конференции, но с тем условием, что безопасность Турции и Константинополя будет соблюдена (Ст. 5). Советская Россия отказывалась от прав на капитуляции (Ст. 7). Обе стороны обязались не допускать на своих территориях существования «организаций или групп, претендующих на роль правительства другой страны или части её территории, равно как и пребывания групп, имеющих

целью борьбу против другой страны». (Ст. 7)[888]

Советские войска и кемалисты установили контакт на границе, через которую проходила железная дорога. Это обусловило возможность резкого роста военных поставок в Турцию в рамках обещанной помощи. В 1921 году туркам было передано 6,5 млн руб. золотом, 33 275 винтовок, 57,986 млн патронов, 327 пулеметов, 54 орудие, 129 479 снарядов, 1,5 тыс. сабель и 2 эсминца Черноморского флота – «Живой» и «Жуткий»[889]. Положения, заложенные в отношениях между двумя странами Московским договором, были развиты в Карском договоре от 13 октября 1921 года. Правительства трех новых Советских республик Закавказья при участии РСФСР подписали договор о дружбе с Турцией. Прежние соглашения о территориях в регионе объявлялись утратившими силу, за исключением Московского договора 1921 г. (Ст. 1), все правительства советских республик обязались не признавать навязанные силой Турции договоры, если они не признаны ВНСТ (Ст. 2), подтверждали отмену режима капитуляций (Ст. 3), новые границы – Ардаган и Карс с областями оставались за Турцией (Ст. 4), подтверждалась автономия Нахичеванской области «под покровительством Азербайджана» (Ст. 5), передача Батумской области Грузии при условии предоставлении ей «широкой автономии»; Турция получала право на свободный и беспошлинный транзит через Батум (Ст. 6). Предусматривались установление в будущем режима свободного торгового судоход-

ства на Проливах (Ст. 9), обмен военнопленными (Ст. 16) и т. п[890].

Если политика Москвы в Закавказье была успешной, в Турции – продуктивной, то в Персии – в целом безуспешной. 6 июня 1921 г. Кучук-хан провозгласил создание в Гиляне Советской власти и обратился за поддержкой к Москве: «Волей трудового народа в Персии образовалась Советская власть, которая начала создавать Красную Персидскую Армию на принципах создания Российской Красной Армии для уничтожения поработителей персидского народа» [891]. 6 июня был сформирован Совнарком новой республики во главе с Кучуком. Главным лозунгом этого правительства стал призыв «Долой англичан!». По словам явно сочувствовавшего движению Раскольникова, персидская казачья дивизия в Тегеране была готова присоединиться к Кучук-хану, а англичане, отходившие в сторону Багдада, больше всего боялись своих индийских солдат, которые могли выйти из подчинения[892]. Разумеется, лозунг борьбы с англичанами был недостаточен для сколько-нибудь серьезного государственного строительства, и 7 июня Совнарком Персидской Советской республики в Гиляне издал Манифест. В нем говорилось об уничтожении монархии, создании Советской власти, равноправии наций и защите ислама[893].

Путаница между декларациями и неспособностью найти сколько-нибудь надежную социальную опору убедили совет-

ское руководство – своими силами Кучук-хан справиться не сможет и массовую поддержку его движение не получит[894]. Попытки создать более или менее значительную армию гилянскому правительству не удалось. Военная поддержка из Москвы также не была предоставлена. Небольшие столкновения с шахскими отрядами, которые опирались на поддержку Великобритании, окончились неудачно для Кучук-хана. В ноябре 1921 года шахское правительство восстановило контроль над Гиляном[895]. Часть лидеров бежала в Советский Азербайджан, Кучук-хан ушел партизанить. «В Персии все кончено, – известил Киров Москву 8 ноября 1921 г. – Энзели взят иранскими войсками»[896]. Вскоре отряды партизан были разгромлены, Кучук-хан убит, его голову отправили в Тегеран[897].

Глава 4
Завершение активной фазы Гражданской войны в Средней Азии. Хива и Бухара, начало басмачества

С началом белочешского мятежа и Гражданской войны советский Туркестан – территория с центром в Ташкенте – был отрезан от РСФСР. Связь поддерживалась только по радио[898]. К лету 1918 года Советская власть победила по всему Туркестану, за исключением Бухарского эмирата, Хивинского ханства – а также горных районов Памира, которые удалось советизировать в конце года[899]. С конца 1918 года положение усложнилось: Закаспийскую область (Туркмению) частично контролировали белогвардейцы и англичане, частично – ополчения националистов; а в степях нынешнего Казахстана попытались установить свою власть казахские националисты. Туркестанский фронт действовал в окружении[900]. Сказывались и проблемы, доставшиеся в наследство от предреволюционного периода. Еще летом и осенью 1916 года в Туркестане произошло крупное восстание в результате неудачной попытки императорского правительства прове-

сти трудовую мобилизацию.

В результате к концу 1916 г. в Туркестане на нужды фронта было мобилизовано 92 423 рабочих, еще 9 500 чел. было направлено на работы в пределах генерал-губернаторства. В ходе восстания было разорено около 9 тыс. хозяйств, убито около 4 тыс. русских, армия потеряла 97 убитых, 86 раненых и 76 пропавших без вести[901]. К началу февраля 1917 г. количество призванных несколько увеличилось – 110 тыс. было направлено на работы в прифронтовой полосе и около 10 тыс. оставлено в Туркестане[902]. Бедствия и потери местного населения были весьма велики. Около 300 тыс. казахов и киргизов откочевало в китайский Туркестан, 3 тыс. человек были приговорены к различным наказаниям, из них 347 – к смертной казни[903].

Подавление восстания не прошло бесследно. С конца 1918 года в Туркестане (Средней Азии и Казахстане) началось массовое басмаческое движение. Его целью поначалу стали русские поселки и деревни. Советские власти согласились с просьбами крестьян и вооружили их, положив начало независимой «крестьянской армии». Басмачи и крестьяне поначалу уничтожали друг друга, но с лета 1919 года, когда была объявлена продразверстка, они начали объединяться в борьбе против Советов[904]. В январе 1919 года войска Восточного фронта взяли Оренбург. Оборонявшая это направление Оренбургская армия ген. А.И. Дутова блокирова-

ла связь Советской России с красным Туркестаном и упорно защищала контролируемый участок железной дороги[905]. В апреле 1919 года Красная армия очистила путь в Туркестан, но не надолго и не прочно. По дороге могли двигаться только воинские поезда. Вскоре и эта возможность была потеряна в результате контрнаступления белых[906].

18 августа 1919 год Туркестанский фронт возглавил Фрунзе. Это означало скорые изменения[907]. 29 августа последовало новое наступление Восточного фронта, 29 августа Красная армия овладела Орском[908]. Уже 30 августа Ленин в преддверии будущей победы отправил телеграмму в Ташкент – железнодорожники должны были сделать все возможное для ремонта паровозов и налаживания движения по железной дороге. «Победу революции и красных армий, – писал он, – нужно использовать для поднятия экономической жизни Туркестана и России»[909]. 2 сентября после тяжелейших боев был взят Актюбинск. Остатки Южной армии Колчака попали в окружение[910]. 12 сентября Фрунзе доложил о полном разгроме Южной армии, в плен попало свыше 45 тыс. чел[911]. 13 сентября 1919 года контроль над железной дорогой между Ташкентом и Оренбургом был восстановлен. Фрунзе телеграфировал Ленину: «Войска Туркестанского фронта поздравляют Вас и Республику с этой радостной вестью»[912].

Контроль над Уральской областью позволил перебросить в РСФСР в краткое время до 45 млн пудов хлеба[913]. Теперь необходимо было быстро восстановить движение по дороге в Ташкент. На участке Актюбинск-Оренбург было взорвано и повреждено до 150 мостов, повреждения пути были также значительны[914]. Уже в октябре 1919 года удалось наладить движение поездов. «Месячная упорная работа по восстановлению линии Оренбург-Актюбинск 8 сего месяца закончена, – сообщил Фрунзе в Москву 11 октября. – Исправлено и восстановлено свыше сотни мостов. 9 сего месяца открыто сквозное движение Оренбург-Ташкент. На ст. Оренбург из Туркестана прибыл первый поезд с хлопком»[915].

В приказе по фронту от 23 октября 1919 года Фрунзе обратил особое внимание своих подчиненных на недопущение грабежей и насилий над местным населением. Вводилось постоянное дежурство для принятия жалоб. Командующий распорядился: «Объявить во всех частях и учреждениях, что всякий красноармеец, учиняющий какое-либо насилие, грабеж, незаконный захват подвод и т. п., будет рассматриваться как сознательный контрреволюционер, с которым будет поступлено по всей суровости революционного закона, вплоть до расстрела»[916]. Жесткая политика была успешной. Из Туркестана уже осенью 1919 г. было вывезено 3,4 млн пудов хлопка, 2 млн пудов шерсти и т. д. Поставки сырья позволили восстановить работу простаивавших фабрик. Из России

ввозились мука, сахар, мануфактура[917]. Пропускная способность дороги все же оставалась низкой, что обусловило логику действий командования Туркестанского фронта – поэтапное решение военно-политических проблем[918]. Окончательно разбить Дутова и отбросить его в степь удалось только в декабре 1919 года[919]. 6 февраля 1920 г. был взят Красноводск, ликвидирован Закаспийский фронт[920]. Эта победа среди прочего дала возможность организовать вывоз нефти. В Красноводск весной 1920 года ежедневно доставлялось по железной дороге до 45 тыс. пудов этого продукта[921]. После отступления фронта Колчака и установления прочной связи с Туркестаном огромное значение для РСФСР приобретали отношения с Афганистаном. Отношения с этой страной были чрезвычайно важны и в интересах противостояния с Англией на Востоке, и в интересах укрепления позиций в Средней Азии.

Накануне Первой Мировой войны Афганистан находился в британской зоне влияния. После младотурецкой революции в Кабуле появилась небольшая турецкая колония – 15–20 чел. – это были врачи, учителя и офицеры, которые работали инструкторами в афганской армии. Эмир организовал и первую школу с европейским образованием, в которой преподавали индусы – как правило, это были бежавшие из британской колонии революционеры[922]. После 1914 года стране стали уделять особое внимание отдаленные государства.

В 1915 году в Кабул прибыла германская миссия капитана Оскара фон Нидермайера (ок. 100 чел.) с целью спровоцировать восстание мусульман в Британской Индии и русском Туркестане[923]. Эмир Афганистана Хабибулла-хан активно использовал в качестве инструкторов специалистов из этой миссии, а также турок, немецких и австро-венгерских офицеров и солдат, бежавших из русского плена[924]. Еще в ноябре 1914 года произошли первые инциденты на афгано-индийской границе. На британские посты начали нападать пуштуны из провинции Хост[925].

Наиболее опасным районом была провинция Вазиристан, населенная рядом воинственных племен, из них больше всего проблем англо-индийской администрации создавали махсуды (масиды). Местное население не хотело подчиняться и охотно шло за проповедями мулл, призывавших к борьбе с «неверными». Еще эмир Абдур Рахман-хан в 1888–1892 гг. пытался уговорить англичан вернуть Вазиристан под контроль Кабула, но без особого успеха[926]. В 1915 г. под влиянием воззвания османского султана Халифа улемами был объявлен джихад – в 1915 и 1916 годах количество вооруженных конфликтов на границе увеличилось[927]. Но эмир Хабибулла не поддержал планы восстания пуштунских племен против британской власти, которое собирались начать в 1916 году[928]. Со своей стороны, и Правительство Великобритании в этот период старалось воздержаться от ненужного обостре-

ния отношений с Кабулом. Тем не менее спокойствия на границе не было. Части англо-индийской армии и мятежники обменивались набегами друг на друга[929]. В 1917 году терпение вице-короля Индии закончилось, против махсудов была проведена карательная экспедиция[930]. Они вынуждены были сдать несколько сотен винтовок, отпустить всех пленных и похищенных индийцев[931].

На фоне этих событий популярность афганского монарха была поколеблена, летом 1918 года его машину обстреляли неизвестные[932]. Это недовольство только увеличивалось. Хабибуллу упрекали в том, что он самолично растрачивает получаемые от англичан субсидии[933]. 2 февраля 1919 года эмир обратился к правительству Британской Индии с требованием предоставить его стране независимость[934]. Он хотел получить ее как своеобразный приз за нейтралитет во время Первой Мировой и предлагал, чтобы Афганистан принял участие в Версальской конференции[935]. Уже в ночь с 20 на 21 февраля Хабибуллу застрелили. После охоты в резиденции под Джелалабадом была разбита роскошная палатка эмира. И сам он, и его охрана мирно спали, внезапно раздались выстрелы. Командование гарнизоном в Джелалабаде взял на себя брат эмира Насрулла-хан. Он объявил себя эмиром, но его не поддержали войска и пуштуны. Насруллу поначалу подозревали в организации убийства брата. Власть перешла к сыну убитого Аманулле, который был наместни-

ком в Кабуле[936].

Армия и большая часть вождей племен поддержали именно Аманулу. Тот уже в первом своем манифесте заявил, что будет добиваться полной независимости страны[937]. 3 марта 1919 г. новый эмир обратился к вице-королю Индии с предложением обсудить условия признания независимости Афганистана. Ответ пришел 15 апреля. Лорд Фредерик Челмсфорд согласился обсудить новые условия торгового соглашения[938]. Уже 13 апреля Аманулла-хан собрал в Кабуле дурбар[939], который высказался за независимость[940]. Эмир несколько раз повторил свой вопрос присутствовавшему на дурбаре британскому агенту – понял ли он то, что произошло. Последовал положительный ответ[941]. Отношение Аманулы к Советской России было двусмысленным. 7 апреля 1919 года он обратился к «Его Величеству Президенту Великого Российского государства» с письмом, извещающим об убийстве отца и о своём восшествии на престол. Новый правитель Афганистана предлагал признать независимость его страны и вступить в переговоры об установлении двусторонних отношений[942].

После событий в Амритсаре в апреле 1919 года северо-западную Индию лихорадило. Волнения перекинулись во все крупные города. Начались частые нападения на железные дороги и телеграфные линии. Британских войск не хватало для эффективного контроля над территорией. Власти вынужде-

ны были направить в Пенджаб авиацию и броневики[943]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.